

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

•

ИНСТИТУТ

МИРОВОЙ

ЛИТЕРАТУРЫ

ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

Б. А. КАРРЫЕВ

ЭПИЧЕСКИЕ
СКАЗАНИЯ

О КЕР-ОГЛЫ

У ТЮРКО-
ЯЗЫЧНЫХ
НАРОДОВ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1968

8 С

К 26

Ответственный редактор

Е. М. Мелетинский

Книга рассказывает о зарождении и широком распространении эпических сказаний «Кёр-оглы» среди тюркоязычных народов, знакомит с основными сюжетами и особенностями национальных версий эпоса, раскрывает их генетические связи, характеризует творчество народных исполнителей «Кёр-оглы».

7-2-2

105-68

ОТ АВТОРА

На протяжении многих веков среди тюркоязычных и других народов Средней Азии и Казахстана (туркмен, узбеков, казахов, каракалпаков, таджиков и арабов), Сибири (тобольских татар), Кавказа (азербайджанцев, кумыков, армян, грузин, абхазцев), Ближнего Востока и Балкан неизменной популярностью пользуются эпические сказания о Кёр-оглы. Различия в языке, национальной культуре и религии не были препятствием для распространения этого эпоса в огромном ареале, где он бытует под названиями «Кёр-оглы», «Гёр-оглы», «Кур-оглы», «Гургули», «Кер-оглы». Версии этих народов, несмотря на совпадение некоторых сюжетных линий и общность мотивов, своеобразны и оригинальны. Специфична их поэтическая и стилевая система, определяемая национальной фольклорной традицией.

Первое упоминание о Кёр-оглы мы находим у армянского историка Аракела Тебризского в его «Истории» (1662 г.). Он сообщает о восстании крестьян и городской бедноты, один из вожаков которого носил имя Кёр-оглы. Как видный участник восстания джалалинцев Кёр-оглы упоминается и в «Книге путешествий» турецкого автора XVII в. Эвлии Челеби. От XVIII в. дошли до нас записи песен «Кёр-оглы», сделанные в 1722 г. армянином Элиасом Мушегяном и азербайджанским поэтом Андалибом Караджадаги, а также строки туркменского классика Махтумкули о герое эпо-

са, столь популярном среди туркмен. В первой половине XIX столетия в газетах и журналах публикуются сказания из «Кёр-оглы», а в 1842 и 1856 гг. осуществляютя наиболее полные для своего времени издания эпоса. Во второй половине XIX в. появляются литографии сказаний.

Несомненный интерес, по крайней мере для изучения среднеазиатских версий «Кёр-оглы», представляет запись (на арабской графике), датированная 1853 г., которая хранится в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР.

Однако, несмотря на давность традиции письменной фиксации и публикации сказаний о Кёр-оглы, все, что сделано до Великой Октябрьской революции, не может идти ни в какое сравнение с той огромной, всесторонней работой по изучению и обнародованию эпоса, которая проводится в нашей стране в годы Советской власти. Это и понятно, ибо Коммунистическая партия Советского Союза и Советское правительство уделяют постоянное внимание подъему культуры народа, освоению духовных богатств, созданных предшествующими поколениями. И все же эпические сказания о Кёр-оглы тюркоязычных народов Советского и зарубежного Востока изучены недостаточно, немало еще нерешенных проблем и многое предстоит сделать.

В настоящей работе мы попытаемся путем историко-сравнительного анализа ряда национальных версий эпоса показать то общее, что объединяет эти версии, а также их национальное своеобразие и проследить историю возникновения и развития эпических сказаний «Кёр-оглы».

Решение проблемы генезиса «Кёр-оглы» осложняется тем, что до настоящего времени не учтены, не собраны и не систематизированы многочисленные национальные версии и варианты эпоса, тексты их не изданы и не подготовлены для академического издания. Разнообразны отраженные в них события — исторические и легендарные — быт и нравы, мироощущение, эстетические и этические идеалы создателей национальных версий.

Одна из трудностей заключается и в том, что эпос непрерывно изменялся и обновлялся в течение нескольких столетий в зависимости от среды, где он бытовал,

в соответствии с художественными фольклорными традициями и морально-эстетическими воззрениями сказителей.

«Народ, — говорил М. И. Калинин, — это все равно, что золотоискатель, он выбирает, сохраняет и несет, шлифуя на протяжении многих десятилетий, только самое ценное, самое гениальное»¹. Многонациональный характер сказаний о Кёр-оглы, их жизнь на протяжении веков и популярность в наши дни, наличие примерно у двух десятков народов Востока множества вариантов внутри самобытных национальных версий позволяют говорить о большой идейной и художественной ценности эпоса, о том, что сказания о Кёр-оглы, отразившие в художественно обобщенной форме события давно минувших времен, не потеряли своего познавательного, воспитательного и эстетического значения.

¹ «М. И. Калинин о литературе. Сборник статей и высказываний», Л., 1949, стр. 195.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАЗВИТИИ СКАЗАНИЙ «КЁР-ОГЛЫ»

Необычайная распространенность сказаний о Кёр-оглы среди многих народов Средней Азии, Кавказа, Сибири, Ближнего Востока и отчасти Европы, кажется, не имеет прецедента в героико-эпическом фольклоре. Эта особенность «Кёр-оглы» выдвигает как одну из первостепенных проблему генезиса эпоса, определения места и времени его возникновения.

Сказания о Кёр-оглы условно называются историческими, поскольку они отражают действительные события XVI—XVII вв., кстати сказать, до настоящего времени недостаточно освещенные в трудах историков. Однако мы не должны забывать, что позднесредневековое историческое ядро (южноазербайджанская основа) сказаний сложилось на почве уже существовавшей эпической фольклорной традиции. В эпосе наличествуют элементы мифотворчества, представлены нормы и реалии родового строя. Сказанное в первую очередь относится к среднеазиатским, в частности узбекской и туркменской, версиям эпоса (культ коня, мифические персонажи — дэвы, пери, старуха-колдунья, героическое сватовство, состязание женихов, умыкание невесты в соответствии со строгими нормами экзогамного брака и т. п.). Однако основное содержание эпоса — смелая и продолжительная борьба храброго воина, певца и музыканта Кёр-оглы против иранских шахов и турецких пашей, а также против местных угнетателей. Образ отважного Кёр-оглы, бесстрашного, талантливого и мудрого предводителя смельчаков-джигитов, обосновавшихся в неприступной крепости Чандыбиль, резко контрастирует с образами зловещего турецкого султана и жестокого деспота — персидского падишаха.

Слава о вожаке крестьянских масс и народном мстителе постепенно распространилась далеко за пределы возможных исторических событий, локализуемых в Южном Азербайджане. Песни и предания, легенды и сказания о Кёр-оглы, передаваясь из уст в уста и переходя из одной страны в другую, дополнялись и расширялись, образуя порою большие циклы (например, у узбеков и таджиков).

Являясь творением многих народов и поколений, версии «Кёр-оглы» отличаются не только сюжетами, художественно-изобразительными средствами, но и своеобразием отбора и освещения событий. В южноазербайджанской версии больше, чем во всех других, элементов исторических. Она охватывает крестьянское восстание джалали (XVI в.), а также некоторые другие народные выступления конца XVI и начала XVII в.

Профессор Х. Самуэлян в предисловии к армянской версии «Кёр-оглы» пишет: «Действительно, в XVII столетии существовала личность по имени Кёр-оглы, пользовавшаяся огромной славой. В азербайджанских и турецких вариантах эпоса упоминается, что Кёр-оглы по происхождению был туркменом из племени тук¹ и его отец служил у султана Мурада»².

Исследование армянского ученого опирается на свидетельства Аракела Тебризского (ум. в 1670 г.)³ и Элнаса Мушегяна (XVIII в.), чьи строки служат почти единственными источниками, проливающими свет на проблему места и времени сложения южноазербайджанской версии «Кёр-оглы». Аракел Тебризский рассказывает о событиях времени царствования персидского шаха Аббаса I. Говоря о народных восстаниях конца XVI и начала XVII в., он в числе их вожakov называет Кёр-оглы, «который сочинил много песен, кои и ныне воспевают ашуги»⁴.

Аракел Тебризский рассказывает, что восставшие назывались джалалинцами (от арабского слова «джалал» — «знаменитый», «славный», «внушающий страх») и что они беспощадно боролись против шаха и его сто-

¹ Точнее, племя теке.

² «Кёр-оглы. Народный эпос», Ереван, 1941, стр. 27.

³ «История Аракела Даврижеци (Тебризского)», Вагаршапат, 1896 (на древнеарм. яз.).

⁴ «Кёр-оглы. Народный эпос», стр. 29.

ронников. Он пишет: «Все они — „джалалинцы“, которые не подчинялись монарху; нигде они не имели постоянного жительства; на своем пути они разрушали, уничтожали все; где бы до их слуха ни доходило сведение о поселениях, они немедленно направлялись туда, забирали добычу, грабили и предавали их огню»⁵.

Разумеется, восставшие разрушали укрепления деспота и его приспешников. В условиях длительной борьбы с сильным врагом повстанцы вынуждены были часто менять места расположения своих отрядов. О такой тактике Кёр-оглы и его удалцов повествуют все национальные версии эпоса.

Весьма интересны записи армянского купца из Персии Элиаса Мушегяна. По сообщению Х. Самуэляна, Элиас Мушегян был послан персидским шахом в Россию, но был арестован в Астрахани как тайный политический агент Персии. При аресте у него был отобран сборник песен.

Этот сборник содержит тринадцать песен о Кёр-оглы, записанных в 1721 г. армянскими буквами на тюркском языке. Они опубликованы в Ереване в 1954 г.⁶ Мушегян сопровождает песни кратким пояснительным текстом, построенным на рассказах местных певцов и старожиллов. В частности, из комментариев мы узнаем, что Кёр-оглы «проживал в горах и лесах страны османской. Во главе многочисленных наездников он господствовал над дорогами; иногда грабили проезжих купцов, иногда мирно взимал с них деньги... Это было в царствование шаха Аббаса персидского и султана Мурада турецкого»⁷.

Характерно, что в основном рассказы Мушегяна о Кёр-оглы и его действиях совпадают с народными сказаниями, где герой сторожит пути и подступы к крепости Чандыбиль, взимает с купцов и торговцев дань и распределяет ее между своими соратниками и бедными людьми.

⁵ Там же.

⁶ А. Абрамян, Д. Габриелян, *Неизданные песни Кёр-оглы*, — «Известия АН АрмССР. Общественные науки», Ереван, 1954, № 9, стр. 71—93.

⁷ «Кёр-оглы. Народный эпос», стр. 28.

По существу «История» Аракела Тебризского и комментарии Мушегяна дают первые сведения о личности Кёр-оглы. Важно, что сообщены они жителями Южного Азербайджана XVII и XVIII вв., который, по всей вероятности, является местом оформления основного, исторического, ядра эпоса на базе уже сложившейся азербайджано-туркменской традиции сказаний о народных мстителях, благородных разбойниках.

Песни, записанные Мушегяном, по своим основным мотивам, по строфике и ритмике либо совпадают с азербайджанской и туркменской версиями, либо имеют с ними близкие параллели. Обратимся к некоторым примерам. В песне о похищении Гыр-ата и битве героя с Хасан-пашой Кёр-оглы осуждает Хасан-пашу за то, что тот нападает на народ его страны, разоряет его соотечественников. Кёр-оглы говорит своему противнику, что полон решимости биться с ним и разгромить его.

Нә хәрбә кәлирсән, эй Хасан паша:
Мәним ат ишләмәз йолларым вардыр.
Атыны угратма гаядан даша.
Мәним сәиннән горхмаз дөтиләрим вардыр.
Язарсан намәрдә, хай, исмариши,
Көрмүшүк бахары, сейр этдин гишы.
Бир игидим мин игидин гаршысы.
Чикинчә зәрли гулларым вардыр.
Ала гөзлүм бадә ичмиш, айылыр,
Сөз узанса чайныр кимн яйылыр.
Һәр күшәдә мин игидим сайылыр.
Мәним агыр-агыр элләрим вардыр.
Чыхарсан гайыя, сейр элә дүзү,
Ендик, сейр эйләдик Шамы, Нүрмүзү.
Эйваза етинчә гыраам сизи,
Ерзинкә дүзүндә чөлләрим вардыр.
Короглум дейир, гизлин сирләр ачманам,
Чох гәним позмушам, дөнүб дәмәнәм,
Сәрфәм этмәз гарлы даглар ашманам.
Мәним комәйимә гөләним вардыр⁸.

О Хасан-паша! Зачем ты идешь войной?
Мои дороги [такие, что] недоступны коням.

⁸ А. Абрамян, Д. Габриелян, *Неизданные песни Кёр-оглы*, стр. 88—89.

Не направляй коня со скалы на камень.

У меня есть такие безумцы, кои не боятся тебя.

Эй ты, который пишет послания трусам!

Мы наслаждались весной, а ты гулял зимой.

Есть у меня джигиты, каждый из которых равен тысяче твоих.

Есть у меня рабы, чтобы выйти с золотом [?]

У меня просыпается красавица со сверкающим взором,
которая выпила вина.

Многословная речь — как сорняк.

У меня в каждом укромном уголке по тысяче джигитов.

У меня много-много народов.

Ты поднимаешься на скалы, проходишь пустыни (вероятно,
«сəхрəя-дүзə» — «по степи и равнине». — Б. К.).

Мы победили и прошли Шам и Хурмуз.

Пока вы достигнете Айваза, я истреблю вас.

Принадлежат мне степи в равнинах Эрзинка.

Кёр-оглы никогда не раскрывает тайн.

Много врагов я сокрушил, но не преследовал
обращенных в бегство.

Достоинство мне не позволяет бежать за снежные горы.

У меня есть люди, которые [всегда] приходят мне на помощь.

Мы воспроизводим полный текст этой старинной песни «Кёр-оглы» по ряду соображений. Во-первых, потому, что ее часто пели в азербайджано-туркменской среде как во времена Мушегяна, так и в последующие века, что подтверждается наличием данной песни в репертуаре азербайджанских ашугов⁹ и туркменских бахши. Во-вторых, сличение записей Мушегяна и названных версий подтверждает устойчивость идеи, основного мотива песни и своеобразие, изменяемость ее формы в разных версиях. В самом деле, текст Мушегяна состоит из пяти строф, размер песни — одиннадцатисложник, схема рифмовки — *абаб* (первая строфа), *вввб* (все последующие строфы). Это типичное народное *кошма*//*кошги*//*кошук*. В туркменской версии эта песня существует точно в той же форме и в том же размере. Идея та же — отпор врагу Хасан-паше. Две строки первой строфы совпадают дословно:

Атыңы угратма гаядан даша,

Мениң ат ишлемез ерлерим бардыр.

⁹ См., например, «Короглу», Баки, 1956, стр. 377.

Незначительно расхождение следующих строк с предпоследней строфой из записи Мушегяна:

Чыкар мен чөллере, авлар мен дүзи.
Өвезе етинчә, гыраг мен сизи.

Каркас песни сохранен и в азербайджанском «Кёр-оглы». В то же время возможная «первооснова» песни не вошла в «канонический» текст азербайджанской песни и сильно варьируется в репертуаре ашугов. Именно в бакинском издании 1956 г. (см. стр. 176—177) количество строф песни меньше, чем у Мушегяна, иной размер (восьмисложник). В этом издании в виде приложения дан текст песни Мушегяна и для сравнения — вариант ашуга Асада. Однако и у Асада зарегистрированы не пять строф, а всего три. Хотя сюжет и размер песни тот же, что в записи XVIII в., ни одна его строфа не повторяет текста Мушегяна. Заметим, что азербайджанские издатели, к сожалению, местами отходят от записи. Например, слова «дәлилерим», «мәним» переданы как «бәкларим», «бәним» (см. стр. 377), что, разумеется, недопустимо в подобных публикациях.

В предполагаемую пору складывания ядра эпоса (XVI—XVIII вв.) население Южного Азербайджана в этническом отношении представляло собой весьма пеструю массу. Однако наиболее многочисленную группу составляли азербайджанцы и туркмены, в среде которых, по всей вероятности, и оформилось историческое ядро эпоса.

Если взять песни «Кёр-оглы», особенно старые записи (И. Шопена, А. Ходзько и др.), то порой почти невозможно отличить их от азербайджанских и туркменских (образы главного героя, его боевого коня, совпадение отдельных песен по содержанию и форме и т. п.). Между прочим, некоторые азербайджанские дастаны, вроде «Асли и Керем», «Шасенем» («Шахсенем и Гариб»), «Саят и Хемра», генетически восходящие к Южному Азербайджану, почти идентичны фольклору туркмен. Естественно, что некоторые из названных и других дастанов популярны и среди курдов, армян, турок по причине тесных исторических и культурных связей этих народов.

Интересные сведения о сложном этническом составе населения Южного Азербайджана, о бурных событиях XVI—XVII вв. этого и сопредельных с ним районов и стран мы находим в трудах советского востоковеда И. П. Петрушевского, которые помогают осветить проблему генезиса «Кёр-оглы». Данные, сообщаемые И. П. Петрушевским, разъясняют многое в туркмено-азербайджанских отношениях, т. е. о жизни той среды, из которой, возможно, вышли главные герои сказаний, вожаки крестьянских восстаний — Кёр-оглы и др.

«После того как султан Хасан-падишах, по прозвищу Узун-Хасан («Длинный Хасан», 1453—1478), из династии Байандури, глава так называемого Ак-Койунлу (белобаранного) объединения туркменских племен,— пишет И. П. Петрушевский,— в 1467—1468 гг. разгромил правивших в Южном Азербайджане падишахов Кара-Койунлу (чернобаранных) туркмен, Южный Азербайджан стал центральной областью державы Ак-Койунлу. Падишахи этой династии (носившие также титул султана) правили здесь, сидя в Тебризе, с 1468 до 1501 года н. э. ...Держава Ак-Койунлу, включившая в свои пределы Южный Азербайджан, Карабах, Армению, Курдистан, Дийарбекр, Ирак арабский (Месопотамию), Ирак персидский (сев.-зап. Иран), Фарс и Кирман, была конгломератом стран и народов с неодинаковой культурой и различными социально-экономическими условиями...»¹⁰. «В державе Ак-Койунлу руководящей и наиболее мощной группой класса феодалов была во-

¹⁰ И. П. Петрушевский, *Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу*, — «Сборник статей по истории Азербайджана», вып. I, Баку, 1949, стр. 144.

Семейно-брачные связи правителей Южного Азербайджана в рассматриваемый период были очень сложными. Например, Узун-Хасан был женат на дочери трапезундского императора Карла (Иоанна Комнина) — Катерине (Десинна-хатун). От нее у Узун-Хасана была дочь, имевшая много имен: мусульманское Халима, христианское Марта и среди прочих — Баки-ага и Алем-шах-бегум.

Мы обращаем внимание на имя девушки, так как в туркменской и узбекской версиях «Кёр-оглы» жену богатыря зовут Ага-Юнус, что с точки зрения ономастики производит несколько странное впечатление. Однако приведенный исторический факт свидетельствует о существовании в прошлом традиции присоединять к именам не только мужским, но и женским слово «ага» — «господин», что практикуется у туркмен и в наши дни. Так что имя Ага-Юнус, дочери эпического шаха, находит свое историческое объяснение (см. И. П. Петрушевский, *Внутренняя политика...*, стр. 175).

енная знать (эмиры) кочевых племен (туркменских, азербайджанских, курдских)... Вся власть в государстве принадлежала военно-кочевой знати, в особенности знати главных белобаранных племен...»¹¹.

Жизнь простого народа была невыносимой. В XVI—XVII вв. число податей и повинностей составляло не менее двадцати пяти: «харадж» — поземельный налог, «ихраджат» — налог на содержание военных, гражданских и духовных лиц, «шилтакат» — сбор в пользу чиновников, «алафа», «улафа» — поставки продовольствия для войск и фуража для конницы, «улаг» — ямская повинность, «коналга» — кормление послов, курьеров и т. д., «бигар» — разные принудительные работы на постройке крепостей, зданий, дорог, подать посемейная, подушная и т. п.

«Тяжелое положение крестьян и городской бедноты вызывало целый ряд волнений в среде народных масс. Народные движения выступали под оболочкой религиозно-мистической идеологии, как и в средневековой Западной Европе...»¹². Ф. Энгельс писал о подобных западноевропейских народных движениях. «И во времена так называемых религиозных войн XVI столетия речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны так же были борьбой классов... Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это нисколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»¹³.

В сказаниях о Кёр-оглы герой борется против жестокого угнетения феодалов — Хункара (Хуткара), Рейхана, Юсуфа и др., и эта борьба также носит религиозную окраску и часто изображается (в зависимости от версии) то как антишинтская, то как антисуннитская.

В сказаниях о Кёр-оглы герой борется не только с шахами, пашами и султанами, но и с богатыми купцами. Кёр-оглы контролирует караванные пути у Теб-

¹¹ Там же, стр. 144.

¹² Там же, стр. 147—148.

¹³ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 7, стр. 360.

риза и горные проходы, насильственно взимает дань с купцов, мстя торговцам и их высоким покровителям за грабеж населения. Действия героя эпоса находят историческую мотивировку. В частности, Тебриз в XIII—XV вв. был крупнейшим центром караванной торговли всей Азии. Он связывал торговыми путями многие страны Востока и Запада. Феодалы-хозяева города участвовали в караванной торговле, внося средства в купеческие компании, получая нужный товар и деля с купцами барыши.

В ограблении трудового народа не отставало от феодалов и мусульманское духовенство. Мусульманские религиозные учреждения и духовные лица, владея в городах, особенно в Тебризе, целыми базарами, базарными рядами, кварталами, взимали определенные сборы с торговавших там купцов и ремесленников¹⁴. Как пишет И. П. Петрушевский, «значительная часть тебризских ремесленников сильно страдала от тяжести налога с ремесла и торговли (тамга) и от притеснений правителей...»¹⁵. «Восстания крестьян и ремесленников как в Азербайджане, так и в Иране и в других областях Кызылбашского государства в 70—90-х годах XVI в., на почве борьбы против налогового гнета, были часты. Помимо тебризского восстания, упомянем здесь о восстании в Ширване в 1577/8 г., о восстании в Талыше в 1580/81 г. В 1580 г. произошли восстания народных масс, руководимых календарами (дервишами), в Фарсе, Луристане, Хорасане. Еще раньше, одновременно с тебризским восстанием, в 1572 г. вспыхнуло восстание в Гиляне, которое Шереф-хан Битлис называет восстанием, „гилянское простонародья и черни“... Последняя четверть XVI в. была временем ряда народных восстаний во всей Передней Азии, связанных с повсеместным ростом податей и феодальных повинностей»¹⁶.

В тебризском восстании (началось весной 1571 г., кончилось 22 апреля 1574 г.) движущей силой были ремесленники и городская беднота. Среди руководителей

¹⁴ См. И. П. Петрушевский, *Государства Азербайджана в XV в.*, — «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 196.

¹⁵ И. П. Петрушевский, *Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571—1573 гг.*, — «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 218.

¹⁶ Там же, стр. 220.

восстания были сукновал, сапожник, сын изготовителя шальвар, погонщик верблюдов, зеленщик, а также профессиональные борцы — пехлеваны. В их числе историк Хасан-бек Румлу называет пехлеванов Яри и Аваза¹⁷. Возможно, упомянутый Аваз явился прототипом эпического Аваза или принял эпическое имя.

Народные восстания, нашедшие свое отражение в сказаниях о Кёр-оглы, были направлены одновременно и против кровопролитных и разорительных для населения войн, которые велись между правителями Южного Азербайджана и османской Турции. Осmano-кизилбашские войны шли с переменным успехом и небольшими перерывами свыше ста лет.

Особой свирепостью отличался турецкий султан Мурад III (1574—1595, один из главных противников эпического Кёр-оглы), двинувший на Кавказ сотысячную армию во главе с Мустафа-пашой (Мустафа-паша — один из противников Кёр-оглы; по туркменской версии, Мустафа нападает на страну Кёр-оглы во главе турецких войск). На стороне азербайджанцев и туркмен сражались армяне и грузины. После ожесточенных боев турецкому паше все же удалось временно захватить Азербайджан, Армению и Грузию.

Было бы неправильным полагать, что в той политической обстановке, усложнявшейся еще более религиозной враждой, народы Южного Азербайджана, Кавказа или Средней Азии постоянно и прочно держали сторону, скажем, персидского шаха в его борьбе с турецким султаном. Трудовой люд, их смелые вожаки вроде легендарного Кёр-оглы выступали и против чужеземных и против своих властелинов. Заслуживает внимания упоминаемое И. П. Петрушевским событие 1584 г.¹⁸, когда попытка персидского шаха Мухаммеда Худабенде сместить и арестовать по совету сановника Хамза-мирзы беглербега Южного Азербайджана по имени Амир-хан мовсилу-туркеман вызвала крупный мятеж туркменских племен туркеман и гекелю. Подавление мятежа сопровождалось грабежом и массовыми убийствами, разорением Южного Азербайджана. Советчик шаха Хамза-мирза вошел в эпос «Кёр-оглы» и в неко-

¹⁷ Там же, стр. 221.

¹⁸ И. П. Петрушевский, *Азербайджан в XVI—XVII веках* «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 273.

торые другие фольклорные произведения туркмен и азербайджанцев как тип отрицательный (коварный лазутчик и похититель коня Кёр-оглы — у азербайджанцев вельможа персидского шаха, ведавший тюрьмой — зинданом — у туркмен).

Таким образом, если даже воздерживаться от отождествления героев «Кёр-оглы» с конкретными историческими личностями, нельзя не признать того факта, что именно события XVI—XVII вв. в Южном Азербайджане легли в основу сказаний о народном мстителе, подобном Кёр-оглы.

Среди имеющих непосредственную связь с вопросом складывания мотивов и образов эпоса «Кёр-оглы», на наш взгляд, следует выделить движение джалалиев (джалали).

«Первые серьезные отзвуки охватившей всю Империю (турецкую. — Б. К.) смуты совпали с восстанием турецких ленников из туркмен и курдов... В Ираке Арабском... Багдадский Вали, Дели Хусейн (точнее Хасан. — Б. К.), принял активное участие в мятеже своего брата Караязыджи, ввиду чего положение турецкого правительства на здешней окраине сразу оказалось весьма затруднительным»¹⁹.

Среди вожakov восстания упоминается Дели Хасан. В эпических сказаниях о Кёр-оглы Дели Хасан выступает то верным помощником героя, то его приемным сыном. По имени шейха Джалала — вождя восстания 1518 г. в районе Токата (Малая Азия) — всех поднимающих восстания против правителей стали называть «джалали». К концу XVI в. восстания джалали значительно усиливаются. В это время повсеместно наблюдался резкий упадок сельского хозяйства, что привело к разорению и мелких феодалов-ленников (сипахов). Как указывает И. П. Петрушевский, «ревизия списков этих сипахиев, при которой множество мелких тимариотов (т. е. ленников. — Б. К.)... было исключено из рядов войска и вместе с тем лишалось своих тимаров, вызвала грандиозное восстание под предводительством Кара Языджи... Вскоре к тимариотам-сипахиям прим-

¹⁹ А. Адамов, *Ирак Арабский. Бассорский вилайет в его прошлом и настоящем*, СПб., 1912, стр. 332. Подробнее см. А. С. Тверитинова, *Восстание Кара Языджи — Дели Хасана в Турции* М.—Л., 1946.

кнули крестьяне, кочевники, беглые солдаты (фирари) и другие обездоленные люди. Это движение сильно расшатало османскую державу.

Движение джалали быстро распространилось и на территорию Курдистана, Армении и Азербайджана. Уже в 1602/3 г. н. э. Искандер Мунши упоминает о поднявшихся в этих странах „черни и подонках“ (аджамирэ ва обваш) и „мятежниках“ (бидоулетан), к которым присоединились и османские воины. По словам того же автора, Южный Азербайджан и Ширван в то время находились „во власти сборища мятежников-джалалиев“, а османский правитель Тебриза Али-паша отложился от султана и стал мятежником»²⁰.

В работах И. П. Петрушевского мы находим краткие сведения об одном из противников шаха Аббаса — талантливом полководце Джигали-оглу, который в 1605 г. возглавил контрнаступление османских войск. Мы обращаем на эту фигуру внимание как на возможный прототип одного из старших героев туркменской версии «Кёр-оглы» — Джигали-бека, непримиримого врага шахов и султанов, деда и мудрого наставника Кёр-оглы. «Аракел Тебризский, стоявший на церковно-феодальной точке зрения и ненавидевший джалалиев, все же признавал, что „это были люди выдающиеся, счастливые и храбрые на войне, никогда не побежденные“, что к мусульманам примыкали «некоторые христиане, не боявшиеся бога»²¹.

Несмотря на жестокие меры иранских и турецких феодалов, движение джалали продолжалось и в XVII в. Суровая политика шаха Аббаса и его преемника — внука Сафи (1629—1642) вызывала новые вспышки народного гнева, обретавшие форму восстаний и вооруженной борьбы. Перечислим лишь наиболее крупные из них: 1610 г. — волнение курдского племени мукри в Азербайджане, кончившееся истреблением значительной части племени; 1614—1615 гг. — восстания в Грузии и в Ширване; 1616 г. — новые волнения курдов в Салатмассе; 1625 г. — восстание армян и азербайджанцев в Карабахе; 1629 г. — восстание талышских крестьян и т. д.

²⁰ И. П. Петрушевский. *Азербайджан в XVI—XVII веках*, — «Сборник статей по истории Азербайджана», стр. 275.

²¹ Там же, стр. 283.

Нет сомнений, что длительная борьба угнетенных масс крестьянства и городского населения, образы вожаков народных выступлений нашли отражение в эпосе «Кёр-оглы». Но «проблема... исторической личности Кёр-оглы,—как справедливо пишет проф. Самуэлян,— все еще остается неразрешенной»²². «Трудно сказать, однако, в каком отношении этот исторический Кёр-оглу стоит к герою народных сказаний. На протяжении трех столетий народными певцами-ашугами слагаются песни, передающие яркую эпопею любимого народного героя, блестящие подвиги его с конем Кырат. Возможно, что один из вождей джалалийского движения прицл на себя имя Кёр-оглу, популярное благодаря сложившейся ранее легенде»²³.

Вместе с тем накоплен значительный материал, позволяющий установить место, время и среду, т. е. историческую обстановку, в которой складывался народный эпос «Кёр-оглы». В этом плане значительный интерес представляет большая запись «Кёр-оглы», сделанная И. Шопеном со слов тюркоязычного певца в 30-х годах прошлого столетия в Южном Азербайджане, на берегу Аракса²⁴.

«Из с. Кульпы я отправился в третье ущелье, разделяющее гору Такалту от Партогской, или по-татарски Кёр-Оглу-дага; в продолжение первых тридцати верст дорога наша следовала вверх по правому берегу Аракса... После невероятных трудов мы, наконец, достигли... Ир-Абада...

Ир-Абад находится у самой подошвы горы Кёр-Оглу, где уцелели развалины обиталища славного разбойника, имя которого доныне заставляет молчать всех плаксивых детей в околотке. Я изъявил желание осмотреть эту древность, и мы пустились по тропинке, изгибающейся вдоль юго-западного ската гранитного утеса... Небольшая калитка служит входом в бывший вертеп разбойника; но это передовое строение, вероят-

²² «Кёр-оглы. Народный эпос», стр. 27.

²³ И. П. Петрушевский, *Очерки из истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX века*, Л., 1919, стр. 328.

²⁴ И. Шопен, *Кёр-Оглу. Татарская легенда*, — журн. «Маяк современного просвещения и образованности. Труды ученых и литераторов, русских и иностранных», ч. I—II, СПб., 1840, гл. III, стр. 12—25.

но, была башня для защиты входа в укрепление; настоящие жилища находились несколько ниже шпиля, где я, по признакам, насчитал до десяти бывших землянок. Там же находится и другой колодец не менее прозрачной воды. Вся вершина этой скалы имеет около 6 сажен в окружности; бока же, опускаясь со всех сторон перпендикулярною стеною, делают место это, в буквальном смысле, неприступным и настоящим жилищем разбойника; судя по пределам вечного снега на ближайших горах, можно полагать возвышение Кёр-Оглинской крепости над уровнем Черного моря в 7000 париж. фут. ...Мы заговорили о Кёр-Оглу, и, к счастью, между сопровождающими нас татарами был один из их странствующих бардов, который взялся пропеть легенду в честь этого разбойника. Мы расположились на самом удобном месте шпиля, вероятно, на том же, откуда он, соколиным оком, стерег караваны, следовавшие из Персии, или спускавшиеся от Талина к Араксу»²⁵.

Далее Шопен сообщает, что певец, по имени Омир, под аккомпанемент чангура «местами напевом, местами речитативом» исполнил волнующие песни о подвигах легендарного наездника, благородного разбойника Кёр-Оглу.

По признанию Шопена, эти песни он записал с помощью армянского переводчика, и поэтому не может гарантировать точность передачи текста сказителя, и что последние строфы — его, Шопена, «изобретения» («Я не мог устоять против желания одеть разбойника за грехи его в монашескую рясу»).

Сказание о Кёр-оглы в записи И. Шопена сохраняет сюжетную канву, присущую большинству национальных версий эпоса:

несправедливое ослепление отца Кёр-Оглу свирепым ханом;

воспитание Кёр-Оглу в духе ненависти к хану-злодею (мотивы, свойственные всем национальным версиям эпоса);

выращивание несчастным слепцом коня — боевого товарища Кёр-Оглу в будущих схватках с насильниками [во всех национальных версиях мы встречаем бо-

²⁵ Там же, стр. 18—19.

евого скакуна Гыр-ата (Кыр-ата), причем в группе сказаний, кроме Гыр-ата, фигурирует еще Дор-ат, а иногда и третий конь — Араб-ат (азербайджанская и туркменская версии)];

начало борьбы Кёр-Оглу против обидчиков и угнетателей — схватки с феодалом, месть за ослепление отца, за жестокое преследование его семьи;

победа Кёр-Оглу над ханом и ловкий отход в укрытие, спасающее удалцов от преследования ханских войск (этот эпизод напоминает свидетельство историка Аракела Тебризского о героизме Кёр-Оглу, его умении побеждать противников, оставаясь неуязвимым);

строительство Кёр-Оглу неприступной крепости;

похороны отца, продолжение борьбы с угнетателями. Кёр-Оглу становится народным мстителем, грозой феодалов и их приспешников;

неприступна крепость Кёр-Оглу. Укрываясь в ней, герой со своими молодцами наносит врагу удар за ударом, сокрушает множество отрядов и войск противника (описание тактики Кёр-Оглу близко напоминает записи Э. Мушегяна о партизанской борьбе народного защитника в горах и равнинах Южного Азербайджана и сопредельных стран). Свои изумительные подвиги герой совершает на сказочных конях;

похищение коня врагом. Эпизод устойчиво сохраняется во всех более или менее полных версиях эпоса, но меняются похитители. В частности, у азербайджанцев Гыр-ата похищает плешивый («кечал») Хамза, в туркменской версии — коварная старуха Кемпир (так и называется очень популярная «шаха» — ветвь туркменского эпоса);

Кёр-Оглу в стане врага. Он обнаруживает здесь коня и на нем возвращается в крепость Шамлибиль;

Кёр-Оглу во главе храбрых джигитов охраняет подступы к своей крепости и ее окрестности; взимает дань с богатых купцов, с караванов алчных торговцев, опекаемых ханами, пашами, шахами и султанами;

несчастливая любовь Кёр-Оглу к прекрасной грузинке, павшей жертвой мусульманского фанатизма. Месть Кёр-Оглу за гибель возлюбленной и смерть героя.

Таким образом, публикация И. Шопена — это пересказ в романтическом духе содержания услышанных им от тюркского ашуга песен о подвигах легендарного ге-

роя Кёр-оглы. Версия, переданная Шопеном, начинается с описания величественной картины гор. С большой долей вероятности можно утверждать, что этот романтический пейзаж исходит от самого Шопена, ибо такого рода зачин не зарегистрирован ни в одной национальной версии, ни в одном варианте эпоса. Прозаическая форма повествования также, вероятно, идет от И. Шопена, так как все азербайджанские, туркменские и многие другие версии сказаний о Кёр-оглы сложены либо стихами, либо стихами, чередующимися с прозой. Правда, среди многочисленных вариантов национальных версий «Кёр-оглы» известны и чисто прозаические, например бытующие в Малой Азии короткие рассказы цикла «Кёр-оглы». Но они представляют, скорее, переход эпических песен в разряд фольклорной прозы. Примерно такую же форму прозаического повествования приобрел, надо думать, узбекский «Гор-оглы», перейдя в среду бухарских арабов, на чем мы остановимся в соответствующем разделе нашей работы.

В примечаниях к легендарной истории И. Шопен сообщает о герое:

«Кёр-Оглу, в буквальном переводе, сын слепца. Кроме тысячи народных баллад, легенд, сказок и песен всякого рода, сочиненных в честь славного разбойника, и кроме преданий местных, я в историях о нем ничего не нашел. Чямчан в своей Армянской Истории повествует, что царь Сумбат-Багратион, отдавший себя добровольно в руки Адербинжанского эмира Юсуфа, был в 914 году казнен в городе Двине, вероятно, по обыкновению восточных народов, лишением зрения. Сын его Ашот, прозванный Эркати (железный), с братом Еббазом, собрав около 600 воинов, вел непримиримую войну с аравитянами и истребил множество их в округах Багревандском, Ширанском, Кунарском, близ Тифлиса, в Ташире, Агазтеве и Аршаруни: но в беспрестанных своих набегах он походил более на атамана разбойников, нежели на царя, и могущество его ограничивалось владением некоторых неприступных крепостей.

Так как во всех сих округах сохранились развалины, которые донныне известны под именем Кёр-Оглу, то, быть может, подвиги этого Ашота, переходя по преданию от аравитян и армян к татарам, составили основу рассказов о Кёр-Оглу. Некоторые, однако же, думают,

что славный разбойник был татарин, который после падения династии Тимурленга, пользуясь междоусобиями поколений Акконли и Караксинцев, занял разные древние замки, откуда производил хищнические набеги»²⁶.

Трудно согласиться с мнением И. Шопена о прототипе Кёр-оглы. Имена Багратиона, Ашота и других славных сынов армянского народа связаны с борьбой против арабов в VIII—X вв., которая нашла свое художественное отражение в замечательном армянском эпосе «Давид Сасунский».

При рассмотрении вопроса о генезисе эпических сказаний «Кёр-оглы» заслуживают внимания слова И. Шопена о том, что Кёр-оглы по происхождению — «татарин», т. е. тюрок, и что он действовал во времена династии белобаранных и чернобаранных туркмен.

Мы уже отмечали, что основное сюжетное ядро эпоса «Кёр-оглы» связано с событиями Южного Азербайджана XVI—XVII вв. Активное участие в восстаниях разноплеменного населения этого района способствовало быстрому распространению среди многих народов Востока песен, легенд, преданий о Кёр-оглы, принявших в дальнейшем форму больших эпических сказов. Во всех узбекских и некоторых других версиях, а также в старых изданиях азербайджанской, точнее, южноазербайджанской версии (см. издание А. Ходзько, 1842 г.) Кёр-оглы также называют туркменом.

Весьма знаменательно, что известный русский ученый, профессор Казанского и Петербургского университетов И. Н. Березин, путешествуя по Южному Азербайджану в середине XIX в., записал песни о Кёр-оглы и по возвращении издал их как туркменский фольклор в соответствующем разделе своей «Турецкой хрестоматии»²⁷. Свои непосредственные наблюдения над жизнью, бытом и культурой народов Северного Ирана, в том числе и тюрок, т. е. азербайджанцев и туркмен, он опубликовал в книге «Путешествие по Северной Персии». «В Азербайджане,— писал И. Н. Березин,— господствует особенное наречие тюркского языка, называемое по имени самой области: это наречие весьма

²⁶ Там же, стр. 22.

²⁷ См. И. Н. Березин, *Турецкая хрестоматия*, т. II, СПб., 1862.

употребительно и у нас в Закавказье... Это наречие имеет свою маленькую литературу, преимущественно песни Кур-оглу, азербайджанского наездника-певца, переведенные на английский язык г-ном Ходзько, бывшим русским консулом в Гиляне»²⁸.

Приведенные выше исторические и иные данные о многовековом бытовании среди азербайджанцев и туркмен Южного Азербайджана песен «Кёр-оглы» как их общего достояния подтверждают, что именно здесь, у этих народов, сложились и развились определенные звенья сказаний «Кёр-оглы».

Запись А. Ходзько, о которой пишет И. Н. Березин, была сделана в первой половине XIX в. и опубликована в 1842 г. на английском²⁹, а в 1856 г. — на русском языке³⁰. Эта книга дает новые свидетельства в пользу того, что историческое ядро эпоса сложилось в пределах Южного Азербайджана в XVI—XVII вв. в период совместной жизни и борьбы азербайджанцев и туркмен.

С. С. Пенн — переводчик и издатель записи А. Ходзько на русском языке — сам неоднократно слушал песни о храбром наезднике, хорошо знал народный эпос, о чем он пишет в разделе «От переводчика»: «Импровизации Кер-Оглу часто слышны на Кавказе в устах туземных сазандаров, т. е. странствующих певцов. Предлагаемые ныне импровизации собраны по местным преданиям в разные периоды на персидско-турецком (южноазербайджанском. — Б. К.) наречии известным ориенталистом Александром Ходзько во время путешествий его по Востоку и тринадцатилетнего там пребывания. Авторитет такого ориенталиста, каков Ходзько, и случай, доставивший мне возможность самому выслушать... кер-оглуханов, дают мне право сказать утвердительно, что настоящее собрание не подлежит сомнению в отношении безукоризненной верности импровизации... Кер-Оглу был родом тюркоман тука (туркмен из племени теке. — Б. К.)... отец его служил при султани Мюраде, правителе одной из Тюркестанских провинций.

²⁸ [И. Н. Березин], *Путешествие по Северной Персии* И. Березина, Казань, 1852, стр. 90.

²⁹ А. Chodzko, *Popular poetry of Persia*, London, 1842.

³⁰ «Кёр-Оглу. Восточный поэт-наездник. Полное собрание его импровизаций с присовокуплением его биографии», перевод с английского С. С. Пенн, Тифлис, 1856.

...Кер-Оглу построил крепостицу Шамли-биль, что значит „Горная крепость“, в Азербайджанской провинции... О резиденции наездника в народе ходит множество противоречивых друг другу сказаний... Всего вернее полагать, что Кер-Оглу часто переменил места своего жительства, беспрестанно перекочевывая из одной провинции в другую... до тех пор, пока он не основывает постоянного жилища в Шамли биле»³¹.

Запись А. Ходзько открывается предисловием, в котором содержатся сведения о происхождении Кер-оглы, о его ратных подвигах и популярности.

«Герой настоящего рассказа Кер-Оглу тюркоман из племени туки, уроженец Северного Хорасана, живший во второй половине XVII столетия. Имя его сделалось известным с тех пор, как он начал грабить караваны, следовавшие торговыми путями из Персии в Турцию... Он их (илатов — местного тюркского населения. — Б. К.) — народный, образцовый бард... Ни один значительный праздник у илатов не обходится без того, чтобы не пропеть хотя бы одну из песен Кер-Оглу. В эпоху распри и междоусобиц за независимость илатов с персидским государством, когда обе враждующие стороны в ожесточенном бою сходились лицом к лицу, то каждая из них предварительно одушевляла себя песнями из любимых поэтов: персы пели разные места из „Шахнаме“, а илаты — боевые импровизации Кер-Оглу»³².

«Если известность и слава поэтов, — пишет А. Ходзько, — обуславливается числом их любителей, то сам Фердоуси немногим превосходит Кер-Оглу, хотя Кер-Оглу-поэт — „безграмотный номад“, экспромтом сочиняющий; импровизации его вылились из глубины души, без всякого напряжения — безыскусственные и чистые, как горный ключ, бьющий кристаллической струей из природной скалы»³³.

Ходзько отмечает:

«Герой их, сам Кер-Оглу, не имеет ничего общего с сверхъестественным миром, богов, симургов и злых духов поэмы „Шахнаме“. Все окружающее этого героя, все

³¹ Там же, стр. I—III.

³² Там же, стр. I.

³³ Там же, стр. II.

его свойства, пороки и недостатки просты и патриархальны»³⁴.

Характерно, что основные моральные качества Кёр-оглы, коими наделен он народным воображением и которые зафиксированы в сказаниях XIX в., сохраняются в туркменской, азербайджанской и некоторых других версиях эпоса и в настоящее время. Эти качества следующие: «...идеал Кер-Оглу заключается в верности воина своему рыцарскому слову... Герой преследует единственную звезду своего сердца». (Характерно, что все положительные герои азербайджанской и туркменской версий имеют по одной возлюбленной). «Сын бедного тюркомана, он набирает в свою шайку сперва из представителей самых низких слоев; ее составляют: конюхи, невольники, мясники, кузнецы и пастухи... Его убаюкивает музыка, да он сам лучший музыкант, первый поэт и „записной кутила“»³⁵. «Он летел навстречу опасности с таким же веселым духом, как будто ехал на веселый пир»³⁶.

В южноазербайджанском варианте «Кёр-оглы» устойчиво сохраняется мотив богатырства легендарного коня Кир-ата, рожденного где-то на берегу Оксуса (Аму-Дарьи). (Последняя деталь, очевидно, связана с памятью о родине знаменитых туркменских коней и некоторых героев повествования). «Предмет, к которому Кер-Оглу питает страсть истинную и постоянную — это конь его Кират. Песня, вызванная у Кер-Оглу потерей этого любимого животного, считается одной из лучших элегий, которой восточная поэзия может гордиться: Кират в импровизации своего хозяина составляет второй индивидуум после его самого. „Око мое, душа моя“ — вот выражения, коими Кер-Оглу каждый раз чувствует своего любимца. Так, без Кирата он сам по себе ничто, и, когда умирает Кират, — расстается с жизнью и сам его хозяин»³⁷.

Конь — боевой товарищ Кёр-оглы — повсюду в сказаниях наделен чудесными свойствами, которые помогают в суровых битвах с врагами, спасают от их преследований. В этом мы видим отражение древнейшего

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. III—IV.

³⁶ Там же, стр. V.

³⁷ Там же, стр. VI—VII.

культы коня, проявление весьма древней эпической традиции, особенно рельефное, в частности, в туркменском народном творчестве. Недаром из уст туркмена можно часто услышать пословицы: «Эртир тур, атаңы гөр, атаңдан соң — атыңы» («Встав утром, поклонись отцу, после отца — скакуну»), «Ат досты — ата досты» («Друг коня — друг отца») ³⁸ и т. п. Известно, что преклонение перед конем пронизывает все творчество Махтумкули, Сеиди и других классиков туркменской литературы. И нас не удивляет, что известный фольклорист Х. Т. Зарифов при анализе клички коня Кир-ат в узбекском «Гор-оглы» обращается к толкованию этого слова в туркменско-русском словаре 1940 г. ³⁹

А. Ходзько подчеркивает: «Военные песни Кер-Оглу высоко ценятся на Востоке... Они сохранились на персидско-турецком наречии между закавказскими мусульманами и азербайджанскими кочующими племенами Северной Персии» ⁴⁰.

Песни «Кёр-Оглу» состоят из тринадцати разделов, или, по терминологии А. Ходзько, меджлисов («собраний», «глав»). Отметим, что тринадцать-четырнадцать глав (песен, шаха, походов) содержится в основных публикациях «Кёр-оглы», предпринятых в Азербайджане и Туркмении в последние двадцать пять лет, что говорит отчасти о некоторой количественной устойчивости фольклорных рамок эпоса, бытующего среди тюрко-огузов. Это, однако, не исключает широкого варьирования их содержания в зависимости от национальной устно-поэтической традиции, творческой фантазии сказителей и требований времени.

Остановимся подробнее на главах южноазербайджанской версии «Кёр-оглы» в записи Ходзько, поскольку предположительно их можно рассматривать как «историческую» основу большинства национальных версий эпоса. Однако, подчеркивая «историчность» южноазербайджанской версии «Кёр-оглы», мы все же видим в ней лишь определенный этап, звено в процессе складывания эпоса.

³⁸ См. «Тысяча туркменских пословиц и поговорок», редакция, предисловие, комментарий Б. Каррыева, Ашхабад, 1945.

³⁹ Х. Г. Зарифов, *Основные мотивы эпоса «Алпамыш»*, — сб. «Об эпосе „Алпамыш“», Ташкент, 1959, стр. 9.

⁴⁰ «Кёр-Оглу. Восточный поэт-наездник...», стр. VII.

Не исключено существование еще более древней — среднеазиатской — основы эпоса, отдельных его эпизодов и прообразов его персонажей. Наше предположение подкрепляется не только среднеазиатским материалом, но и самой записью Ходзько, в частности мотивом рождения чудесных коней от водяного жеребца, вышедшего из Аму-Дарьи.

Меджлис I повествует о рождении и воспитании героя и его легендарного коня.

«Кёр-Оглу происходил из племени тука, собственное имя его Рушан, по отцу Мирза-Серраф. Последний состоял при султани Мюраде, одном из правителей тюркестанских провинций, в должности конюшего», — так начинается запись А. Ходзько.

Если сопоставить версию А. Ходзько с современными азербайджанской и туркменской, то можно обнаружить совпадение имени основного героя и той обстановки, в которой разворачивается повествование. В другой группе версий, в частности в узбекском «Гор-оглы», имя Ровшан (Равшан) принадлежит не самому герою, а его внуку.

«Однажды, когда кобылицы... паслись на лугах, растилающихся вдоль берегов реки Джейхуна (Окуса), какой-то жеребец показался на поверхности ее вод, вышел на берег, присоединился к табуну и, покрыв собою двух кобылиц, бросился опять в реку»⁴¹.

Далее (как и в азербайджанской и туркменской версиях) рассказывается о рождении от этих кобылиц двух жеребят, коих растил отец героя. «Они были неказисты; косматая шерсть на них скорее походила на щетину». Султан повелел конюху выбрать для него лучших коней из табунов. Конюх остановился на жеребятках. Властелин воспринял это как оскорбление и в гневе приказал ослепить верного слугу.

В это время Рушану было двенадцать лет. Несчастный слепец предсказал ему: «Ты будешь славным героем, ты отомстишь тогда за мои страдания безжалостному тирану — виновнику их»⁴². Под руководством слепого отца герой строит конюшню на гранитной скале и держит там будущего Кыр-ата. (Характерно, что

⁴¹ Там же, стр. 1.

⁴² Там же, стр. 2.

церемония и срок ухода за конем в огузской группе сказаний о Кёр-оглы совпадают и в деталях).

Когда кони выросли, слепец предложил сыну: «Сядем на коней вдвоем... и переедем на другую сторону Оксуса... Князь наш иногда охотится на берегах Оксуса, ступай туда и дожидайся его»⁴³. Кёр-Оглу, встретясь с феодалом, крикнул: «Я возьму у тебя жизнь, я опрокину твой престол» и «мгновенно ринулся в толпу княжеской свиты и рассеял ее с быстротой урагана». Покарвав султана, «Рушан безбоязненно переправился на другой берег Оксуса и поспешил к своему отцу»⁴⁴. Отец удовлетворен и вместе с сыном покидает страну султана. «Недалеко от Герата я знаю оазис, куда ты и проводишь меня,—говорит отец.— Ты сделаешься непобедимым воином»⁴⁵.

Отъезд героя в район Герата следует учесть как штрих, говорящий об исконной связи южноазербайджанской версии «Кёр-оглы» с более древней легендарной основой или ветвью сказания, сложившейся, по всей вероятности, в Средней Азии.

Меджлис II. Бесстрашный Кёр-Оглу отправляется в Южный Азербайджан. По пути он встречается с грозным разбойником Дали-Гасаном, вступает с ним в единоборство. Герой в кольчуге, вооружен саблей и луком. Поборов Дали-Гасана, Кёр-Оглу заключает с ним побратимство. Теперь они вместе нападают на караваны богатых купцов.

«Вскоре слух об его подвигах распространился по всей стране. Многие удалыцы считали для себя счастьем поступить в шайку славного наездника и стекались к нему толпами. Кёр-Оглу со всеми обходился побратски. Кёр-Оглу не боялся правителя, но помнил заветы отца не волновать подданных персидского шаха»⁴⁶.

(Этот мотив перекликается с песней Джигали-бека, деда Кёр-оглы, широко известной в туркменской версии).

Идеи борьбы с феодалами и с богатыми торговцами и защиты бедного люда проходят красной нитью через

⁴³ Там же, стр. 4.

⁴⁴ Там же, стр. 6—7.

⁴⁵ Там же, стр. 7—8.

⁴⁶ Там же, стр. 11—12.

всю версию. «Храбрые воины и друзья мои! Я не царь,— я сам беден, и нет у меня сокровищ. Но, пригласив вас в свою дружину, я должен найти вам пищу и все, в чем нуждается человек». Так объясняет эпос одну из причин нападений Кёр-Оглу на караваны купцов.

Слава о подвигах Кёр-Оглу быстро распространилась далеко за пределы его действий. Кёр-Оглу «покинул это место и водворился в Шамли-биле. Слава его распространилась по всему государству, и отовсюду потянулись к нему подарки и деньги»⁴⁷. Примкнуло к герою множество смельчаков-джигитов разных родов и племен.

Меджлис III рассказывает о строительстве крепости Кёр-Оглу Шамли-биль. Но ядром главы является история усыновления бездетным Кёр-Оглу Айваза. (Мотив, который устойчиво держится во всех национальных версиях эпоса).

«Ты одинок и бездетен; почему бы тебе не усыновить его (Айваза. — Б. К.), чтобы со временем сделать из него достойного воина, который заменил бы тебя в случае твоей смерти?»⁴⁸ — говорит один из соратников Кёр-Оглу.

Герой едет на поиски Айваза, сына мясника Ибрагима. В одежде простого пастуха, с дубинкой в руках он приходит в лавку мясника и предлагает стадо баранов.

Хитростью и обманом удается Кёр-Оглу посадить Айваза на Кирата и увезти его. В погоню за похитителем отправляется феодал Рейган-Араб (в других версиях Рейхан-араб), покровитель мясника. Этот эпизод сильно отличается от записи И. Шопена. В современной туркменской версии с Рейхан-арабом связаны самостоятельные главы и некоторые эпизоды.

Борьба Кёр-оглы с Рейханом и победы над ним — также один из постоянных мотивов у сказителей многих национальностей.

Перед поединком с Рейганом Кёр-Оглу успокаивает Айваза: «Ты будешь образцом воинов... Во мне ты найдешь свойства кровного туркомена из туки»⁴⁹.

Меджлис IV показывает Кёр-Оглу как искусного джигита, меткого стрелка и вдохновенного певца. (Это

⁴⁷ Там же, стр. 15.

⁴⁸ Там же, стр. 17.

⁴⁹ Там же, стр. 37.

неотъемлемые черты героя, зафиксированные и в ряде позднейших вариантов эпоса). Соревнуясь в силе с Демирчи-Оглу (как и в азербайджанской, туркменской и турецкой версиях), Кёр-Оглу с большого расстояния шестьдесят раз подряд попадает из лука в кольцо, сбивает яблоко с головы соперника. Герой учит своих товарищей, в том числе приемного сына Айваза, стрельбе из лука и джигитовке на лихих конях.

В *меджлис* начинается повесть о любви Нигяр (дочери турецкого султана Мюрада) к прославленному Кёр-Оглу. Герой едет в Стамбул и под видом певца проникает во дворец. Драматична сцена похищения Нигяр. Заранее условившись с девушкой, Кёр-Оглу отзывает ее во время прогулки из султанской свиты, сажает позади себя на Кирата и уносится прочь. Принц Бурджа-Султан гонится за Кёр-Оглу и «каждый турок... спешил последовать примеру Бурджи-Султана»⁵⁰. Но не догнать им Кёр-Оглу, когда он на Кирате.

Герой на перевале. Здесь он засыпает богатырским сном, который продолжается семь суток.

Богатырский сон героя, как и зычный его голос, от которого враги спасаются бегством («ты одолеешь и смутишь врага одной своей импровизацией»), дополняют грозный облик народного мстителя.

Добывание жены для себя и для своих сорока джигитов — еще одна мотивировка походов и битв Кёр-Оглу, устойчиво сохраняемая во всех версиях эпоса. Правда, в деталях сюжеты отличаются. Например, в туркменской версии Кёр-оглы женится на красавице-перси Ага-Юнус, а сцена битвы с Рейхан-арабом и погони передана в главе о похищении героем дочери Рейхана.

Представляют интерес заключительные строки разбираемого *меджлиса*, осуждающие низкую мораль богачей, отражающие отрицательное отношение к власти имущим и оправдывающие схватки с ними Кёр-Оглу. Недалеко от Шамли-бия Кёр-Оглу заметил купеческий караван и хотел на него напасть. Но от этого его удержала Нигяр. Хозяин-купец, увидев красавицу, влюбился в нее и попытался огнять ее у героя. «Вот, ты запрящала мне полонить караван,— произносит Кёр-

⁵⁰ Там же, стр. 71.

Оглу. — Между тем несчастный его хозяин столь дерзок, что осмеливается положить свои руки на жену мою. Эти богачи всегда одинаковы»⁵¹.

Но социальные мотивы борьбы Кёр-оглы наиболее ярко выражены в туркменской (глава «Безирген»), турецкой и татарской версиях (см. соответствующие разделы нашей работы).

Завершается V меджлис эпическим клише — пиром на сорок дней, который знаменует удачное возвращение героя из очередного похода.

VI меджлис повествует о похищении у героя богатырского коня. Этот эпизод прочно вошел в ткань всех национальных версий эпоса.

Разумеется, при постоянстве основных линий эпизода детали его далеко не совпадают в различных версиях, что объясняется своеобразием эпической традиции каждого народа — носителя эпоса. Сцены погони Кёр-Оглу, события на мельнице, подмена Кирата Дуратом, появление Кёр-Оглу в султанском дворце в одежде ашуга с целью завладеть Киратом и возвращение героя на коне в Шамли-биль сохраняются повсюду.

В национальных версиях, как уже отмечалось, меняется похититель. В большинстве азербайджанских и турецких вариантов похититель — Хамза. И если здесь, получив от султана обещанное вознаграждение, Хамза затем оказывает содействие Кёр-Оглу в спасении Кирата, то в туркменской и узбекской версиях старуху воровку настигает смерть от руки героя.

История похищения коня такова. Гассан-паша, глава турецкого племени в Анатолийском санджаке (в среднеазиатском «Кёр-оглы» — это шах Нишапура), обещает половину государства, половину своих сокровищ, а также одну из своих семи дочерей тому, кто доставит ему коня Кёр-Оглу. На это отзывается влюбленный в младшую дочь паши Хамза, у которого «голова и брови были выбриты, а лицо изрыто оспой»⁵². Коварному Хамзе удается войти в доверие конюхов Кёр-Оглу, и он похищает Дурата (у туркмен — Дората). Во время погони Хамза ловко подменяет на мельнице Дурата Киратом, на котором гнался за ним Кёр-Оглу. Похититель

⁵¹ Там же, стр. 81.

⁵² Там же, стр. 85.

обещает герою помочь заполучить обратно Кирата через шесть месяцев.

И вот Кёр-Оглу в одежде певца во дворце турецкого паши, где Кират находится в заточении, не подпуская к себе никого. Кёр-Оглу берется объездить свирепого коня. «О ты, сокровище мое, впервые приобретенное мною в Туркестане,—иди, Кират, душа жизни моей»⁵³,—поет Кёр-Оглу, обращаясь к своему боевому спутнику. Конь сразу узнает своего хозяина.

Примечательно здесь не только повторное упоминание эпической родины Кирага, но и то, что сама песня имеет прямую параллель во многих вариантах туркменской версии «Кёр-оглы» (в частности, полное совпадение рефрена — «Чандибилде беследигим, Гират, гел!» — «Иди, взлелеянный мной в Чандыбиле Гират!»). Герой на непобедимом коне с копьем в руках повергает пашу, разбивает его войско, берет дочь султана для одного из своих сподвижников и счастливо возвращается в Шамли-биль. И снова пиром на сорок дней и сорок ночей герой отмечает свою победу.

VII меджлис рассказывает о борьбе Кёр-Оглу с богатыми купцами. Эпизод единоборства Кёр-Оглу с Безиргеном, разработанный в этом меджлисе, вероятно, лежит в основе главы «Безирген» («Купец») туркменской версии эпоса. Однажды Кёр-Оглу был побежден купцом, и героя «жестоко мучила мысль о превосходстве» торговца⁵⁴. (Очевидно, в эпосе нашла отражение смена побед и поражений народных защитников). Поэтому Кёр-Оглу, встретившись с купцом, «пылая мстью, внезапно чападает на соперника, сбрасывает его с коня и отсекает ему голову», хотя и сожалеет о том, что напал внезапно, без предупреждения, получив к тому же большую дань с купца.

VIII меджлис повествует о борьбе Кёр-Оглу против одного из злейших его врагов — феодала Рейган-Араба. Этот персонаж фигурирует в ряде глав не только азербайджанской, но и других версий сказания. При устойчивости амплуа араба как врага героя он выступает в разном облике. Например, в туркменском эпосе Рейхан — правитель одной из арабских земель. похититель

⁵³ Там же, стр. 97.

⁵⁴ Там же, стр. 108.

тетки героя Гюль-Эндам; во главе огромных полчищ он часто нападает на страну Чандыбиль. С ним герой неоднократно вступает в единоборство и в конце концов побеждает его.

По версии А. Ходзько, Рейган — военачальник турецкого паши, правителя Карского пашалыка. Он приказывает окружить Кёр-Оглу, приехавшего за дочерью паши, и хочет схватить героя, взбравшегося на мечеть и посылающего оттуда стрелы «со свистом, похожим на мычание тельенка, ищущего свою мать»⁵⁵. На помощь окруженному прибыл Айваз с сорока джигитами. Но при виде грозного Рейгана дружина в страхе дрожит. Сражается один лишь Айваз. Кёр-Оглу поет, поощряя, и уча приемного сына искусству боя, сурово осуждая трусов. (Момент точно повторяется в азербайджанской и турецкой версиях). Герой доволен исходом битвы, отвагой Айваза. «Теперь я уверен, что у меня есть настоящий сын...»⁵⁶ — таков заключительный аккорд песни Кёр-Оглу в VIII меджлисе, завершающемся описанием сорокадневного пира.

IX меджлис. В центре повествования поход Кёр-Оглу для освобождения Айваза из турецкого плена. На его стороне действует отважный воин Мустафа-бек, упоминаемый в армянских хрониках XVII—XVIII вв. как близкий друг Кёр-Оглу и доблестный сын курдского народа. (В такой роли Мустафа-бек выступает и в туркменском эпосе).

Перед походом Кёр-Оглу поет о том, что Болли Бек (в туркменской и узбекской версиях — Бали-бек) «взял Айваза в плен и ждет, чтобы все воины тюркомана туки устремились на него... Он зовет к себе храбрых воинов тюркомана туки... Болли Бек, ты желаешь видеть у себя туркоманов, и вот они собираются к тебе в гости»⁵⁷.

Восхищаясь Кёр-Оглу, сказители не упускают случая упомянуть о его величественной осанке, особенно перед очередной схваткой с противником, прибегая к традиционному приему гиперболизации, уходящему своими корнями, в частности, в древний эпос огузов (ср., например, «Огуз-наме»): «Голова была подобна

⁵⁵ Там же, стр. 115.

⁵⁶ Там же, стр. 122.

⁵⁷ Там же, стр. 129.

куполу мечети, усы вытягивались до самых ушей, борода ниспадала до пояса, а стан уподоблялся минарету»⁵⁸.

Сила и мощь Кёр-Оглу как бы дополняется и подчеркивается удивительными качествами его богатырского коня, который был гигантского роста и съедал каждый вечер по сорок батманов ячменя⁵⁹.

Кёр-Оглу в борьбе с врагом использует не только свою огромную физическую силу, но и искусство певца, умение перевоплощаться, как, например, при нападении на палачей турецкого султана, уже отдавшего приказ повесить Айваза (эпизод, наличествующий во всех основных версиях эпоса и восходящий, быть может, именно к южноазербайджанскому варианту).

Х меджлис. Пытаясь осветить проблему зарождения исторической основы сказаний о Кёр-оглы у тюркоязычных народов, мы обратились к летописям, зафиксировавшим события антифеодальной борьбы разных племен и народов Южного Азербайджана и Кавказа в XVI—XVII вв., в том числе выступления мятежников-джалали. Их вожаком был некто Кёр-оглы. В летописях встречаются и другие имена, которые мы находим в эпосе. Не имея в виду отождествлять героев эпоса с историческими личностями, мы пытались установить связь эпических образов и мотивов с действительностью. По характеру своему главный герой и его соратники наиболее близки к мятежникам-джалалинцам. Однако в самом «Кёр-оглы», к сожалению, мы до сих пор не встречали указания на то, что тот или иной персонаж — джалали. И лишь в южноазербайджанской записи А. Ходзько на стр. 141 содержатся следующие слова: «В племени терджиме, обитавшем в турецких пределах, жил-был некто Назар-Джалали, отличавшийся храбростью и вояка». Во главе двенадцати тысяч воинов он едет к Кёр-Оглу, чтобы научиться у него военному искусству⁶⁰. Герой встречает его радушно и во время пира просит Айваза подать гостю вино. Айваз обижен и покидает стан Кёр-Оглу. Он переходит на сторону Токатского (турецкого) феодала Болли Бека, который двинулся на Шамли-биль. (Этот эпизод, возможно, стал зерном большой самостоятельной главы «Овез

⁵⁸ Там же, стр. 132.

⁵⁹ Б а т м а н равен 3—22 кг.

⁶⁰ «Кёр-Оглу. Восточный поэт-наездник...», стр. 143.

обижен» — «Өвез өйкелән» в туркменском эпосе. Правда, туркменский Овез едет не в Турцию, а в город-крепость Веенгама, развалины которой нам приходилось видеть на юге Туркмении, в районе Серахса. Айваз был привезен оттуда Кёр-оглы, который отнял юношу у мясника Булдур-кассаба и отбил у правителя Веенгама Юсуп-шаха).

Когда Болли Бек окружает Кёр-Оглу, на помощь герою приходят верный его помощник Дяли-Мехтер (персонаж, встречающийся и в туркменской версии) и ученик героя — гость Джалали. Джалали был не только учеником Кёр-Оглу, но и его советчиком. Разбив Болли Бека, Кёр-Оглу отпускает пленников на волю по просьбе и совету Назар-Джалали.

Кёр-Оглу отнимает у Болли Бека дочь и отдает ее храброму Мехтеру «за его рыцарскую отвагу в день битвы и верность своему господину»⁶¹.

Меджлис XI интересен тем, что в нем воспеваются подвиги курда Мустафы Бега. Имя это зафиксировано в хрониках тебризских летописцев. Кёр-Оглу, рассказывая на пиру о спасении его Мустафой Бегом от Гассан-паши, поет: «Я сгинул бы там... если бы не помощь Мустафы Бега, этот мужественный и великодушный воин разогнал все полчище Гассана-паши и освободил меня. В честь его я составил песню, п. не знаю почему, она сейчас пришла мне на память... Он предводитель сорока тысяч воинов...»⁶².

Песня спета кстати: по наущению некоторых лиц Мустафа готов напасть на Кёр-Оглу, но добрые слова певца вразумляют пылкого храбреца. Кёр-Оглу и Мустафа-курд снова боевые товарищи и друзья.

Идея отпора турецким феодалам (то султану, то паше, то Хункару — Хуткару и т. п.) является неотъемлемой для любой версии «Кёр-оглы». Но особенно ярко она воплощена в южноазербайджанской версии.

Однажды Гассан-паша, везир турецкого султана, рассказывает в XI меджлисе, созывает турецких купцов и спрашивает, почему они не привозят товаров из Персии. Купцы отвечают, что «караванная дорога из Персии в Турцию пролегает мимо Шамли-бия и по-

⁶¹ Там же, стр. 153.

⁶² Там же, стр. 155—156.

этому весьма опасна. Ни один караван не пройдет благополучно этим путем по милости разбойника Кёр-Оглу»⁶³.

Паша дает пятьдесят тысяч туманов на покупку товаров в Персии. На караван нападает Кёр-Оглу, берет огромный выкуп. Паша обещает половину государства и свою дочь Дюня-ханум тому, кто поймает Кёр-Оглу. Вызывается исполнить дело Були-паша, влюбленный в красавицу. Во главе двенадцатитысячного войска он идет на героя Шамли-бия. Искусный в бою, смелый в действиях, Кёр-Оглу под видом певца проникает в лагерь турецких войск (эпизод, присущий всем версиям эпоса). Однако там находится человек, лично знавший шамлибийского витязя. В результате Кёр-Оглу пойман и доставлен к турецкому султану. Но герой хитростью освобождается из турецкого плена. В пути Кёр-Оглу настигает погоня паши. Разгорается бой. Були-паша побежден. Кёр-Оглу, пожалев Були-пашу, отпускает его. Но тот не желает свободы, так как не может жить без возлюбленной. И Кёр-Оглу обещает ему свергнуть многих пашей с их тронов, но достать ему Дюня-ханум.

История проникновения Кёр-Оглу во вражеский стан, его пленение и освобождение, добровольная отдача себя в руки поверженного врага, чтобы тот заполучил дочь паши,— все эти эпизоды имеют прямые параллели во всех вариантах «Кёр-оглы» и азербайджанцев и туркмен.

XII меджлис повествует о том, как Кёр-Оглу, надев на себя оковы, добровольно отдается в руки Були-паше, пообещав своим сподвижникам вернуться в Шамли-биль через полгода. Но враг остался врагом, он издевается над Кёр-Оглу по пути в Турцию. «Это ли награда за все мое добро?» — упрекает Кёр-Оглу нечестивца. Героя ждет казнь на чужбине, но его выручает дочь паши — Дюня-ханум.

Здесь повторяется обычное для эпоса тюркских народов (например, «Коркуд», «Алпамыш», «Юсуп и Ахмед», «Хурлукга и Хемра») эпическое клише — девушка идет к зиндану, в котором томится герой, поддерживает его добрым словом, пищей. Дюня ханум понимала, что «подобно солнцу, освещающему весь

⁶³ Там же, стр. 157—158.

мир, слава о Кёр-Оглу распространилась по всей вселенной. Каждая живая душа наслаждалась его поэзией»⁶⁴. Знала она также, что герой добровольно отдался в руки Були-паше, человеку, трусливее женщины. И заточению Кёр-Оглу приходит конец: его выручает из подземелья прекрасная Дюня-ханум и ее возлюбленный, отважный джигит Иса-Бали, подоспевший на помощь герою из Шамли-бия.

Счастливым концом — победа над Були-пашой, свадьба Дюня-ханум с Иса-Бали и большой пир — заключает этот меджлис.

XIII меджлис рассказывает о последних днях героя. Запись А. Ходзько сохранила не только одну из самых ранних версий эпоса, но и заключительную его главу, которую певцы, и особенно туркменские бахши, очень неохотно исполняют. Речь идет о смерти героя — любимца народа.

Молва о Кёр-Оглу, бесстрашном воине и талантливом импровизаторе не раз доходила до Аббаса, и он решил приблизить героя ко двору, обещая сделать его сердаром — военачальником. Но Кёр-Оглу упорно отклонял предложение шаха. Обиженный отказом Аббас на публичном селяме — приеме обещал удостоить звания сердара того, кто добудет голову Кёр-Оглу.

Кёр-Оглу в зеркале у цирюльника видит свои поседевшие волосы, горюет о том, что состарился, и решает отправиться в Мекку. Созвав всех своих воинов, он провозглашает Айваза преемником и наследником. Трогательно расставание героя с родными и друзьями. «У меня два брата, — поет Кёр-Оглу. — Это палаш и конь мой, а вы, горы, сестры мои»⁶⁵. Своим воинам он наказывает жить между собою в мире и согласии.

Кёр-Оглу отправляется в Исфахан. Путь героя лежит через Персию, владения шаха Аббаса. В Кухриде, небольшом персидском городе между Исфаханом и Кашаном, его убивают Алмас-хан и Бехрам-хан.

«Первым действием ханов было то, что они вырезали у Кирата жилы на ногах, а потом со своими невольниками в числе 30 человек бросились на спящего Кёр-Оглу». Кёр-Оглу встает, идет к Кирату: конь в

⁶⁴ Там же, стр. 170—171.

⁶⁵ Там же, стр. 181.

крови... Герой не хочет жить без Кирата, потому и не защищается от коварных ханов. «Вы убили моего коня. Вот и грудь моя. Я не буду защищаться... Без Кирата я ничего в этом мире...»

Так оборвалась жизнь бесстрашного защитника Шамли-бия, пропевшего, расставаясь с белым светом, свою последнюю песнь «О бренный мир!» («Этмедин, дУнйэ!»).

Заключительные строки сказания полны царистских иллюзий, живших в душе создателей эпоса: шах казнит убийц Кёр-Оглу, а герою устраивает пышные похороны, на которые приглашает ближайших его соратников; Айваза назначает правителем Шамли-бия, город Кухруд освобождает от пошлин. «Хорошенький мавзолей, сооруженный на том месте, виден и в настоящее время»⁶⁶.

Для локализации этой версии и границ действий Кёр-Оглу важно упоминание и трех персидских городов, лежащих на пути героя из Шамли-бия в Мекку, которое дает еще одно основание считать данный вариант эпоса творением тюркоязычного населения Южного Азербайджана.

При решении проблемы возникновения и развития сказаний о Кёр-оглы исключительный интерес представляет рецензия на южноазербайджанскую запись «Кёр-оглы» Н. Г. Чернышевского⁶⁷.

Автор вступительной статьи к шестнадцатому тому полного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского В. Е. Евграфов пишет: «С большим увлечением относился Чернышевский к освободительному движению, культуре народов Востока. В настоящем томе, в *Dubia* опубликована рецензия на книгу „Кёр-оглу, восточный поэт-наездник“, вышедшую в Тифлисе в 1856 г.».

Н. Г. Чернышевский разоблачает попытки некоторых историков литературы изобразить Кёр-оглы как разбойника с большой дороги. «Он прославился счаст-

⁶⁶ Там же, стр. 185.

⁶⁷ Рецензия была опубликована в 1856 г. в десятом номере журнала «Современник» и вошла в шестнадцатый (дополнительный) том «Полного собрания сочинений в пятнадцати томах» Н. Г. Чернышевского (М., 1939—1953, стр. 647—653 и стр. 749—751). Она же помещена в кн.: Н. М. Чернышевская, *Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского*, М., 1953, стр. 128.

ливыми разбоями» на торговых путях, ведущих из Персии в Турцию. Прославили Кёр оглы и его «поэтические импровизации, которые рано перешли на массу народа и доселе неизменно сохранились в устах кер-оглыханов, т. е. певцов, прославляющих Кёр-оглу», — пишет Н. Г. Чернышевский⁶⁸. «Кёр-оглу, в переводе сын слепца, герой множества поэтических преданий, до сих пор свежих в северной Персии и на Кавказе⁶⁹, был уроженец северного Хорасана, живший во второй половине XVII столетия»⁷⁰, — читаем мы в рецензии.

Н. Г. Чернышевский подчеркивает любовное отношение трудовых масс к образу Кёр-оглу, замечательную роль сказителей в создании и прославлении этого светлого образа: «Битвы один на один с целыми толпами неприятелей, хитрые обманы — вот на чем вертятся все подвиги прославленного героя. ...Народная фантазия сумела поставить их на такую высоту, что рассказ переходит в эпопею, богатую поэтическими достоинствами»⁷¹.

Рецензия «Современника» правильно освещает вопрос зарождения и последующего развития сказаний о Кёр-оглу в рамках эпической традиции того или иного народа. Действительно, легенды и сказания о герое переходили из уст в уста, из страны в страну, где они, сохраняя основные идеи, мотивы и сюжетные линии, обретали новые черты, развивались в новых формах, соответствующих национальной поэтической традиции. При этом не исключена возможность вытеснения или преобразования каких-то «старых», исконных мотивов эпоса за счет замены и контаминации их иными, в том числе и не менее древними, но идущими от побочных линий компонентами.

«Причина этого явления (перехода рассказов в эпопею, богатую поэтическими достоинствами. — Б. К.) скрывается в том, что содержание рассказов вполне соответствует национальному характеру и, потеряв отто-

⁶⁸ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, в пятнадцати томах, т. XVI (дополнительный), стр. 647.

⁶⁹ В те времена материалы среднеазиатских сказаний «Кёр-оглы» не были известны.

⁷⁰ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, в пятнадцати томах, т. XVI, стр. 647.

⁷¹ Там же, стр. 649.

го свою частность и исключительность, могло перейти в состав общенародных поэтических вымыслов... Это самое дало рассказам Кёр-оглу возможность обширно развиваться и в формальном отношении»⁷².

Завершая главу о генезисе эпоса «Кёр-оглы», сделаем некоторые общие выводы.

1. В основе эпических сказаний о Кёр-оглы лежат исторические события классовой борьбы крестьянских масс, ремесленников и городской бедноты против феодалов, духовенства и купечества, а также выступления народа против войн, ведшихся деспотическими правителями главным образом Ирана и Турции на территории Кавказа и Средней Азии.

2. Запись южноазербайджанской версии, сделанная А. Ходзько в первой половине XIX в., наиболее старая и, главное, достоверная и полная, ближе других версий стоит к действительным событиям, происходившим в Южном Азербайджане и сопредельных с ним странах в XVI—XVII вв., к тем событиям, о которых сообщают Аракел Тебризский и Элиас Мушегян.

3. Южноазербайджанская версия сохранила больше, чем все другие, имен участников народных выступлений. Разумеется, нельзя ставить знак равенства между историческими хрониками и эпическим повествованием, ибо эпос — не история, а лишь ее преломление через призму народного сознания. Прообразами некоторых персонажей, например Кёр-оглы, Айваза, Мустафа-бека, Сафар-Косе, Джигали-бека, Хамзы, Рейхана, могли послужить исторические личности. Однако и здесь не может быть речи о тождестве действительно существовавших героев и эпических, созданных народной фантазией.

4. Южноазербайджанская версия «Кёр-оглы» — продукт сотворчества ряда племен и народов, в первую очередь азербайджанцев и туркмен, этих двух в генетическом и языковом отношении очень близких народов огузской группы в пору их совместной жизни на территории Южного Азербайджана и в прилегающих к нему районах.

⁷² Там же.

5. Сказанное выше дает основание считать, что южно-азербайджанская версия «Кёр-оглы» стала истоком, ядром эпоса на определенной стадии его формирования. Не исключена возможность, что от него берут начало если не все, то большая часть вариантов азербайджанской и туркменской национальных версий.

6. В то же время мы допускаем возможность существования более древних легенд и сказов, чем южноазербайджанский вариант, отдельные персонажи которых (включая легендарных коней) носили те же имена, что и герои «Кёр-оглы». Эти сказы могли возникнуть в ином месте и в иные времена, скажем, в районе Аму-Дарьи в какие-то периоды передвижения огузских племен через Среднюю Азию в Иран, на Кавказ и в Турцию начиная с XI в.

Эти старые, доюжноазербайджанские пласты «Кёр-оглы» или аналогичного ему эпоса огузов (эпизоды богатырского рождения и сватовства героя, спасения героя-узника дочерью врага, богатырские поединки или мотивы, связанные с культом коня) могли быть привнесены извне и обнаруживаются в ряде других национальных версий «Кёр-оглы».

Таким образом, в эпосе о Кёр-оглы нашли свое художественное отображение события не только позднесредневековые, но и более древних эпох и примитивной социальной организации. Сказания эти, если говорить словами К. Маркса о древнегреческих мифах, «еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом... Обаяние, которым обладает для нас их искусство, не находится в противоречии с той неразвитой общественной ступенью, на которой оно выросло. Наоборот, оно является ее результатом и неразрывно связано с тем, что незрелые общественные условия, при которых оно возникло, и только и могло возникнуть, никогда не могут повториться снова»⁷³.

7. Приведенные данные свидетельствуют о том, что уже в XVII в. песни «Кёр-оглы» были известны на территории Южного Азербайджана, где в начале XVIII в. были сделаны первые его записи. Там же зафиксированы

⁷³ К. Маркс, *Введение (Из экономических рукописей 1857--1858 годов)*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, изд. 2, т. 12, стр. 737—738.

сравнительно ранние версии сказания о лихом наезднике и поэте Кёр-оглы.

Большинство исследователей (А. К. Боровков, И. С. Брагинский, В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, В. И. Чичеров и др.) считает, что многочисленные национальные версии «Кёр-оглы» образуют две ветви: азербайджанскую, к которой восходят армянская, курдская, грузинская и турецкая версии; и среднеазиатскую, включающую туркменскую, узбекскую, таджикскую и казахскую версии⁷⁴. Сюда же можно отнести каракалпакский, бухаро-арабский и сибирско-татарский «Кёр-оглы».

Мы полагаем, что все это самостоятельные версии, но генетически они восходят к южноазербайджанской версии сказаний о вожаке антифеодальных восстаний храбром Кёр-оглы. «Первоначально... эпический цикл „Кёр-оглы“ сложился в азербайджанско-туркменской среде»⁷⁵. Каждая версия эпоса, имея много общего с остальными, наделена присущим ей местным колоритом, своеобразна по сюжету, системе образов и художественной форме.

Для характеристики национальных версий «Кёр-оглы» мы анализируем их в сравнительном плане, в аспекте генетической связи и в аспекте последующего их развития. Такое рассмотрение богатейшего материала эпоса «Кёр-оглы» позволяет выявить неразрывное творческое взаимодействие народов, взаимопроникновение и взаимообогащение мотивов и образов, а также национальную специфику различных версий.

⁷⁴ См. статьи в сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958: В. И. Чичеров, *Вопросы изучения эпоса народов СССР*, стр. 8—9; И. С. Брагинский, *О таджикском эпосе «Гургули» и его художественных особенностях*, стр. 134; М. Тахмасиб, *Проблема народности азербайджанских дастанов и современное состояние исследования их*, стр. 182.

⁷⁵ И. С. Брагинский, *О таджикском эпосе «Гургули» и его художественных особенностях*, — «Вопросы изучения эпоса народов СССР» М., 1958, стр. 134.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ И ДРУГИЕ КАВКАЗСКИЕ ВЕРСИИ «КЁР-ОГЛЫ»

Азербайджанские сказания

Эпос «Кёр-оглы» азербайджанцы называют «Кёр-оглу дастаны» — «Дастан Кёр-оглы»¹. Имя Кёр-оглы (Сын слепого) связано с мотивом ослепления отца героя Али-киши. Геронческий дастан о Кёр-оглы состоит из ряда небольших повествований об отважных битвах героя, о его рождении и смерти. По форме это проза, чередующаяся со стихами-песнями. В качестве образца приведем небольшой фрагмент из главы о возвращении Кёр-оглы вместе с далекой невестой Нияр (Нигяр) и соратниками из Стамбула в крепость Ченли-бель (Ченлибель).

«Кёр-оглы с Нияр на крупе коня, окруженный своими безумцами, направился к Ченлибелю. Пройдя ближние дороги, перевалив холмы и горы, они достигли, наконец, Ченлибеля. Нияр-ханум увидела, что Ченлибель расположен на высокой горе, покрытой цветами и зеленью. Она спросила Кёр-оглы:

— Скажи, Кёр-оглы, это место и есть Ченлибель?

Взял Кёр-оглы саз и, послушав, что сказал он в ответ чернокудрой Нияр:

Вершину скрыл туман седой.
Да, это Ченлибель, Нияр.
Игиты здесь вступают в бой.
Да, это Ченлибель, Нияр.
Я нападаю на купцов,
Беру добро из сундуков;
Здесь ослепляю я врагов,
Да, это Ченлибель, Нияр...²».

¹ В дореволюционной литературе героические сказания «Кёр-оглы» назывались и сказкой («нагыл»), и рапсодией, и преданием («рэвэйет»), и рассказом («хикайе»).

² «Кёр-оглы, Азербайджанский народный эпос». Баку, 1940, стр. 31.

Сказания «Кёр-оглы» исполняются поколениями азербайджанских ашугов не менее трехсот лет. Обычно в репертуар ашуга входят какие-то определенные главы — «ветви» («кол») или отдельные песни из глав. Во время наших неоднократных поездок по городам и селам Азербайджана мы убедились, что невозможно найти в республике ни одного мало-мальски известного певца и музыканта, который не исполнял бы этот дастан.

Как и в большинстве национальных версий эпоса, в азербайджанском «Кёр-оглы» нашли художественное отражение восстания крестьян и городской бедноты против феодалов, борьба против внутренних и иноземных деспотов, разорявших страну, в особенности события XVI—XVII вв.

О событиях тех времен Е. А. Пахомов пишет следующее: «Турецко-персидская война, начавшаяся в 1514 г., шла с перерывом до 1555 года, когда был заключен первый мирный договор... весной 1578 г. турки разослали по Закавказью эмиссаров... а осенью армия Лала-Мустафа-паши вторглась в Ширван. Турки укрепили Ганджу, Шемаху, Баку, Дербент и другие города, поставили свои гарнизоны... и ввели свое управление... Со стороны персов, оттесненных к Карабаху, военные действия принимали партизанский характер... В 1590 г. шаху пришлось заключить тяжелый мир, по которому турки получили Тебриз, Нахичевань, Ганджу, Карабах, Ширван, Грузию и часть Курдистана. Мир дал возможность Аббасу подготовиться к войне, возобновившейся в конце 1603 г. В течение 1604 и 1605 гг. персы взяли Еривань, Карс, Тифлис, Ганджу, осадили Шемаху и овладели ею в 1606 г.»³.

Как мы уже отмечали, эти грабительские войны, ведшиеся в течение длительного времени между Турцией и Ираном, тяжелым бременем ложились на плечи тех народов, на чьей территории велись военные действия. и вызывали противодействия масс, во главе которых стояли смелые вожаки, подобные Кёр-оглы. Образ мятежника Кёр-оглы стал символом высокой морали и силы простых людей, символом братства, дружбы, боевого товарищества и интернационализма борцов за правду.

³ Е. А. Пахомов, *Краткий курс истории Азербайджана*, Баку, 1923, стр. 21.

Исследователи азербайджанской версии «Кёр-оглы» отмечают историчность центральных образов азербайджанского эпоса ⁴.

Азербайджанский «Кёр-оглы» в ряде основных эпизодов совпадает с южноазербайджанской версией, «историческое» ядро которой, как уже отмечалось, сложилось в период совместного бытования туркмен и азербайджанцев на территории Южного Азербайджана. В обеих версиях главный герой (в отличие, например, от таджикского «Гургули», а отчасти узбекского «Гор-оглы») Кёр-оглы, нареченный при появлении на свет именем Ровшан (у узбеков Ровшан — внук героя), — храбрый наездник и певец. Он окружен обычно сорока (иногда семьюдесятью семью) молодцами, имеющими общее прозвище «дяли» — «удалец», «отчаянный», «безумный». В свое время так называли безгранично храбрых джигитов ⁵. Например, в туркменском эпосе «Кёр-оглы» су-

⁴ См. «Поэзия азербайджанского народа», — «Антология азербайджанской поэзии», М., 1939; предисловие Г. К. Шарифова к кн.: «Кёр-оглы. Азербайджанский народный эпос»; М. Рафили, *Очерки по истории азербайджанской литературы*, — журн. «Литературный Азербайджан», Баку, 1940, № 1; «Мухтәәр Азәрбайчан әдәбияты тарихи», биринчи чилд, Баку, 1943, раздел «„Короглу“ дастаны»; П. Ш. Эфендиев, «Кёр-оглу» — героический эпос азербайджанского народа, автореф. канд. дисс., Баку, 1954; Габиб Бабаев, *Чернышевский об азербайджанском эпосе «Кёр-оглы»*, — журн. «Литературный Азербайджан», Баку, 1954, № 7; Ҳ. Араслы, XVII—XVIII әср, Азәрбайчан әдәбияты тарихи, Баку, 1956, раздел «„Короглу“ дастаны»; предисловие М. Г. Тахмасиба к кн.: «Короглу», Баку, 1956; М. Тахмасиб, *Проблема народности азербайджанских дастанов и современное состояние исследования их*, — сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 176—187; предисловие М. Г. Тахмасиба к кн.: «Короглу», тәртиб едәни М. Ҳ. Тәһмасиб, редактору Ҳ. Араслы, Баку, 1959; Азәрбайжан әдәбијјаты тарихи, т. I, Баку, 1960, раздел «„Короглу“ эпосу» (М. Таһмасиб); предисловие Р. Алиева, Г. Араслы, Ч. Гусейнова к «Антологии азербайджанской поэзии» в трех томах, М., 1960, т. I, стр. 22; см. там же. фрагменты из «Кёр-оглы», стр. 58—88; М. Г. Тахмасиб, *Азербайджанские народные дастаны (средние века)*, автореф. докт. дисс., Баку, 1965.

⁵ Туркменский поэт XVIII в. Махтумкули призывал своих соотечественников быть на поле брани неистовыми, безумными:

Гоч йнгидиң ады чыкмаз,
Дөвлет-малы болмаса.
Эндишли иш битирмез.
Мейданда дә ти болмаса,

(Магтымгули, *Сайланан эсерлер*, т. I, Ашхабад, 1959, стр. 350).

ществует большая глава «Харман-Дяли» («Безумная Харман»). Имя Харман-Дяли носит девушка, одержавшая победу над самим Кёр-оглы. Ашуги в лучших песнях, сказаниях прославляли суровые схватки и победы героев, среди которых самый любимый — Кёр-оглы.

Азербайджанский историк XIX в. А. К. Бакиханов, хорошо знавший песни и предания о Кёр-оглы, писал в 1837 г., что Кёр-оглы жил на границе Турции и Ирана и что его храбрецы до сих пор прославляются в народных песнях⁶.

Кёр-оглы мстит местным феодалам и иноземным захватчикам, добывает себе и своим «безумцам» красавиц невест — дочерей ханов, беков, пашей, султанов.

Это не только храбрый джигит, но и искусный певец и музыкант, что помогает ему привлекать в свой отряд смелых молодцев, проникать в стан противника, в гаремы и т. п. Песня и музыка, как стрелы и клинок, — верное оружие героя в борьбе с врагами. Его звучные песни полны гнева и мужества, призывов к борьбе и героизму во имя родины, чести и справедливости.

Кёр-оглы совершает свои подвиги на легендарном Гыр-ате (Кирате), на Дор-ате (Дур-ате), а иногда и на Араб-ате. Боевой конь героя наделен чудесными свойствами: он крылат, имеет разум, помогает хозяину в нападении и обороне, охраняет его во время богатырского сна, чувствует на огромном расстоянии приближение вражеской орды, будит своего хозяина и т. д. Такое изображение Гыр-ата, видимо, связано с древним культом коня, а в большей мере — исключительную ролью коня в длительных войнах в феодальную эпоху. Известно, что в древности был обычай хоронить вместе с убитым воином и его боевого коня.

Неприступная крепость Кёр-оглы Ченли-бель — символ страны счастья (наибольшее развитие этот образ получает в таджикском «Гургули»). Ченли-бель — это убежище крестьян, ремесленников и городской бедноты,

Коль нет богатства у джигита,
Безвестен он в родном краю.
Но будет имя знаменито
Тех, кто безумствует в бою.

(Махтумкули, *Избранные стихи*, М., 1948, стр. 347).
⁶ Абас-Кули-Ага Кудси Бакиханов, *Гюлистан-Ирэм*, Баку, 1926.

укрывающее их от преследований, непосильных налогов, а также от непрекращающихся войн.

Основные сюжетные линии: ослепление отца героя, воспитание им сына, выращивание сказочных коней от жеребца, вышедшего из вод Аму-Дарьи, женитьба на красавице Нигяр (у туркмен, узбеков — Ага-Юнус), усыновление Айваза (Эйваза), суровые схватки с турецко-персидскими угнетателями, взимание дани с купцов, похищение коня и его возвращение и т. д. — в азербайджанском и туркменском сказаниях о Кёр-оглы в общих чертах совпадают.

Однако туркменский эпос начинается главой о богатырском рождении героя, которая в азербайджанском «Кёр-оглы» отсутствует. В то же время в туркменской версии нет главы о походе Кёр-оглы в Дербент, второй любви и женитьбе героя на дербентской красавице Момине-ханум, о рождении от нее сына Гасан-бека (Курд-оглы), а также о бое Кёр-оглы с неузнанным сыном.

Вполне естественно, что в азербайджанской версии преобладают топонимические наименования Кавказа и Турции, в туркменской же — названия среднеазиатские и иранские. Это последнее объясняется отражением в эпосе борьбы народов Средней Азии в XV—XIX вв. с «кызылбашскими» ханами, феодалами, олицетворяющими властителей средневекового Ирана.

Видимо, азербайджанский «Кёр-оглы» послужил источником, основой в процессе складывания версий одноименного эпоса у курдов, армян, грузин, малоазиатских и болгарских турок и получил распространение в той или иной форме и объеме у таких народов Кавказа, как абхазцы, аджарцы, кумыки. Все эти версии и варианты сказаний о Кёр-оглы, в конечном счете восходящие к азербайджанской версии, ждут специального исследования, для чего необходимы подробная регистрация и сбор материала непосредственно на месте и на языках многонационального Кавказа.

Легенды, предания и песни «Кёр-оглы» собираются на Кавказе с начала XIX в. Уже в 1804 г. в рукописном сборнике азербайджанского поэта Андалыба Караджадаги были помещены песни эпоса⁷. В газете «Тифлис-

⁷ См. «Кёроглу», стр. 418, 419.

ские ведомости» в 1831 г. сообщается о легендарной крепости Кёр-оглы, расположенной в Закавказье⁸.

Несколько преданий и рассказов о Кёр-оглы было помещено в тифлисской газете «Кавказ». В 1846 г., в первый год выхода газеты, в номере 39 была напечатана «Сказка о Кара-оглы». Кара-оглы — несомненно, фонетически измененная форма имени Кёр-оглы. Содержание сказки составляют два эпизода эпоса — ослепление отца героя и похищение Хамзой Гир-ата. Как и в эпосе, здесь говорится, что отец Кара-оглы служил конюхом у турецкого паши. И вот юноша остался сиротой. Он продолжал пасти коней, но временами отлучался из дому. Постепенно о нем распространяется слава как о разбойнике. Далее рассказывается о похищении у Кара-оглы коня, о поездке за ним героя.

Эти устойчивые мотивы эпоса вдруг перебиваются чуждым народным сказанием эпизодом: однажды разбойник Кара-оглы захотел увидеть, как от испуга разрывается человеческое сердце, и ради этого погубил юношу и старика. Этот эпизод противоречит гуманистической направленности народного творчества и является примером того, как господствующие классы пытались снизить образы заступников трудовых масс, приспособить народный эпос к своим интересам. Но подсбывные сюжеты не задерживались, не оказывали существенного влияния на дух и содержание сказаний «Кёр-оглы».

В 1856 г. газета «Кавказ» сообщала о большой популярности песен «Кёр-оглы» среди грузин, о том, что в Грузии ходит немало красивых, занимательных сказок и рассказов о Кёр-оглы, которому посвящены лучшие песни и предания местных певцов⁹.

В корреспонденциях приводятся отрывки из «Кёр-оглы». Так, поясняя «Сказку о Кере-оглы», автор одной записи отмечает, что он берет лишь эпизод из жизни Кере-оглы и что было бы очень хорошо собрать все легенды о нем¹⁰.

⁸ «Тифлиссские ведомости», 1831, № 68. Отметим, что крепость под названиями Ченли-биль, Чанды-биль, Чамбиль, Чамбул, Шамли-биль локализуется, по народным сказаниям, в разных местах Кавказа, Средней Азии, Ирана, Малой Азии, т. е. почти повсюду, где поются и повествуются сказания о Кёр-оглы.

⁹ «Кавказ», 1856, № 21.

¹⁰ «Кавказ» 1847 № 22

Сюжет следующей публикации — «Замок Кёр-оглы» интересен тем, что здесь главным врагом героя выступает шах Персии. Он ослепляет отца Кёр-оглы, подсылает к нему своего вельможу Аббаса с заданием похитить Гыр-ата. Как видно, имена персонажей претерпевают своеобразную эволюцию: вместо привычного Хамзы в роли похитителя коня выступает Аббас, в то время как в большинстве вариантов Аббас — шах Ирана, против которого герой ведет длительную партизанскую войну. Сохранение и в этой публикации эпизодов ослепления конюха, похищения коня с подробным описанием погони за героем, рассказа о его старости и смерти еще раз подтверждает устойчивость этих сюжетных линий в цепи сказаний о поборнике справедливости Кёр-оглы.

Перенесение основного направления борьбы героя против иранских феодалов (постройка крепости Кёр-оглы для борьбы с персидским шахом, вырвавшим глаза его отцу, и т. д.) характерно и для ряда других легенд, помещенных на страницах названной газеты¹¹.

Интересные записи содержатся в книге немецкого этнографа А. Гакстгаузена¹², путешествовавшего по Кавказу в середине XIX в. При посредстве некоего Петра Нея он записал (прозаическая часть передана на немецком, песенная — на азербайджанском языке) местные предания об ослеплении персидским шахом отца Кёр-оглы Обеида (Убейда), о похищении Гыр-ата лазутчиком турецкого султана хитрым Хамзой, о поездке Кёр-оглы за конем в Турцию в одежде певца-дервиша.

Выделяется эпизод в записи Гакстгаузена, где повествуется о бое между Кёр-оглы и героем эпоса иранских народов Рустамом (Рустемом), продолжавшемся трое суток и окончившемся гибелью обоих богатырей.

В 1903 г. в газете «Кавказ» была помещена одна из легенд о Кёр-оглы в записи П. Красова¹³. Содержание ее совпадает с кратким сюжетом известной главы эпоса «Эрзерумский поход Кёр-оглы», где рассказывается о

¹¹ «Кавказ», 1853, № 51, 53, 54, см. «Из записок кавказского старожила... Замок „Кёр-оглы“».

¹² А. Гакстгаузен, *Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями*, СПб., 1857, гл. VI (Татарское предание о слепом Обеиде и его сыне Кюр-оглы), стр. 149—153.

¹³ П. Красов, *Кавказские заметки. Легенда о Кёр-оглы*, — «Кавказ», 1903, № 17

любви Телли-ханум, дочери Джафар-паши, к пленнику Демирчи-оглы, соратнику Кёр-оглы, о битве Кёр-оглы из-за Демирчи-оглы и его освобождении. Легенда имеет счастливый конец: герой женит влюбленных и устраивает своему храброму другу и Телли-ханум пышную свадьбу.

Статьи, заметки, легенды, предания и песни из «Кёр-оглы» печатались в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Укажем на «Предание о разбойнике Кёр-оглы», записанное в Грузии учителем Мирзой Белизаде¹⁴, где приводятся и песни из эпоса. Содержание предания сводится к истории службы отца героя в качестве конюха, о его ослеплении свирепым ханом, хозяином табуна, о подготовке и осуществлении сыном слепца мести за отца.

Характерно, что по азербайджанской версии Кёр-оглы стал знаменитым не только как благородный мститель, но и как искусный певец-музыкант.

Из дореволюционных публикаций азербайджанской версии «Кёр-оглы» значительный интерес представляет вариант, изданный в 1913 г. в Баку Рзой Заки¹⁵. Он сохраняет ряд устойчивых эпизодов эпоса. По форме это проза, лишь местами прерываемая стихами.

Основные записи азербайджанского «Кёр-оглы» (как и туркменского «Гёр-оглы») были сделаны в 30-х годах нашего века. Благодаря заботам партии и правительства в республиках были созданы специальные институты, занимающиеся вопросами фольклористики и подготовкой национальных кадров фольклористов.

Записи многочисленных глав «Кёр-оглы» и их фрагментов удалось произвести в различных уголках Советского Азербайджана от многих ашугов.

Первое советское издание «Кёр-оглы» осуществлено в 1927 г. Обществом обследования и изучения Азербайджана. Книга снабжена предисловием («Наездник-певец Кёр-оглу») Вели Хулуфлу¹⁶, который дает оценку

¹⁴ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. IX, ч. 2, Тифлис, 1910, стр. 122—126.

¹⁵ ۱۹۱۳ کوراوغلی، عاشقی بر حکایه در مخبری: رضا ذاک، باکو،

¹⁶ ۱۹۲۷ خراوفلو، کوراوغلی، باکو،

предшествующим публикациям. В частности, издание Оруджевых (Баку, 1913) он рассматривает как копию стамбульской публикации, в которой лишь изменены, сняты или азербайджанизированы отдельные места¹⁷.

Характеризуя английскую публикацию «Кёр-оглы», В. Хулуфлу останавливается на таких моментах версии: Кёр-оглу происходит из туркмен туки, жил он в Южном Хорасане¹⁸, проведя вместе с отцом некоторое время в пустынях Туркестана, прибывает в Хорасан¹⁹.

Далее В. Хулуфлу кратко излагает содержание отдельных глав публикуемого варианта. Как бы отвечая на вопрос «Кто такой Кёр-оглы?» (подзаголовок предисловия), он сообщает, что отец Ровшана служил конюхом у Хасан-паши. Властелин ослепил слугу за то, что тот выбрал для подарка гостю двух невзрачных на вид жеребят. Сына несчастного с тех пор называют Кёр-оглы. Слепец учит двенадцатилетнего сына ухаживать за отвергнутыми жеребьятами, рожденными от морских коней. Через четыре года старик говорит сыну, что настала пора отомстить Хасан-паше: ведь он намеревался уничтожить их обоих, и только предупреждение другого конюха спасло их от гибели. Вскоре во дворце паши появляется на Гыр-ате Кёр-оглы, вооруженный египетской саблей, булавой, щитом. Он бьется с палачами и самим пашой, убивает их. Стража закрывает ворота крепости, но конь героя перескакивает через высокие стены и ров с водой и уносит седока в горы. Кёр-оглы добирается до горной крепости Ченли-биль, окруженной неприступными скалами. Он и его удалцы привозили сюда дочерей феодалов.

Вели Хулуфлу рассказывает, что герой одолевает противника не только саблей, но и песней, и искусством перевоплощаться. Его сопровождают семьсот семьдесят сподвижников. Среди них выделяются приемный сын Айваз, Куса (Коса)-Сафар, Белли-Ахмед, Демирчи-оглы Хасан, а также (по словам ряда ашугов) — Иса-Бала. Тангры-Танамаз²⁰. У Кёр-оглы было четыре отборных коня, каковы Гыр-ат, Дур-ат (от речного жеребца), Акджа-

¹⁷ Там же, стр. 9.

¹⁸ Там же, стр. 12.

¹⁹ Там же, стр. 13.

²⁰ Там же, стр. 24.

Гузы (туркменской породы) и Араб-ат (арабской крови)²¹.

Затем повествуется о похищении героем Нигяр-ханум, дочери паши, и о том, как сын кузнеца, богатырь Хасан, состязался в силе с Кёр-оглы и победил его в единоборстве, а затем стал его верным другом²².

Один из рассказов Хулуфлу назвал «Бегство купца от Кёр-оглы»²³. Речь идет о главе, в которой рассказывается, как торговец, захватив деньги Кёр-оглы, удрал от него. Эта песнь «Кёр-оглы» отличается от главы «Купец» в туркменской версии эпоса.

Самостоятельный рассказ, в целом рисующий борьбу с купцами, повествует также об ашуге Джунуле, который сопровождал караваны в их долгом пути и достался однажды герою. Кёр-оглы держал ашуга при себе до смерти. «Говорят, что многие песни и рассказы о Кёр-оглы сочинены ашугом Джунулом»²⁴, — заключает Хулуфлу.

Повествование об ашуге Джунуле здесь не обрывается. В главе «Ашуг Джунул и Телли-ханум» рассказывается, что, хотя певец жил вольготно у Кёр-оглы, он скучал по семье. Кёр-оглы разрешил ему съездить домой на сорок дней, дал ему денег на дорогу и на годовое содержание семьи. Но ашуг пробыл дома три месяца. На обратном пути он остановился в Эрзеруме и похвалил Кёр-оглы песней перед Телли-ханум, дочерью местного паши. Та заочно влюбилась в Кёр-оглы и послала ему с ашугом любовное письмо²⁵.

Далее идут тексты, записанные Хулуфлу непосредственно от ашуга Гусейна. Ашуг, по словам Хулуфлу, знал пять глав: «Токатский поход», «Багдадский поход», «Эрзерумский поход», «Араб-Рейхан», «Болу-бек», но ему удалось записать две главы: «Токатский поход»²⁶ и «Багдадский поход»²⁷.

После смерти Хасан-паши слава о Ченли-биле рис-

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 29—34.

²³ Там же, стр. 34, 35.

²⁴ Там же, стр. 36, 37. В новейших изданиях имя ашуга — Джун.

²⁵ Там же, стр. 40.

²⁶ Там же, стр. 45—82.

²⁷ Там же, стр. 83—100.

пространяется по всему миру. Сюда стекается все больше храбрецов. Феодалы Турции, Ирана и Турана враждуют с Кёр-оглы. Паша Токата Махмуд собирает совет и заявляет, что из-за Кёр-оглы гибнут караваны купцов и действия Кёр-оглы могут дойти до того, что он свергнет его с престола. Поскольку, заявляет паша, вся сила разбойника в его коне Гыр-ате, то надо похитить животное. Тому, кто доставит Гыр-ата, паша обещает в жены свою дочь. Но никто не осмеливается отправиться за Гыр-атом. Тогда готовность выполнить опасное поручение изъявляет плешистый Хамза. И вот он в Ченли-биле, где плачет и жалуется на пашу, который якобы обижал его и прогнал без всяких средств. Кёр-оглы жалует Хамзу и дает ему работу конюха, хотя остальные джигиты и возражают против этого. Хамза всячески усердствует в работе, аккуратно выполняет все поручения, чем постепенно завоевывает доверие ченлибильцев. Кёр-оглы начинает доверять ему Дур-ата и Гыр-ата, оставлять ключи от конюшни. Однажды Хамза угнал Дур-ата, решив, что никто не поймет, Гыр-ат это или Дур-ат.

В Ченли-биле тревога, и «каждый, кто поднимался с постели, бранил Кёр-оглы», насмеялся над ним²⁸. Храбрецы требуют, чтобы Кёр-оглы сам вернул коня, иначе они разъедутся. Кёр-оглы готовится к походу: съедает пилав из семи батманов риса и семи баранов, запивает его семью кувшинами вина. Айваз смазывает усы Кёр-оглы полутора фунтами меда, свивает их и узлом связывает за ушами. (Это типичная для азербайджанской версии гиперболизация мощи героя²⁹).

Далее следуют общие для разных версий эпизоды: погоня Кёр-оглы за Хамзой, встреча Кёр-оглы на мельнице с похитителем, ловкое переодевание Хамзы и подмена Дур-ата Гыр-атом, обещание вернуть коня хозяину после того, как он заполучит дочь пашы, и пр.

Кёр-оглы в одежде ашуга появляется на свадьбе Хамзы, где исполняет песню о Гыр-ате. Паша просит его рассказать о Кёр-оглы, и грозный ашуг поет:

²⁸ Там же, стр. 52.

²⁹ Там же, стр. 53.

Беки — удалыцы наших текинцев,
Выходят на поле брани сыны отважных.
До самой смерти не покинут поля битвы
Сыны серого волка с окровавленной пастью³⁰.

Паша и вельможи догадываются, что перед ними Кёр-оглы. Его запирают в конюшне вместе с Гыр-атом, надеясь, что конь, который убивает всякого, кто к нему приблизится, прикончит и Кёр-оглы. Но конь узнает хозяина, и они благополучно возвращаются в Ченли-биль.

«Багдадский поход» — большая самостоятельная глава азербайджанской версии «Кёр-оглы», в которой рассказывается, как Айваз, Хасан и Белли-Ахмед по требованию Нигяр-ханум, жены Кёр-оглы, отправляются в Багдад за журавлиными перьями. Трое путников в сказочных садах Багдада охотятся на журавлей, собирают перья, жарят из птиц шашлык, запивают его вином. Но стража ловит пьяных, приводит к турецкому паше. Паша намерен казнить виновных.

Кёр-оглы видит вещий сон и немедленно едет в Багдад. В пути он и его соратники помогают бедному старику убрать урожай пшеницы. Прибыв в Багдад, они спасают от виселицы Айваза, Хасана и Белли-Ахмеда. В этом им помогает Гизир-оглы с отрядом отчаянных джигитов. Гизир-оглы таит на Кёр-оглы обиду и намеревается помериться с ним силой после победы над Аслан-пашой и после освобождения узников.

Пленники спасены. Гизир-оглы борется с Кёр-оглы и побеждает его. Герои заключают побратимство, которое не однажды испытывается в горячих битвах.

Вели Хулуфлу сообщает о сказителе, из уст которого записан приведенный выше вариант сказания: «Ашуг Гусейн, сын Джафаркули, происходит из карабахских азербайджанцев, жил в селе Бозанганлы Казахского р-на АзССР, начал выступать самостоятельно как ашуг на тоях и вечерах с 18—19 лет, а запись произведена, когда ему было 45 лет. Он считался одним из наиболее талантливых сказителей и как таковой пользовался большим почетом и авторитетом среди ашуггов Азербайджана. Достаточно сказать, что в период записи от него сказания о Кёр-оглы, на майском праздничном сле-

³⁰ Там же, стр. 70 (в данной главе переводы наши.— Б. К.).

те ашугов его края, Гусейн был избран руководителем Союза ашугов»³¹.

Как уже отмечалось, для азербайджанского «Кёр-оглы» в публикации 1927 г. характерна сравнительная близость к южноазербайджанской версии и отчасти к туркменской версии эпоса. Например, песни на страницах 63 (песня с редифом «Не билер?» — «Откуда знать ему?»), 71 («Герекдир» — «Нужно»), 75 («Гыр-ат, гел!» — «Приди, Гыр-ат!»), 80 (обращение героя к журавлям), 81 (обращение к милой, редиф «Кара дегилми?» — «Не черны разве?») и т. д. по своей форме и содержанию имеют точные параллели в туркменской версии «Кёр-оглы». Такое сходство версий по содержанию и по форме нельзя объяснить простым совпадением или заимствованием, оно — результат сотворчества народов на определенном историческом этапе.

В 1936 г. вышла книга «Кёр-оглы», в основу которой был положен вариант талантливого исполнителя эпоса ашуга Гусейна³².

Значительным событием явилась публикация в 1939 г. на русском языке больших отрывков из «Кёр-оглы» с кратким комментарием, где поясняется место фрагментов в эпосе и значение «Кёр-оглы» в истории народного поэтического творчества азербайджанцев³³.

Впервые большинство (тринадцать) глав эпоса издано на русском языке в 1940 г. Наряду с основными главами здесь приводятся отрывки из репертуара нескольких ашугов АзССР³⁴.

Спустя год издаются главы из эпоса на азербайджанском языке, записанные и подготовленные к печати Гумметом Али-заде³⁵.

Много сделано в области популяризации эпоса Мамедом Тахмасибом, который на основе репертуара ашугов в 1949 г. издал научный текст «Кёр-оглы»³⁶.

³¹ Там же, стр. 105.

³² «Kərogly», Bəqə, 1936.

³³ См. «Антология азербайджанской литературы», под ред. В. А. Луговского и С. Вургуня, М., 1939.

³⁴ «Кёр-оглы. Азербайджанский народный эпос», составил Гуммет Али-заде, перевод с азербайджанского Азиза Шарифа, под ред. и с предисловием Г. К. Шарифова, Баку, 1940.

³⁵ «Kərogly», toplaýny Gümmeť Əlízade, redaktoru B. Musaev, Bakı, 1941.

³⁶ «Kərogly», tərtib edeni M. H. Təhməsiib, Bakı, 1949.

Вновь эта книга, переработанная и дополненная М. Тахмасибом, вышла из печати на азербайджанском языке в 1956 и 1959 гг.³⁷, а на русском — в 1959 г.³⁸.

Сличение изданий азербайджанского «Кёр-оглы» дает любопытные результаты.

Во-первых, в главных сюжетных линиях он совпадает с южноазербайджанской версией, что свидетельствует об их генетической связи.

Во-вторых, чем ближе к нашим дням, тем более возрастает объем эпоса. Последнее, очевидно, можно объяснить как творческой активностью самих сказителей — ашугов, так и более интенсивной работой собирателей фольклора. Азербайджанские исследователи «Кёр-оглы» стремятся к созданию на основе разрозненных вариантов сводного текста по репертуару многих исполнителей эпоса.

Тенденцию к созданию свода вариантов и рост числа вариантов эпоса иллюстрируют такие факты: текст «Кёр-оглы» в издании 1913 г. составляет всего 55 страниц и охватывает в общей сложности 7 глав; текст 1940 г. — 144 страницы и 22 страницы песенных отрывков, содержит 13 глав эпоса; издание 1959 г. составляет 351 страницу, охватывает 17 глав. Тексты изданий 1940 и 1959 гг. базируются на рукописных источниках 1929—1939 гг., однако в них даже названия глав различны, причем в варианте 1913 г. вообще нет деления на главы.

Для наглядности сопоставим наименования глав двух последних выпусков.

Издание 1940 г.:

1. «Кёр-оглы».
2. «Стамбульский поход Кёр-оглы и похищение Нигяр-ханум».
3. «Кёр-оглы и ашуг Джинун».
4. «Туркменский поход Кёр-оглы».
5. «Кёр-оглы и Демирчи-оглы».
6. «Арзрумский поход Кёр-оглы».

³⁷ «Короглу», енидэн ишләнмиш вә тамамланмыш икинчи нәшри, төртиб едәни М. Һ. Тәһмасиб, редактору Һ. Араслы, Баку, 1956; «Кор-оглу», төртиб едәчи М. Һ. Тәһмасиб, Баку, 1959.

³⁸ «Кёр-оглы», составитель М. Г. Тахмасиб, перевод прозаического текста Ю. Гранина, перевод стихотворного текста И. Оратовского и А. Плавника, редактор Д. Гликштейн, предисловие Г. Араслы, Баку, 1959.

7. «Токатский поход Кёр-оглы».
8. «Кёр-оглы и Болу-бек».
9. «Багдадский поход Кёр-оглы».
10. «Баллиджинский поход Кёр-оглы».
11. «Румский поход Кёр-оглы».
12. «Дербентский поход Кёр-оглы».
13. «Старость Кёр-оглы».

А теперь познакомимся с бакинским изданием 1959 г. и теми источниками, которые положены в его основу.

1. «Алы-киши». Как сообщает составитель М. Г. Тахмасиб, глава подготовлена к печати на основе записей из уст трех ашугов, в репертуаре которых она называется «Кёр-оглы». Здесь рассказывается о рождении в табуне Алы-киши, отца героя (в южноазербайджанском варианте отца Кёр-оглы зовут Мирза-Серраф), Гыр-ата и Дур-ата, о рождении у Алы-киши сына, об ослеплении табунщика турецким пашой, о мести Кёр-оглы, о строительстве неприступной крепости и военного становища Ченли-беля. Глава, как отмечает составитель, генетически восходит к южноазербайджанскому варианту.

2. «Кёр-оглы и Дели-Хасан». В репертуаре ашугів глава именуется «Демирчи-оглы», «Дели-Хасан» и т. д.; имеет параллель и в приведенном выше варианте 1940 г. Глава повествует о поединке Кёр-оглы с силачом Хасаном (он же Демирчи-оглы) в порядке испытания силы и о последующем заключении двумя богатырями побратимства, а также о совместной борьбе против феодалов и их сторонников.

3. «Кёр-оглы в Стамбуле» — составлено из двух «кол»: «Кёр-оглы» и «Нигяр», восходит к южноазербайджанскому варианту.

4. «Приход Демирчи-оглы в Ченли-бель». В основу главы положен известный у ашугів эпизод «Демирчи-оглы» («Сын кузнеца»).

Роль Демирчи-оглы в эпосе, его линия полностью совпадают с линией Дели-Хасана. Для эпоса характерно, что некоторые совершенно разные герои носят одинаковые имена. Например, в туркменской версии Мустафа — ближайший соратник Кёр-оглы, в других — его непримиримый враг. А в данном случае имя Гасан (Дели-Гасан, Дели-Гасан Демирчи-оглы, Гасан-бек) носят три героя. Первые два — положительные, последний — отрицательный. Такую специфику эпоса можно объяснить

двумя обстоятельствами: либо смешением глав и раздвоением эпизода, либо желанием сказителя противопоставить противнику своего удальца с тем же именем.

В этой главе повествуется о встрече Кёр-оглы с Дели-Гасаном в кузнице, где тот, будучи ребенком, проявлял невероятную силу. Подросши, Гасан едет в Ченли-бель и присоединяется к джигитам Кёр-оглы.

В южноазербайджанской версии о богатырской встрече Кёр-оглы с Демирчи-оглы рассказывается в одном из меджлисов.

5. «Эрзерумский поход Кёр-оглы». Глава повествует о приезде в Ченли-бель Демирчи-оглы и ашуга Джинуна, а также о том, как была привезена из Эрзерума красавица Телли-ханум. В одних вариантах на ней женится Демирчи-оглы, а в других — сам Кёр-оглы.

В основу главы положены известные в репертуаре ашугов кол: «Демирчи-оглы», «Приход Демирчи-оглы в Ченли-бель», «Джинун», «Дели» («Дели-Гасан»).

6. «Как Айваза привезли в Ченли-бель». Глава восходит к южноазербайджанской версии. Мотив похищения Айваза (Аваза, Овеза) — один из наиболее устойчивых и отмечается во всех национальных версиях. Детали, реалии и географические названия, разумеется, меняются в зависимости от места и среды, где бытует эпос. Эта глава известна в репертуаре ашугов под названием «Эйваз», «Туркмен», «Туркменский поход Кёр-оглы».

7. «Журавлиное перо». Название придумано составителем. В репертуаре ашугов такого наименования главы не существует. Содержание кол совпадает с главами ашугов «Багдад», «Багдадский поход». Эйваз отправляется в Багдад за журавлиным пером и попадает в плен. Из турецкой неволи он спасается благодаря бесстрашию и ловкости Кёр-оглы.

8. «Похищение Гыр-ата Хамзой». Составлена глава на основании ашугских кол: «Тогат» («Токат»), «Хамза», «Путешествие Кёр-оглы в Тогат». Это один из наиболее устойчивых сюжетов «Кёр-оглы», генетически восходящих к южноазербайджанской версии. Правда, в разных национальных версиях и даже внутри одной версии обычно варьируются имя похитителя, имя его господина, название страны, откуда приходит лазутчик (здесь — плешивый Хамза из Токата (Турция) подослан Гасан-па

шой (или Махмуд-пашой, или Аслан-пашой)]. Неодинаково у разных ашугов изображаются обстоятельства встречи Хамзы (у туркмен — старухи из Нишапура или вообще из Ирана) с Кёр-оглы, похищение Гыр-ата (Дур-ата), неузнавание на мельнице, погоня за похитителем и т. п. Даже количество коней Кёр-оглы и их клички звучат по-разному в репертуаре ашугов (по рассказам одних, коней было четыре: Гир-ат, Дур-ат, Араб-ат и Агджа-Гузу; у других — всего два).

9. «Приезд Махбуб-ханум в Ченли-бель». Глава составлена на основании нескольких ашугских вариантов [«Махбуб» («Махбуб-ханум») и «Кёр-оглы»]. Сюжет главы неустойчив. В одних вариантах Кёр-оглы едет в Рум, освобождает из плена Белли-Ахмеда и после многих перипетий привозит дочь шаха в Ченли-бель и женится на ней (с позволения Нигяр!). По другим, за пленником в Рум отправляется соратник Кёр-оглы Белли-Ахмед, который выручает узника и женится на Махбуб-ханум.

10. «Кёр-оглы в Баязиде». Кол частично восходит к южноазербайджанскому варианту: схватка героя с купцом, поездка за Дюня-ханум и т. д. В репертуаре ашугов эта глава известна под названием «Раб» («Кул»), «Баязид», «Кёр-оглы».

11. «Побег раба». Глава представляет собой свод из рассказов «Раб», «Как Гюрджи-оглы Мамед привозит в Ченли-бель Ругию-ханум» и не имеет точек соприкосновения с южноазербайджанской версией. Она возникла в среде азербайджанских ашугов в позднейшее время.

12. «Пропажа Дур-ата». Глава составлена на основе ашугских кол «Дур-ат», «Поход Кёр-оглы в Баллыджу», «Баллыджа». Сюжет главы прост. Исчезают кони Кёр-оглы, в том числе и Дур-ат. Их обнаруживают в Баллыдже. Кёр-оглы едет за конями. Происходит битва с местным феодалом Кара-ханом. С победой герой возвращается в свое становище.

13. «Кёр-оглы и Болу-бек». Сюжет генетически восходит к южноазербайджанской версии и имеет параллели во множестве вариантов в большинстве национальных версий «Кёр-оглы». В основу главы взяты ашугские кол «Болу», «Бегляр», «Эрзинджанский поход Кёр-оглы». В главе повествуется о коварстве турецкого бека Болу, пленившего героя, о битвах Кёр-оглы и его това-

рища Иса-балы против турецкого захватчика, о женитьбе Иса-балы на дочери врага Дюня-ханум.

14. «Кёр-оглы в Карсе». Глава основана на вариантах «Кёр-оглы», «Грузия» («Гюрджистан»), «Адиль-паша». Хотя этот сюжет азербайджанского «Кёр-оглы» не совпадает с другими версиями, один из персонажей главы — зловещий Райхан-араб известен во всех версиях. Он нападает на Ченли-бель. На стороне Кёр-оглы действует Эйваз, верный сын и ученик героя.

15. «Кёр-оглы в Дербенте». Глава генетически восходит к южноазербайджанской версии, но имеет много вариантов: «Вуруш», «Кёр-оглы», «Булгейс», «Дербент», «Кёр-оглы и Айпара». В главе рассказывается о женитьбе Кёр-оглы на дагестанской красавице, которую зовут то Махбуба, то Момина, то Булгейс. Сын Кёр-оглы — Кюрд-оглы (или Хасан, или Саманд) рождается от этой женщины. Родиной девушки называют и Турцию, и Туркмению, и Дербент. Но почти во всех вариантах она — туркменка. Айваза азербайджанские ашуги также изображают родом из Туркмении (глава «Туркмен»). Эти два обстоятельства подчеркивают неразрывную генетическую связь двух национальных версий эпоса в рамках огузской группы тюркских народов.

16. «Пөход Хасан-паши на Ченли-бель». Глава составлена на основе эпизодов борьбы Кёр-оглы с его постоянным врагом — турецким феодалом Хасан-пашой, совершавшим частые набеги на Ченли-бель. Герой побеждает турецкого феодала.

17. «Старость Кёр-оглы». Это заключительная глава, в основу которой положены небольшие ашугские кол «Кёр-оглы» и «Смерть Кёр-оглы». Сюжет главы восходит к южноазербайджанской версии, но в отличие от нее, а также от туркменской версии, «Старость Кёр-оглы» повествует о покушении на жизнь героя не персидских ханов, а турецкого паши.

Своеобразен финал эпоса: часто он изображает не смерть Кёр-оглы, а прекращение его борьбы после заключительной победы над грабителями и разбойниками.

Итак, рассмотренные нами главы азербайджанской версии «Кёр-оглы» говорят о богатстве и разнообразии ее вариантов, многие из которых генетически восходят

к южноазербайджанской основе, но приобрели в процессе развития национальный колорит, обогатились благодаря вдохновенному искусству ашугов Азербайджана.

Некоторые географические названия, а также имена героев (Кёр-оглы, Мустафа, Эйваз, Сафар-Косе, Демирчи-оглы и др.) связаны с событиями, зафиксированными историческими хрониками. Например, кроме имен положительных персонажей в источниках встречаются имена Хасан-паши, Аслан-бея, Чафар-паши и др., участвовавших в подавлении восстания джалали. Разумеется, в эпосе это уже художественно обобщенные образы.

В эпосе богато представлена сказочная фантазия (рождение морских коней с крыльями, наделенных разумом, чудесная сабля, лук, стрелы, щит и копья), сила героев весьма гиперболизирована.

Все части — кол — эпоса композиционно связаны, за исключением разве главы «Кёр-оглы в Дербенте», которая представляет собой одну из боковых линий эпоса и одновременно вариант сюжета о единоборстве отца с неузнанным сыном.

В дальнейшем больших записей не производилось. Исключение — вариант ветви «Старость» («Старость Кёр-оглы»), записанный в 1939 г. Г. Али-заде от ашуга Али из Казах. Она является не только последней главой эпоса, но и последней записью основных вариантов «Кёр-оглы», имеющих самостоятельное значение.

О популярности и всенародной любви к герою эпоса в Советском Азербайджане свидетельствует тот факт, что на сюжет сказаний Узеиром Гаджибековым (1885—1948) создана замечательная опера «Кёр-оглы», которая вот уже более четверти века не сходит со сцены театра Республики ³⁹.

³⁹ Лучшую свою оперу «Кёр-оглы» У. Гаджибеков написал в течение 1932—1936 гг. «Работая над оперой „Кероглы“, — писал У. Гаджибеков, — я поставил перед собой задачу — создать национальную по форме оперу, используя достижения современной музыкальной культуры... Что касается содержания, то оно определяется материалом народных сказаний о Кероглы... Кероглы — ашуг, и он воспет ашугами».

Композитор говорит об основных мотивах оперы: «...угнетенное состояние крестьянской массы... революционное настроение народа... Третий... рисует трогательный образ Нигяр, любящей Кероглы и готовой пожертвовать своей жизнью во имя этой любви» (Узеир Гаджибеков, «Кёр-оглы», Баку, 1938, стр. 10, 11).

Армянская версия

Как уже отмечалось, армянские сказания «Кёр-оглы» генетически восходят к азербайджанской версии⁴⁰.

Но в отличие от эпоса азербайджанцев, туркмен, узбеков, турок армянский «Кёр-оглы» весь поется. Основные сюжетные линии здесь сохраняются, но, разумеется, армянская версия имеет свои специфические особенности.

Приведем краткое содержание армянского «Кёр-оглы» по ереванскому изданию⁴¹.

Настоящее имя Кёр-оглы — Рушан. Его отец Мирза-Серраф (у азербайджанцев — Али-киши, у туркмен — Ады-бек) сорок лет прослужил главным конюхом у феодала Ассан-хана (Хасан-хан, Хункар, Хуткар — у азербайджанцев и туркмен). Он заботливо холил жеребенка весьма невзрачной наружности, родившегося от жар-коня (у азербайджанцев и у туркмен — двух жеребят от морского коня). Однажды Ассан-хан заметил в своем табуне этого жеребенка и пришел в ярость. В припадке гнева он приказал ослепить Мирзу-Серрафа (в туркменской версии — хан ослепляет не отца, а деда героя — Джигали-бека). С тех пор Рушана стали называть Кёр-оглы — «Сын слепого». Несчастный слепец вместе с сыном бежит от жестокого хана и воспитывает ребенка в духе ненависти к насильникам. Отец и сын уводят с собой невзрачного жеребенка, которого называли Хратом⁴². Они внимательно ухаживают за жеребенком, который со временем становится сказочным конем, быстрым, как ветер, разумным, как человек.

Храт и Кёр-оглы неразлучны. Конь — предмет любви и надежд героя, пишет армянский исследователь. На Храте в сопровождении отважных джигитов он совершает походы во многие страны, победоносно сражается там с ханами, пашами и прочими притеснителями. Кёр-оглы пылает жаждой мести к Ассан-хану, ослепившему

⁴⁰ Армянской версии посвящена работа Ф. К. Фахрадова «К изучению эпоса „Кёр-оглы“ (Армянская версия эпоса)», автореф. канд. дисс., М., 1954 (на азерб. яз.).

⁴¹ «Кёр-оглы. Народный эпос», предисловие Х. Самуэляна, собрал и записал Г. Таривердян, Ереван, 1941 (на арм. яз.).

⁴² «Храт», по объяснению проф. Самуэляна, означает «гнедой». Здесь допущена неточность. «Храт», точнее Гыр-ат, — по-тюркски значит «серый конь».

отца, и ко всем его приспешникам. На Храте герой подстерегает караваны и охраняет подступы к своей крепости Шамли-бель. Отнимая у богатых купцов скот, товары и деньги, он тут же раздает их своим джигитам и местным беднякам. На Храте Кёр-оглы непобедим. На нем он пускается в далекое путешествие, во время которого проникает во дворцы султанов, беков, пашей, похищает их дочерей для себя и своих товарищей.

Защита униженных и обездоленных, борьба с феодалами и их верными вассалами, поединки с ханскими богатырями, турецким пашой, султаном, а также любовные приключения составляют содержание армянской версии «Кёр-оглы».

Проф. Самуэлян отмечает, что песни «Кёр-оглы» занимали главное место в репертуаре армянских ашугов⁴³. Остановившись на генезисе и развитии армянской версии эпоса, исследователь делит песни на две основные группы: «...довольно значительную часть армянских вариантов составляют армянские переводы ашугов (азербайджанских сказаний.— Б. К.); другая часть является творческой переработкой (этих сказаний.— Б. К.) поэтически высокоодаренных ашугов, которые придали им местный колорит и национально-этнографические черты. Эта творческая деятельность ашугов идет иногда так далеко, что азербайджанский эпос порой почти полностью арменизируется, а сам Кёр-оглы... становится армянским героем. В этом отношении особенно отличаются варианты на ванском и локском диалектах (в Турецкой Армении)»⁴⁴.

К сказанному проф. Самуэляном добавим, что, как нам рассказывали армянские фольклористы, на армянских диалектах существует несколько десятков вариантов песен «Кёр-оглы». Пока же записано около сорока песен.

Рукописные фонды книгохранилищ Армении таят немало источников по эпосу, которые ждут своего исследователя. Например, в «Матенадаране» хранится рукопись (инв. № 7318), составленная в конце XVIII — начале XIX в. Здесь на страницах 105—120 помещены отрывки из «Кёр-оглы» на тюркском языке, записанные армянски-

⁴³ «Кёр-оглы. Народный эпос», стр. 32.

⁴⁴ Там же.

ми буквами. Эти отрывки рассказывают о детстве и юношеских годах Ровшена («Кёр-оглы»), о службе его отца конюхом у некоего деспота: «В прежние времена жил человек по имени Али. Он происходил из племени туркмен, был туркменом-конюхом. Семь лет он пас табуны шаха. Однажды шах ослепил его за то, что кобыла принесла двух неказистых жеребят. Слепой конюх одному из них дал кличку Гыр-ат за его серую, пегую масть, другому, вороному — Гара-ат. Был у слепца сын по имени Ровшен. Когда мальчик повзрослел, научился хорошо ухаживать за жеребятами. Гыр-ат превосходил Гара-ата. Отец и сын взяли жеребцов и пустились в бега. Он (Кёр-оглы. — Б. К.) был очень удалым. Усы у него были такие густые, что напоминали секиру. За это османское племя прозвало его Балта-бийык — Усы-Секира» (стр. 105).

В Ереване в Институте литературы и искусства хранится (инв. № Ф-196) еще одна ценная рукопись на тюркском языке (запись сделана армянскими буквами). Значительное место в ней отведено повествованию о героических делах Кёр-оглы.

Заслуживает внимания и тот факт, что многие армянские поэты, писатели и критики XIX в. обращались к эпосу «Кёр-оглы», изучали сказания и создавали собственные произведения на сюжеты эпоса⁴⁵. Так, армянский поэт XIX в. Р. Патканян в 1856 г. начал писать дастан в стихах под названием «Кёр-оглы». Часть из этой замечательной поэмы была напечатана в Петербурге в 1893 г.⁴⁶

Все сказанное выше свидетельствует о большой популярности эпических сказаний «Кёр-оглы» среди армян, о необходимости специального изучения армянской версии «Кёр-оглы» в вариантах ее исполнителей — ашугов, гусанов, а также тех рукописных источников, которые хранят богатые фонды и библиотеки Армянской ССР.

Песни «Кёр-оглы» отразили, как и ряд других национальных версий, события совместной борьбы армян, азербайджанцев, туркмен, курдов и других народов против иранских и турецких захватчиков, а также выступления против феодалов. Армянские исследователи подчеркива-

⁴⁵ См. подробнее: Фахрадов Фахрад Кулам оглы, *К изучению эпоса «Кёр-оглы» (Армянская версия)*.

⁴⁶ См. в кн.: Р. Патканян, *Избранные произведения*, Ереван, 1945 (на арм. яз.).

ют связь армянских сказаний в первую очередь с азербайджанской версией «Кёр-оглы».

«Сюжет порой может быть занесен извне,— писал П. Лафарг,— но он принимается только в том случае, когда соответствует духу и обычаю тех, кто его усыновляет... У самых различных и далеких народов находили схожие песни, сказания и обычаи... Люди, получившие впечатления одинаковых явлений, передадут их в схожих песнях, сказаниях и обычаях»⁴⁷. Азербайджанцы и армяне в своей музыкальной, устнопоэтической и литературной традициях имеют немало точек соприкосновения. В истории азербайджанского, армянского, грузинского, курдского и других народов Кавказа известны ашуги и поэты, как, например, Саят-Нова, которые пели, сочиняли и записывали песни, сказания и прочие литературные и фольклорные произведения на языках всех этих братских народов. Древнейшие культурные связи этих народов еще более укрепились в годы Советской власти.

Курдская версия

Сказание о «Кёр-оглы» курдов Закавказья и Туркмении представляют большой интерес.

В бытность нашу на Кавказе нам не раз приходилось слышать «Кёр-оглы» в исполнении курдских сказителей. Это небольшие прозаические сказы (числом несколько десятков) на курдском языке, в которых отдельные песни, передающие чувства и мысли, личные переживания героя, поются на азербайджанском языке (у курдов Туркмении — на туркменском языке).

Значительная работа по записи, публикации и исследованию курдского «Кёр-оглы» ведется в Академии наук АрмССР, и в первую очередь известным писателем-курдологом Аджие Джинди, который подготовил к печати важнейшие варианты эпоса⁴⁸.

Экономические и культурно-политические связи курдов, азербайджанцев и некоторых других народов нашей страны имеют тысячелетнюю давность. Живя бок о бок, они вели совместную борьбу против иноземных порабо-

⁴⁷ П. Лафарг, *Очерки по истории культуры*, М.—Л., 1928, стр. 55.

⁴⁸ «Курдский фольклор», Ереван, 1936 (на курд. яз.) и «Курдские сказы эпоса „Кёр-оглы“», Ереван, 1953 (на арм. и курд. яз., введение на русск. яз.).

тителей и местных феодалов (восстание Бабека VIII—IX вв., восстание джалали в XVI—XVII вв. и др.). Примечательно, что в многочисленных вариантах эпоса «Кёр-оглы» курд Гзир-оглы (Гизироглу, Хизыр-оглы) Мустафа-бек — один из главных и любимых героев, о возможном прототипе которого мы встречаем ценные сведения у Аракела Тебризского в его «Историях»: «В 1591 году выступил Гзир-оглы, из племени курд-джалали... И он был товарищем Кёр-оглы, который неоднократно вспоминает его в своих песнях»⁴⁹.

В азербайджанской версии эпоса рассказывается: «В здешнем крае жил прославленный игид, удалой и могучий, по имени Гизир-оглы Мустафа-бек. Прежде отец его был гизирем (гизир, гезер — слуга.— Б. К.), а потом его повесили за то, что он пошел против султана. Рассказывают, что с той поры Мустафа-бек с сорока всадниками ушел в горы и враждовал с пашами. Он то и дело нападал на кого-нибудь из недругов своего отца, хватал его, вздергивал на виселицу и снова уходил в горы. Давно уже хотелось Мустафа-беку встретиться и помериться силами с Кёр-оглы. И Кёр-оглы доводилось слышать о Мустафа-беке, хотя он никогда не видел его. Знал он также, что Гизир-оглы, рыская по горам и долинам, дни и ночи ищет встречи с ним. Дошла до Гизир-оглы Мустафа-бека весть, что Аслан-паша схватил трех удальцов Кёр-оглы и сегодня их должны повесить на площади. Собрал он своих людей и обратился к ним с такими словами: „Где роза цветет и где заря? О, соловей умолк не зря. В плену все три богатыря. Кто жизнь отдать готов — поедет!“... Потом Мустафа-бек повторил сказанное под звуки саза... „Подлостей Аслан-паше не прощу. Должен я вырвать удальцов из его рук... Аслан-паша хочет выслужиться перед султаном, виляет перед ним хвостом. В назидание другим я хвост у него отрежу и воткну ему в глаза. Не допущу, чтобы он предал позорной казни удальцов“. Люди Гизир-оглы Мустафа-бека воздали хвалу его благородству. Все они поднялись, надели свои доспехи, вооружились и прибыли в Багдад. Неподалеку от площади высился небольшой холм. Гизир-оглы поднялся на него, чтобы посмотреть, что делается на площади. Он увидел, что Кёр-оглы, переодетый ашугом, поет.

⁴⁹ Цит. по кн.: «Курдские сказы эпоса „Кёр-оглы“», стр. 25.

Мужество Кёр-оглы изумило Мустафа-бека, и он в душе воздал ему хвалу. Вся площадь оцеплена войсками... Думает Гизир-оглы: „Увижу, что не под силу ему это дело, пойду на помощь. Если же сумеет он своих выручить, поеду следом и, когда он выедет из города, померяюсь с ним силой“... У Гизир-оглы Мустафа-бека была булава с раздвоенным концом. О ней было известно всем. Когда матери проклинали своих детей, они говорили: „О, чтобы поразила тебя булава Гизир-оглы Мустафа-бека!“».

Кёр-оглы побеждает турецкого пашу и освобождает пленных. Пораженный ловкостью, храбростью и могуществом ченлибельского героя, Мустафа-бек хочет помериться с ним силой.

В своеобразном эпическом испытании — единоборстве, обычно предшествующем заключению побратимства, узнаванию или усыновлению, — Кёр-оглы одерживает верх над Гизир-оглы. Мустафа-бек говорит победителю: «Мне только хотелось узнать, кто из нас сильнее — ты или я... Я это узнал, дай руку, будем друзьями!» Кёр-оглы и Гизир-оглы протянули друг другу руки, поцеловались и разъехались в разные стороны. Первый скачет в Ченлибель, а второй — в горы. Кёр-оглы возвращается в свою крепость. Туда вскоре приезжает со своими удалцами и Мустафа-бек. Он застаёт на пиру побратима, который, ещё не зная о приезде вновь обретенного друга, возносит хвалу, с сазом в руках, новому герою: «Рожден мужчиной на свет Гизир-оглы Мустафа-бек. Тебе в мире равных нет, Гизир-оглы Мустафа-бек. Конец копья в крови звенит. У храбрецов достойный вид. Прославлен на земле игид Гизир-оглы Мустафа-бек»⁵⁰.

Мустафа-бек — благородный разбойник, борец за социальную справедливость.

А. М. Горький говорил о разбойничестве на Руси: «В этом разбойничестве были элементы бунта социального»⁵¹.

В статье «Разбойники Кавказа»; опубликованной первоначально в газете «Нижегородский листок» (№№ 309, 314, 324, 325, 327 за 1896 год), М. Горький подробно рассказал о действиях известных в XIX в. на Кавказе разбойников — Кара-Наби, Керима и их сообщников, кото-

⁵⁰ «Кёр-оглы», Баку, 1959, стр. 128—136.

⁵¹ М. Горький, *О литературе*, М., 1937, стр. 427.

рые нападали на царские посты, поезда, заводы, экспедиции, на помещичьи угодья и т. д. Об их молодецких набегах в народе шли различные толки, распространялись порой невероятные, захватывающие рассказы. М. Горький писал: «Не малую роль в отношениях местного населения к разбойникам играют легенды и анекдоты, рисующие Керима и К^о людьми рыцарского характера, строго справедливыми защитниками прав туземцев...»⁵².

Характеризуя в общем курдские сказы «Кёр-оглы», следует сказать, что в них сохраняются основные сюжетные линии одноименного азербайджанского эпоса (ослепление отца героя, выращивание богатырских коней Кыр-ата и Тор-ата, женитьба героя на красавице Нигяр, усыновление Айваза, сражения с турецкими пашами и иранскими шахами).

Для иллюстрации приведем названия некоторых курдских сказов по изданию А. Джинди 1953 г., содержащему 18 сказов: «Кёр-оглы», «Кёр-оглы и Болу-бек», «Кёр-оглы и Гизир-оглы», «Кёр-оглы и Хасан», «Кёр-оглы и Эйваз-бали», «Кёр-оглы и Эслан-паша», «Кёр-оглы и Базирганбаши», «Винтовка», «Болезнь Кёр-оглы» и др.

Положительные герои курдского эпоса — также сыновья крестьян и ремесленников, наделенные лучшими человеческими качествами.

Вместе с тем курдские сказы демонстрируют процесс локализации и творческой обработки, развития и обновления сюжетов в соответствии с национальной эпической традицией, с местными условиями жизни и бытования сказов. Так, например, здесь появляется мотив рождения знаменитых коней Кыр-ата и Тор-ата (в некоторых вариантах — Кер-ат, Кара-ат, Дор-ат, Тур-ат, Дур-ат) из воли озера. «По курдским преданиям, Кыр-ат из тех выдающихся коней, которые и сейчас ходят по суше и по воде»⁵³. Неодушевленные предметы (конская сбруя, сабля, нож, музыкальные инструменты — гамбур и саз, меч-молния) наделены чувствами и разумом. Они — верные помощники героя, предупреждающие его об опасности.

Весьма колоритны помещенные в книгу А. Джинди курдские эпические сказы, возникшие в специфических

⁵² См. сб. «М. Горький. Забытые произведения (1895—1909 гг.)», М., 1959, стр. 86.

⁵³ «Курдские сказы эпоса „Кёр-оглы“», стр. 32.

условиях скотоводческо-кочевого быта их творцов. В одном из них говорится: «Однажды, когда Кёр-оглы пас лошадей, хлынул проливной дождь, вода сильно поднялась. Две маленькие пены показались на поверхности воды и повели друг с другом такую беседу. Одна сказала: „Кто выпьет меня, тот станет таким храбрецом, никто не будет обладать такой огромной силой“. Другая ответила: „Кто выпьет меня, может в любое время обернуться, делается умным и ловким“. Кёр-оглы услышал эту беседу, вошел в воду, правой рукой схватил пену, обещавшую храбрость, а левой — пену, дарующую ум и ловкость. Говорят, что с того дня Кёр-оглы стал храбрым, умным и ловким».

По другому сказу, Кёр-оглы выпил три пузыря пены. Третий пузырь даровал ему могучий, громоподобный голос, наводящий страх на врага ⁵⁴.

Небезынтересно отметить, что эпизод с чудесной пеной встречается также в версиях азербайджанцев и турок. Но во всех трех версиях он излагается по-своему, на чем мы останавливаемся в соответствующих разделах книги.

Грузинская версия

Не ставя широкой задачи исследовать распространенный среди грузин эпос «Кёр-оглы» — «Кор-оглы», мы ограничимся краткой характеристикой двух вариантов эпоса — публикацией Н. Я. Марра ⁵⁵ и записью Г. Шайшмелова ⁵⁶.

Вариант «Кор-оглы» в записи учителя Георгия Шайшмелова, сделанной им в селе Магаро, быв. Сигнахского уезда со слов крестьянина Георгия Местиева, повествует о том, что у бедного крестьянина родился необыкновенный сын, из которого, по догадкам отца, должен вырасти богатырь. Желая испытать двенадцатилетнего мальчика, отец приказал ему поймать в табуне молодого шестинного коня. Сын, прозванный Кор-оглы, погнался за жере-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Г. Мерчул, *Житие св. Григория Хандзтийского*. Грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра с дневником поездки в Шавшню и Кларджию, СПб., 1911.

⁵⁶ «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXIV, Тифлис, 1898, отд. II, стр. 81—82.

бенком, и когда тот хотел перепрыгнуть через большой ров, мальчик схватил его за ногу и свалил на землю. Наблюдавший за Кор-оглы отец был поражен ловкостью и силой сына и посоветовал ему никогда не расставаться с пойманным конем. Выполняя волю отца, Кор-оглы не садился на коня и держал его в подземелье в течение пяти лет. Прошел срок, и отец разрешил Кор-оглы вывести коня из подземелья. Собравшиеся на зрелище увидели сказочного коня, у которого на спине была аршинная впадина. На вопрос сына, отчего она образовалась, отец ответил, что на эту часть спины коня падал свет сверху. Затем, решив вновь испытать силу и ловкость сына, а заодно и выносливость коня, старик заполнил водой огромную котловину и через год, когда на ее месте образовалось болото, приказал сыну трижды проскакать по болоту в разных направлениях. Кор-оглы точно исполнил требование отца. Во время испытания конь не раз до колен проваливался в трясину, но тотчас же выбирался из нее. Пройдя испытания, Кор-оглы покидает родной дом и уходит в горы. В неприступных местах он строит крепости и в обществе своего коня ведет полудикую жизнь. По словам грузинского крестьянина, на Триалетских горах и по настоящее время сохраняются остатки более десяти крепостей Кор-оглы.

Разумеется, этот вариант не исчерпывает всех сюжетов «Кёр-оглы», бытующих в Грузии, и представляет собой лишь прозаический рассказ, напоминающий сказку, в основе которой лежит один из эпизодов эпоса. Этот вариант сохраняет устойчивые мотивы рождения необыкновенного ребенка — будущего героя и появления сказочного коня, боевого спутника Кор-оглы. Намечен, правда, весьма схематично, мотив ухода богатыря в горы и строительства им неприступных крепостей.

Что касается возможных путей возникновения и развития грузинского «Кёр-оглы», то нам кажется, что грузинская версия берет свое начало от азербайджанской, которая в процессе бытования в новой национальной среде получила творческое переосмысление и развитие в соответствии с иными эпическими традициями.

Песни «Кёр-оглы» популярны среди грузин, поскольку прославляют удаль, богатырскую силу, бесстрашие в бою, стремление к вольной и счастливой жизни, верность в любви и дружбе. Аналогичные мотивы нашли свое яр-

кое воплощение в эпических сказаниях «Об Амирани»⁵⁷, в бессмертной поэме Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и др.⁵⁸

Говоря о взаимном проникновении песен в фольклор разных народов и племен, а также об их эволюции в новой среде, уместно вспомнить слова великого русского критика В. Г. Белинского: «И переходит песня из рода в род, от поколения к поколению, и изменяется она со временем: то укоротят ее, удлинят, то переделают, то соединят ее с другою песнею, то сложат другую песню в дополнение к ней: и вот из песни выходят поэмы»⁵⁹.

Вариант «Кор-оглы», записанный и опубликованный акад. Н. Я. Марром в 1911 г., представляет в основном переработки VI меджлиса издания Александра Ходзько. Характерно, что грузинские ашуги, как и курдские, стихотворную часть эпоса обычно поют на тюркском языке, а прозаическое повествование ведут на родном языке. Акад. Н. Я. Марр замечает, однако: «Хотя сюжет в общем тот же (южноазербайджанская запись Ходзько. — Б. К.), но рассказ все же разнился во многих подробностях»⁶⁰. Н. Я. Марр сообщает, что его запись сделана со слов грузина из Имихреуле, старика Мосидзе Нисиб-оглы Али-чауш, назвавшего свой рассказ «Екиа Кор-оглы», то есть «Рассказ (хекайа) о Кор-оглы»⁶¹. Запись на грузинском языке, но к песням дан параллельный турецкий текст на русской графике. Прозаическая часть идет в начале и между песнями. Как это принято, ашуг, бахши и шаир, прежде чем исполнить ту или иную песню, рассказывает о событиях, подготавливая слушателя к восприятию самой песни, к пониманию и освоению ее смысла и всего комплекса отважных подвигов героя-любимца.

Н. Я. Марром опубликовано одиннадцать песен (стихов) «Кор-оглы». Все они вследствие тщательности записи и ценности историко-филологического анализа за-

⁵⁷ См. М. Я. Чиковани, *Народный грузинский эпос о прикованном Амирани*, М., 1966.

⁵⁸ К. А. Сихарулидзе, *К вопросу о грузинском эпосе, его собирании и изучении*, — сб. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», стр. 149—167.

⁵⁹ В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. 5, М.—Л., 1954, стр. 625.

⁶⁰ Г. Мерчул, *Житие св. Григория...*, Грузинский текст, стр. 011.

⁶¹ Там же, стр. 61—70.

служивают большого внимания. Приведем краткое содержание песен.

Песня I воспеваает сказочного крылатого Кыр-ата. Это душа и очи героя. Конь помогает Кор-оглы достичь заветной цели и стремлений. Герой кормит коня из шелковой торбы; подковы у коня из серебра со стальными гвоздями и т. д. На таком сказочном коне Кор-оглы бьется со множеством врагов — «дөгүшүрәм чохларинән». Песня о Кыр-ате является одной из устойчивых, повторяющихся во многих национальных версиях частей эпоса.

Песня II рассказывает эпизод на мельнице и события, связанные с усыновлением Айваза (эти эпизоды прочно вошли в репертуар кавказских и среднеазиатских сказителей).

Песня III. Начало ее почти полностью совпадает с записью Э. Мушегяна (см. раздел о генезисе эпоса). На Кыр-ате герой бьется с Хасан-пашой, трусливые воины которого не умеют даже «кормить и поить» лошадей. Интересно, что многочисленные победы над врагами герой приписывает не себе, а своему коню, который не ступает по земле, а летит, как ветер, одним махом преодолевает снежные горы и широкие долины.

Песня IV. Идеями культа четвероногого товарища героя пронизана и эта вдохновенная песня. Характерно, что не только общие мотивы, но и отдельные строки песни повторяются и в туркменском «Кёр-оглы». Приведем лишь повторяющийся в конце каждой строфы рефрен. В грузинском варианте — «Елма гөзли, кәсперчемли Кырат, гел», у туркмен — «Чандыбилде беследигим Гырат, гел!».

В этой песне впервые герой назван своим настоящим именем Хуришан (Ровшен в азербайджанской, туркменской и узбекской версиях). Заметим, однако, что Н. Я. Марр, очевидно, неточно понял смысл турецкого выражения в последней строфе, где Ровшен славит Аллаха за то, что «увидел лик своего коня», и вместо слова «гөрдүм» — «я увидел» дает «годун» (?) (стр. 67).

Песня V. В ней поется о красоте (букв. о «солнце и луне») и прочих достоинствах юноши Айваза. Здесь в эпизоде прогулки Кор-оглы с приемным сыном Айваз-ханом мы находим упоминание «Туна чай», т. е. реки Дунай. Такую локализацию данного эпизода дает Али-чауш Мосидзе.

Песня VI начинается диалогом Кор-оглы и дочери турецкого хана, названной им «перизат» («рожденная пери»). Девушка называет Кор-оглы ашугом и спрашивает, как зовут его, откуда он родом, кто он: не разбойник ли? и т. п. Эта девушка с тонким станом и «уста́ми попу́гая» (эпитет, означающий «красноречивая»), угрожает герою казнью («набить его кожу соломой»), если он не ответит на ее вопросы. Кор-оглы отвечает, что ему неизвестно страх, что он сможет сокрушить ханский дворец, обрушить его на голову врагу.

Услыхав такой ответ, ханская дочь называет Кор-оглы «господином» («ага»). Кор-оглы сильно привязывается к девушке, дорожит ею, относится к ней так бережно, словно она белая бумага, до того тонкая, что не выдерживает нажима пера (стр. 68) (такое сравнение мы находим в грузинской и турецкой версиях эпоса). Кор-оглы намерен увезти девушку в Чамлибел и жениться на ней.

Песня VIII. Ее поет Кор-оглы перед очередным боем, когда он, словно голодный лев («ач аслан киби»), бросается на врага и побеждает его. Рефрен песни — «Сиз бир яндан, бен бир яндан» («Вы с одной стороны, я с другой стороны») встречается в азербайджанской, туркменской и других версиях эпоса.

Песня IX — назидание. Кор-оглы требует от своих соратников быть смелыми в бою, уметь побеждать врага и порицает трусость, малодушие: «Если джигита нет на поле брани и если он возвращается с боя без ран — это позор!» (стр. 69).

Песня X также назидательна. Кор-оглы обращается к своим храбрецам с наставлением быть жизнерадостными, щедрыми, честными и правдивыми. Герой зовет своего казначея и просит, чтобы он одарил деньгами из сокровищницы юношей и девушек (стр. 70).

Песня XI рисует героя старым и больным, занятым мыслью о близкой смерти. В его монологе-раздумье встречаются такие слова: «Заплачут ли горько над могилой покойника близкие и дорогие ему люди?».

Отдельные слова и выражения сказителя Н. Я. Марр поясняет. Например, слово «деликани» в передаче Мосидзе он объявляет как «деликанли» — «молодой человек», точнее было бы — «безумец», «удалец», «храбрец» (стр. 55). Или «Кыр-ат» — «Серая лошадь», точнее, пегий конь (стр. 62). «Тор-ат название лошади» (стр. 63).

Объяснение неточное: «Дор-ат» («Тор-ат») означает «Гнедой конь».

В заключение следует сказать, что грузинская версия «Кёр-оглы» далеко еще не собрана и не изучена. Поэтому ее дальнейшее исследование, в частности в плане взаимосвязи культур, в том числе героического эпоса братских народов Советского Союза, является одной из очередных задач советских фольклористов.

ТУРЕЦКАЯ ВЕРСИЯ

Эпическое сказание «Кёр-оглы» — «Кёр-оглу» получило значительное распространение и в Малой Азии среди турок.

Хотя существует немало работ, посвященных турецкой литературе и народному творчеству, эпос «Кёр-оглу» не получил достаточного освещения¹. Те авторы, которые касаются этого цикла, либо игнорируют социальную сущность эпоса, выраженную в нем идею классовой антифеодальной борьбы², либо выпячивают религиозные мотивы и сказочную фантастику³, либо отрицают самобытность эпоса и, не видя корней возникновения и развития сказаний «Кёр-оглу» в самой реальной действительности, возводят их к древним скифским легендам, якобы пришедшим к туркам через фольклор кавказских народов⁴.

¹ В. Д. Смирнов, *Очерки истории турецкой литературы*, СПб., 1891; А. Крымский, *История Турции и ее литературы*, М., т. I, 1910, т. II, 1916; В. А. Гордлевский, *Из наблюдений над турецкой песней*, — «Этнографическое обозрение», М., 1908, № 4; *Материалы по османскому фольклору*, — «Живая старина», год XX, № 1—4, СПб., 1911—1912; *Османские сказания и легенды*, — «Этнографическое обозрение», кн. 86—87, 90, 91, М., 1912; *Османские исторические сказания*, — «Этнографическое обозрение», кн. CV—CVI, М., 1915, № 1—2; *Османские сказания и легенды*, — «Этнографическое обозрение», кн. CX, М., 1916, № 3—4; *Образцы османского народного творчества*, М., 1916; *Сказания и легенды, собранные в Турции в 1926—1928 гг.*, — В. А. Гордлевский, *Избранные сочинения*, т. I, М., 1960, и др.

² I. Kunoš, *Türkische Volksromane in Klein Asien*, — «Ungarische Revue», Bd XII—XIII, Budapest, 1892—1893; Spiez Otto, *Türkische Volksbücher*, Leipzig, 1929; Alessio Bombaci, *Storia della letteratura turca*, Milano, 1956.

³ G. Mesaros, *Köroğlu*, Budapest, 1913.

⁴ Dumezil, *Revue de l'Histoire des Religions*, t. CXVII, № 1, Paris 1938

Значительное количество исследований по эпическим сказаниям турок, в которых в той или иной форме говорится о «Кёр-оглу», появилось после образования Турецкой Республики. Однако нередко эти работы проникнуты духом пантуркизма. Так, например, историку литературы Кёпрюлюзаде Мухамеду Фауду принадлежат многочисленные публикации и изыскания в области турецкого фольклора⁵. Не умаляя значения введенных им в научный обиход фольклорных и письменных источников (хотя не строго критических), отметим, что концепция Кёпрюлюзаде — идеалистическая; по его мнению, в основе культуры всех тюркоязычных народов лежит циклически возрождающийся наследственный турецкий дух, что туркам принадлежит главенствующая роль в духовном мире родственных с ними племен.

Подобные пантуркистские взгляды на культуры тюркских народов нами однажды уже были подвергнуты критике⁶.

Рассматривая культуру как социальное явление, Кёпрюлюзаде ошибочно полагает, что в основе фольклора лежит шаманизм, что фольклор принадлежит отсталой части населения. А лучшие образцы поэзии создаются высшим сословием.

Из специальных исследований можно особо отметить работы турецкого фольклориста Наили Пертева Боратава, который длительное время занимается турецким фольклором, в том числе эпосом «Кёр-оглу», вопросами жанров и исполнительского творчества турецких сказителей⁷.

Автор считает, что у народов существует своя исконная эпическая традиция, которая в зависимости от эпохи и происходящих в обществе тех или иных событий претерпевает определенные изменения⁸. В образе Кёр-оглу Боратав видит грозного мстителя, борца против насильни-

⁵ M. F. Köprülü, *Türklerde halk hikâyeciliği tarihine ait baz Madeler*, — «Türkiyat Mecmuası», с. I, 1925; *XVI-nci asır sonuna kadar türk saz şairleri*, İstanbul, 1930; *Köroğlu destanı*, İstanbul, 1931.

⁶ Б. А. Гарриев, *Магтымгулы ве онуң ватанчылыгы*, Ашгабат, 1943.

⁷ Naili Pertev Boratav, *«Köroğlu» destanı*, İstanbul, 1931; *Folklor ve edebiyat*, İstanbul, 1939; *Halk hikâyeleri ve halk hikâyeciliği*, Ankara, 1946.

⁸ Boratav, *«Köroğlu» ...*, стр. 2

ков, защитника обездоленных⁹. По определению Боратава, все действия Кёр-оглу направлены на то, чтобы, во-первых, отомстить шаху (паше, бею) за невинно ослепленного отца, во-вторых, защитить слабых от притеснений власть имущих, в-третьих, получать с торговцев мзду, а в случае отказа выплатить ее — захватывать богатства и раздавать добычу своим соратникам и беднякам¹⁰.

Боратав, рассматривая турецкую версию, не раскрывает, однако, в достаточной степени ее самобытности. Не анализируя иных версий, но коснувшись азербайджанских сказаний о Кёр-оглы, Н. П. Боратав бездоказательно отождествляет их с турецким эпосом.

Умы литературоведов и фольклористов Турции занимает вопрос о времени возникновения эпоса «Кёр-оглу». Н. П. Боратав, в частности, полагает, что Кёр-оглу — историческая личность и родом он из Турции, хотя в эпосе нет на это никаких конкретных указаний. Боратав отмечает, что такое имя носил один из вожаков движения джалали в XVI в.¹¹ и что в том же XVI в. жил поэт Кёр-оглу¹².

Боратав приводит также свидетельства известного турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби о том, что Кёр-оглу прославился как хайдут — «разбойник». Участник движения джалали, защитник бедноты, он стал героем народных дастанов¹³. Заслуживает внимания утверждение Боратава о том, что в битвах XVI—XVII вв. участвовали поэты и музыканты (сазисты), что сперва появились рассказы и песни о Кёр-оглу, потом музыканты сочинили музыку к песням о деяниях Кёр-оглу, и эти песни стали переходить из уст в уста¹⁴.

Садеттин Нюзхет в своей «Истории турецкой литературы» также говорит, что Кёр-оглу — реальная личность. Жил он в конце XVI в., был поэтом-воином и принимал активное участие в ирано-турецких войнах¹⁵.

Агах Сирри Левенд полагает, что герой сказаний был поэтом и музыкантом, жившим в конце XVI в., но самое

⁹ Там же, стр. 6.

¹⁰ Boratav, *Halk hikâyeleri...*, стр. 94.

¹¹ Там же, стр. 198.

¹² Там же, стр. 199.

¹³ Boratav, *Folklor ve edebiyat*, стр. 189—191.

¹⁴ Там же, стр. 192.

¹⁵ Sadettin Nüzhet, *Türk edebiyatı tarihi*, İstanbul, [1932], стр. 244.

имя Кёр-оглу сказочно-легендарного происхождения, издревле существовавшее у турок. Вероятно, поэт-музыкант и принял это популярное имя ¹⁶.

В недавно вышедшем справочнике Митхата Садуллаха Сендера «Жизнь поэтов и писателей» ¹⁷ высказывается мысль о смешении двух людей, живших в XVI в. и носивших имя Кёр-оглу. Первый из них был поэтом, а второй — мятежником. Кроме того, со стихами реального поэта Кёр-оглу смешались песни и легенды о воине Кёр-оглу, сочиненные прочими сказителями ¹⁸.

Нам думается, что Кёр-оглу мог быть одновременно и поэтом и воином. Нередко выдающиеся поэты Востока были отважными воинами.

Жанр турецкого «Кёр-оглу» авторы определяют по-разному. Например, Игнац Кунош рассматривает его как народный роман и рассказ ¹⁹, Отто Шлиц — как народную книгу ²⁰, И. Хабиб — как рассказ ²¹, Боратав — как дастан ²² и рассказ ²³, Э. Сосси — как легенду ²⁴.

Турецкая версия «Кёр-оглу» до сих пор не имеет критического издания. Принято считать, что эпос состоит из 24 песен — кол. Эти песни отличаются от других версий известной сниженностью в идейно-тематическом плане. В частности, главный герой эпоса в основном борется против феодала Болу-бея, сводя с ним личные счеты, мстя за ослепление отца; местами он действует как заурядный грабитель.

В жанровом же отношении турецкий эпос представляет собой рассказ, эволюционирующий в сказку.

Генетически турецкий «Кёр-оглу» восходит к южно-азербайджанской версии. В процессе своего развития на турецкой почве он приобрел национальную окраску. Чтобы получить представление об основных линиях сходст-

¹⁶ Agah Sirri Levend, *Edebiyat tarihi dersleri*, Istanbul, 1941, стр. 189.

¹⁷ Mithat Sadullah Sender, *Türkçe kitaplarında yazıları bulunan şair ve yazarların hayatı*, Istanbul, 1961.

¹⁸ Там же, стр. 38.

¹⁹ I. Kunoš, *Türkische Volksromane in Klein Asien*, — «Hungarische Revue», Bd XII—XIII, Budapest, 1892—1893.

²⁰ Otto Spies, *Türk halk kitapları*, Istanbul, 1942.

²¹ İsmail Habib, *Edebiyat bilgileri*, Istanbul, 1943.

²² P. N. Boratav, *Köroğlu destanı*, Istanbul, 1931.

²³ P. N. Boratav, *Halk hikâyeleri ve halk hikâyeciliği*.

²⁴ Edmond Saussey, *Littérature populaire turque*, — «Etudes Orientales...», IV, Paris, 1936.

ва и расхождения между турецкой и южноазербайджанской версиями, а также о возможных путях возникновения и развития турецкого «Кёр-оглу», познакомимся с одной из первых записей турецкой версии, сделанной венгерским ученым-тюркологом Игнацем Куношем среди малоазиатских турок в конце прошлого столетия. Тексты турецкого фольклора, в том числе сказание «Кёр-оглу» («Кёрёлу»), были опубликованы на турецком языке акад. В. В. Радловым²⁵. У Куноша и Радлова сказание названо «хикая», т. е. «рассказ», «повествование». Начинается оно традиционной для турок, азербайджанцев и туркмен формулой «Раиџани ахбар... шойлә ривајат әдәрләр ки...» — «Сказители... так рассказывают...»

После зачина рассказывается, что в городе Болу жил феодал Болу-бей — владелец больших угодий. Из каждого табуна, пасшегося на его землях в течение года, он брал по лошади. Однажды бей приказал своему конюху отобрать и привести для него лучшего скакуна. Конюх выбрал лошадь всю в белых полосах («Ала-ат») и отправился к бею. При виде реки Сюмбюллю-пынар («Гиацинтовая река») лошадь шарахнулась в сторону. Вторая и третья лошади также испугались воды. Тогда конюх выбрал «худенького, словно осенний лист», жеребенка. Конек легко преодолел реку и вскоре доставил конюха к бею. Завидя неказистого жеребенка, феодал разгневался.

Объяснения конюха еще больше разозлили бея, и он приказал палачам вырвать слуге глаза, посадить его на конька и изгнать из его владений.

Приказ был исполнен тут же. В большом горе слепец призывал бога показать ему прямую дорогу на родную сторону.

Через несколько дней конюх приехал на родину, где у него был пятнадцатилетний сын. Этот мальчик обладал богатырской силой и мог вырвать большое дерево с корнями.

Соотечественники ослепленного ведут его к сыну. При виде несчастного отца в мальчике вспыхивает жажда мести.

²⁵ В. Радлов, *Образцы народной литературы тюркских племен*, ч. VIII. Наречия османские, тексты собраны И. Куношем, СПб., 1899.

По совету отца сын несколько лет ухаживает за жеребенком. И жеребенок вырастает в доброго коня. Тогда слепец обращается к юноше: «Иди, сын мой, в город Болу и отомсти Болу-бею за то, что он ослепил меня...». Старик добавляет: «Пока этот конь с тобой, не коснется земли спина твоя»²⁶.

Сын отправляется в поход против турецкого бея. Недалеко от Болу, в холмистой местности, называвшейся Чамли-бель, он разбивает лагерь и отсюда нападает на приспешников бея. Герой собирает целую гору камней и сооружает надежную крепость. Однажды, томясь одиночеством, Кёр-оглу выходит из крепости на прогулку и, бродя среди палаток курдских кочевников, видит красавицу. Влюбившись в нее, он едет к отцу девушки и просит соединить их законным браком. Отец при виде грозного незнакомца («чистый разбойник, глаза налились кровью, суров, похож на палача» — портрет Кёр-оглу, сходен с азербайджанской версией) не хочет отдавать ему дочь и придумывает отговорку. Он предлагает сперва найти юношу, который мог бы быть для молодых собеседником, советчиком и товарищем. На вопрос Кёр-оглу, где найти такого юношу, курд называет красавца Айваза — сына главного мясника Стамбула и для выполнения задачи дает Кёр-оглу стадо овец и барана с четырьмя рогами. (По азербайджанской и по некоторым другим версиям, Кёр-оглы силой огнивает у пастуха турецкого паши четыреста, иногда триста и восемьсот овец, а четырехрогий баран вообще не упоминается.)

Кёр-оглу гонит стадо к Стамбулу. Оставив овец в окрестностях города, в Ускюдаре, на пастбище Ибрагим-аги, он является к главе мясников и расхваливает свой товар. Вместе с Айвазом и главным мясником Кёр-оглу отправляется на пастбище Ибрагим-аги. По дороге герой обращается к мяснику с песней (которая известна и туркам в Болгарии): «Қасаб-баши, Қасаб-баши! Қоюн сенин, Айваз беним!» — «Глава мясников, глава мясников, Овцы — тебе, Айваз — мне!».

Кёр-оглу умыкает Айваза, а мясник узнает от пастуха, что это был сам Кёр-оглу. Он идет к паше и рассказывает о случившемся. Паша снаряжает за похитителем погоню во главе с сыном Тимурленга Кенаном, который мог бы

²⁶ Там же, стр. 2, 3 (здесь и далее перевод наш. — Б. К.).

совладать с легендарным богатырем. Паша также едет вслед за войском.

В пути Кёр-оглу успокаивает плачущего Айваза песней. Это первая песня после прозаического рассказа о предшествовавших данному эпизоду событиях. (В азербайджанской и туркменской версиях, как уже отмечалось, прозаический текст всюду перемежается со стихотворными отрывками — законченными песнями, исполняемыми героями и героинями эпоса).

Кенан настигает Кёр-оглу. Между ними происходит разговор. Герой советует Кенану не вступать в битву, не проливать понапрасну кровь и предлагает побратимство: «Давай, Араб, станем братьями, сабли положим в ножны, а ножей не коснемся руками».

Кенан соглашается. Отныне они названные братья. (Отметим, что весь диалог идет в стихах). Затем по совету Кенана герой связывает ему руки, наносит несколько ран и кладет в ров, а сам вместе с Айвазом продолжает путь.

За Кёр-оглу гонится мясник с пятьюстами всадниками. Путь героя лежит через земли Болу-бея, которые ему удастся миновать неузнанным. Подъезжая к Чамли-белю, герой воспеваает родную крепость и горы, ее окружающие ²⁷.

Кёр-оглу в своей крепости. А мясник в это время встречается с Кенаном. Военачальник пугает мясника силой Кёр-оглу и советует ему вернуться домой. Войско уходит восвояси. Кенан садится на коня и едет в Чамли-бель. По-братски встречает его Кёр-оглу. На горных перевалах, вместе «творя разбой, они убили много людей, с прохожих и проезжих брали подорожную пошлину».

Как и в азербайджанской, туркменской и других версиях, в турецком «Кёр-оглу» герой изображается искусным певцом и музыкантом. Характерен такой эпизод. Однажды у героя испортился саз. Он поехал к мастеру, некоему Курбану, чтобы починить инструмент. В мастерской Кёр-оглу поет о своей скорби, ведь у него «умер саз». Мастер не обращает на певца никакого внимания. Тогда Кёр-оглу угрожает ему кривой саблей (постоянный эпитет у туркмен, азербайджанцев, курдов) и говорит, что он «один из кёр-оглу, которые ходят в горах».

²⁷ Там же, стр. 8.

Эта деталь важна тем, что прозвище «кёр-оглу» употреблено здесь как нарицательное, как синоним неустрашимости, храбрости²⁸. (Толкование прозвища героя совпадает с курдским и отчасти с туркменским).

В лавке мастера Кёр-оглу видит красивого ученика по имени Мухамед. Когда испуганный мастер отдает Кёр-оглу драгоценный саз с инкрустациями из перламутра, герой забирает у мастера и мальчика. Кёр-оглу возвращается в крепость, оставляет там саз и мальчика и снова отправляется в путь.

Однажды у родника он встречается красивую девушку, влюбляется в нее, идет просить ее руки у отца. В песне, обращенной к девушке, герой умоляет ее выйти за него замуж и подарить ему сына-богатыря, такого же льва, как он сам. Отец девушки с одобрения своих родичей выдает дочь за Кёр-оглу. Тогда же случают коня Кёр-оглу с кобылой тестя. Вскоре Кёр-оглу уезжает в крепость. Перед отъездом он говорит жене, чтобы сына, если он родится, назвали Хасаном, а если кобыла принесет жеребенка, дали ему кличку «Алп-ат». Когда ребенок подрастет, пусть разыщет отца. Чтобы узнать сына, он оставляет для него нарукавник и плетку. Эпизод женитьбы Кёр-оглу на дочери курда-кочевника очень близок «Дагестанскому походу Кёр-оглы» в азербайджанской версии и, очевидно, восходит к ней.

Кёр-оглу отправляет Кенана и Айваза в страну Болубея с поручением привезти оттуда красивый букет цветов. Но джигиты попадают в засаду, их хватают и бросают в тюрьму. Бей согласен освободить Айваза при условии что в обмен на узников и цветы он приведет коня Кёр-оглу, отдает Кыр-ата. Но его охватывает тоска о потерянном скакуне. А между тем Болубей не может подойти к коню, так как животное не подпускает к себе чужих.

В одежде простого конюха герой проникает во дворец. Попав в цитадель турецкого феодала помогли герою местные смельчаки из кофейни. (Кофейня — чисто турецкий элемент эпоса). Почувяв хозяина, конь радостно ржет. Герой ласкает коня. Догадавшись, что перед ним Кёр-оглу, бей бросает его в темницу. Враги режут ему плечи и в раны вставляют свечи (деталь встречается только в турецком «Кёр-оглу») ²⁹.

²⁸ Там же, стр. 10.

²⁹ Там же, стр. 14.

Несмотря на пытки, герой отрицает, что он Кёр-оглу. Наконец он пугает бей, сказав, что у коня отнимутся ноги, если его не объезжать, и предлагает свои услуги, а чтобы бей был спокоен, просит связать себе ноги и запереть ворота. Бей соглашается. Кёр-оглу садится на коня и поет о своем решении бежать. (Отметим, что эта звучная песня включает традиционную формулу «алды Кёр-оглу» — «подхватил Кёр-оглу», наличествующую и в азербайджанских народных песнях и дастанах).

Герой обращает эту песню к своему коню, и тот, вняв просьбе седока, птицей перелетает через крепостные ворота и исчезает из глаз вельможи. Герой минует Кыз-Дербент, утоляет жажду в реке Сюмбюллю-пынар и направляется к Чамли-белю, где его ждали Айваз и Кенан.

Однажды вечером они сидят на скале возле крепости и вдруг замечают вдали караван. Хозяин каравана также замечает разбойников, но те ловко скрываются. Купец вначале велит повернуть назад, но после уговоров остальных путников продолжает путь и скоро оказывается в руках Кёр-оглу. Люди из каравана советуют купцу ради спасения жизни заплатить пошлину. Купцу приходится согласиться и послать Кёр-оглу пять тысяч золотых. Эта сумма храбрецу кажется слишком маленькой, он заявляет, что этих денег не хватит и на подковы коням.

Примечательно, что в этой песне, обращенной к купцу, герой говорит, что он не обижает бедных и обездоленных.

Дело кончается тем, что купец дает еще пять тысяч золотых и Кёр-оглу открывает каравану путь.

Интересен рассказ о рождении сына Кёр-оглу в его отсутствие, имеющий прямую параллель, как мы уже отмечали, в азербайджанской версии. Однако в турецком «Кёр-оглу» не указано место рождения сына, и весь эпизод значительно короче. Здесь фигурирует также некий дух-покровитель — пир, которого возмужавший сын героя видит во сне. Пир показывает ему суженую красавицу Бенли, дочь Кара-везира, и рассказывает, кто его настоящий отец и что тот ему оставил на память. Эпизод с пиром и сыном, вероятно, более позднее наслоение и отсутствует в азербайджанской и туркменской версиях.

Приведем еще один, содержащийся только в турец-

кой версии эпизод. Хасан с обнаженной саблей в руках заставляет мать рассказать об отце, и она открывает ему тайну: отца зовут Кёр-оглу, он живет на горе Чамли-бель и занимается разбойничьим промыслом. Как ни горька разлука с сыном, но мать отпускает его на поиски отца, отдает ему нарукавник и плетку. Хасан садится на жеребенка от коня Кёр-оглу и едет искать отца. В тот день, когда Хасан достигает крепости Чамли-бель, дорогу охраняет Айваз. Айваз видит в подозрительную трубу, что к ним едет какой-то всадник на чудесном коне, очень похожем на Кыр-ата. По указанию Кёр-оглу Айваз требует, чтобы путник отдал коня. Идет словесная перебранка между Айвазом и Хасаном. На песню, полную угроз, Хасан отвечает Айвазу такой же песней. Странник говорит, что готов биться и жертвовать собой ради коня — верного друга и боевого спутника. Затем следует сцена встречи отца с сыном и узнавания. Их радости нет конца. Но Хасан чахнет с каждым днем из-за любви к Бенли. Он наконец открывается отцу и просит разрешения поехать за пленившей его красавицей. Кёр-оглу советует забыть о девушке, так как у нее шесть братьев-богатырей, каждый из которых может справиться с тысячей, и говорит, что Кара-везир — могущественный сановник и однажды Кёр-оглу сам от него вернулся ни с чем. Но все же отец вынужден отпустить сына. На прощание он дает ему три волоска, которые тот должен сжечь в минуту опасности, и Кёр-оглу придет ему на помощь. (Этот мотив взят из сказочного эпоса турок и является относительно поздним включением).

Через десять-пятнадцать дней Хасан вступает во владения Кара-везира. Встреча влюбленных происходит при помощи того же пира. Влюбленные ведут песенный диалог (как это и принято в дастанах). Юноша предлагает девушке уехать с ним в Чамли-бель, пока везир не узнал про их любовь. В одежде младшего брата, на коне отца, забрав свои вещи, девушка приезжает в условленное место, но находит юношу спящим. Оскорбленная этим Бенли собирается повернуть обратно, но чуткий конь ржанием будит Хасана, и юноша горячо уговаривает девушку уехать с ним.

Утром стража доносит везиру о происшедшем. Везир держит совет вельмож и решает послать в погоню за

беглецами шесть братьев-богатырей и две тысячи всадников.

Хасан и Бенли едут три дня и три ночи и, утомившись, останавливаются на отдых. Юноша быстро засыпает на коленях Бенли. Через некоторое время девушка видит погоню, но ей жалко будить друга. Хасан просыпается от того, что на лицо его упали слезы возлюбленной. Он прячет Бенли в лесу, а сам вступает в битву с богатырями и побеждает их. Едва Хасан расправился с богатырями, на него ринулось войско. Герой один сутра до вечера противостоит огромному полчищу и саблей истребляет его (эпизод, широко распространенный в волшебных сказках народов Востока). Сам герой получает семь, а затем еще пять ранений. Его покидают силы. С помощью Бенли он сходит с коня и предлагает ей передать его в руки врагу, чтобы пощадили ее. На это Бенли отвечает, что, пока она жива, никому его не отдаст. Пусть лучше убьют ее, а потом будь что будет. Девушка бьется с преследователями, действуя то палицей, то саблей, и на предложение отца оставить Хасана (отец обещает выдать ее за сына везира) отвечает решительным отказом. (Сцена боя дочери и отца также передана в сказочном стиле). Израненная Бенли возвращается вечером в пещеру к возлюбленному, и они бросают в огонь один из магических волосков Кёр-оглу. В тот же миг Кёр-оглу во сне чудится, будто жгут его тело. Он немедленно просыпается, садится на крылатого коня и приказывает своим джигитам следовать за ним вдогонку в полном снаряжении.

Наутро Кёр-оглу уже перед вражеской ордой. Он узнает о причинах битвы, направляется к сыну в пещеру и застаёт его при смерти. На помощь Кёр-оглу и Хасану приходит тысяча удалцов во главе с Кенаном и Айвазом. Завязывается бой между двумя войсками. Айваз разрубает Кара-везира — вражеское войско в ужасе разбегается. Кёр-оглу не разрешает гнаться за тем, кто бежит.

Чтобы испытать невестку, Кёр-оглу говорит о близкой смерти Хасана и предлагает ей свою руку. Но девушка отвечает, что если умрет Хасан, она покончит с собой³⁰.

³⁰ Там же, стр. 26.

Этой детали нет в азербайджанской и гуркменской версиях эпоса. Надо сказать, что в турецком «Кёр-оглу» любовные мотивы вообще занимают большое место.

Убедившись в верности Бепли, Кёр-оглу обещает вылечить сына за десять дней, а девушку признает своей дочерью и преданной невесткой.

Победив врага, герои отправляются в Чамли-бель. Знахари залечивают раны Хасана в течение сорока дней. По пути в крепость герои останавливаются у матери Хасана, устраивают там «дюгюн» — свадебное пиршество на сорок дней и сорок ночей, гостят у матери Хасана еще неделю и уезжают в свою крепость. (Обычай устраивать свадебный пир почти забыт туркменами, но сохраняется у турок и азербайджанцев до настоящего времени и соответственно нашел отражение в эпосе этих народов).

Мы познакомились с версией «Кёр-оглу» в записи И. Куноша. В ней сохраняется основное сюжетное ядро, восходящее, надо полагать, к южноазербайджанской версии.

Известны и некоторые другие публикации «Кёр-оглу». Рассмотрим две из них: литографию 1299/1881 г.³¹ и стамбульское издание 1939 г.³²

Первый из этих вариантов начинается с трафаретной присказки, в основном совпадающей с зачином в варианте Куноша. Далее рассказывается (хотя и не полностью) об ослеплении отца Кёр-оглу турецким беём, о выращивании слепцом и его сыном легендарного коня, об усыновлении Айваза, о рождении сына Кёр-оглу Хасана от курдянки, о женитьбе Хасана на дочери Каравезира, изображается битва героя и его сына с везиром, победа над врагом и т. д. Это устойчивое сюжетное ядро составляет основу азербайджанского «Кёр-оглы». Данный вариант, как и у Радлова, прозаический, здесь лишь местами встречаются небольшие песни либо отрывки из песен. Таково обращение Кёр-оглу к мяснику-отцу Айваза («Касаб-баши, касаб-баши, Овцы — тебе, Айваз — мне!»).

Как и в варианте И. Куноша, события локализованы

³¹ стр. 1—15 ۱۲۹۹ کور اوغلی حکایه سی، استانبول،

³² «Köroğlu masalı», tertih eden Nakl Tezel, İstanbul, 1939, стр. 1—52.

в самой Турции, и крепость героя также находится рядом с дворцом Болу-бея: «Однажды [Кёр-оглу] подъехал к [владениям] Болу-бея. Напротив дворца бея был холм, который назывался Чамли-белем. Так как воздух там был чистым, Кёр-оглу поставил там свою палатку»³³.

Также описывается сорокадневное свадебное пиршество, обычай оставлять жениха в специально устраиваемой свадебной кибитке и пр.

Следует сказать, что в литографированных вариантах сделан акцент на разбойничьих деяниях Кёр-оглу, на умыкании им красивых девушек и т. д. В такой обработке эпоса нельзя не видеть попыток представителей господствующих сословий изобразить популярного и любимого народного героя в соответствии со своими классовыми интересами и представлениями. Нередко, изображая Кёр-оглу как заурядного грабителя, они вносят путаницу в сюжет дастана.

«Кёр-оглу» известен в Турции не только в жанре дастана, повествования (хикайе), но и в жанре сказки (масал).

Трансформация в сказку,— очевидно, более поздний этап развития «Кёр-оглу». Здесь мы рассмотрим «Сказку о Кёр-оглу» в издании Наки Тезеля³⁴. В своем предисловии Наки Тезель указывает, что сказки о Кёр-оглу можно встретить в любом уголке страны.

Начинается она типичной для этого жанра формулой. «В стародавние времена сито было в самане, верблюд был маклером, ишак — амбалом, в старой бане нет таза, в шапке нет середины, такой-сякой ел блоху, а верблюда положил за пазуху, слышал ли ты такую небылицу?...»

Известный сюжетный стержень о конюхе, о спаривании лошадей и рождении неказистого жеребенка, об ослеплении конюха беем служит здесь фоном для сказочного повествования. Например, хан Болу Мустафа-бей (имя совпадает с именем одного из противников Кёр-оглы в туркменской версии), чьи владения простираются на три дня пути, держит народ в страхе, и люди выполняют все, что он приказывает. Мустафа увлекается конями, отбирает у владельцев приглянувшихся ему

³³ Литография 1881 г., стр. 3.

³⁴ «Köroğlu masalı», стр. 3.

лошадей. У него множество конюхов. Однажды бей зовет к себе конюха Али-агу и, дав ему золота, приказывает найти в его землях лучшую лошадь. Али три дня и три ночи объезжает владения бея, но не находит подходящего коня.

Но вот у крупного феодала по имени Хосейн-паша из Халепа была замечательная лошадь, единственная в мире, которую он оберегал как зеницу ока. Паша не разрешал подпускать к ней жеребцов, рассчитывая найти коня чистых кровей. С этой целью он едет в сторону реки Фират (Евфрат). И когда паша вместе с богомольцами совершал на берегу реки намаз, из воды вышел конь и покрыл кобылу паши. По возвращении домой паша загоревал, так как у кобылы с каждым днем тяжелела нога. И вот кобыла принесла уродливого жеребенка. Паша передал жеребенка бедной вдове, приплатив ей золота. Женщина взяла золото, а жеребенка тут же выгнала. Его-то в скором времени встретил конюх. Он повел неказистого жеребенка к старосте. Затем вместе со старостой пришел к вдове и предложил ей любую цену за жеребенка. А та была рада отдать его даром. Но все же Али отсыпал женщине пригоршню золота. Благополучно вернувшись домой, конюх с радостью сообщил бею о своей изумительной находке. Однако, увидев подарок, бей взъярился. А когда Али-ага посмел утверждать, что во всем мире нет и не может быть лучше этого породистого коня, Болу-бей приказал ослепить конюха. Несчастный просит тирана отдать ему жеребенка. Бей разрешает ему взять с собой «урода» и приказывает удалиться прочь из его владений. Али сам не мог добраться до дому, и его принес на спине амбал. Дома несчастный рассказал своему пятнадцатилетнему сыну о случившемся. Тот воспыал жаждой мести насильнику.

Из дальнейшего рассказа мы узнаем о битвах Кёр-оглу против Мустафа-бея, Араб-Рейхана и др.

В приведенной сказке встречаются новые детали, специфичные для турецких сказок о Кёр-оглу. Это поиски беом породистого коня для своей кобылы, совершение молитвы, отправка бейского конюха за чудесным конем, встреча Али-аги с вдовой, нахождение неказистого жеребенка, прибытие слепца домой на амбале и пр. и пр.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на турецкие топонимические наименования, жанровые и иные особенности, все основные линии сюжета турецкого «Кёр-оглу» восходят к южноазербайджанской основе (ослепление конюха и месть сына турецкому насильнику, отсюда длительная и жестокая борьба «благородных разбойников» во главе с Кёр-оглу против иноземных и местных притеснителей). Эта основная канва впоследствии украсилась мотивами как романтического, так и сказочного характера.

Большинство исследователей турецкого эпоса считает «Кёр-оглу» одним из наиболее любимых и популярных произведений. Бытует «Кёр-оглу» в народе в дастанной форме и в жанре сказки. Но кроме того, в Турции написаны художественные произведения, построенные на легендах, рассказах, преданиях и песнях о Кёр-оглу. Примером может служить роман Мурада Серт-оглу «Прославленный народный герой Кёр-оглу», разрабатывающий сюжеты народного сказания³⁵. Книга написана также в форме дастана — прозой, местами перемежающейся стихами, и повествует о том, как Кёр-оглу вместе с Айвазом борется против насильников и тиранов (Болу-бея и его приспешников). Он — бесстрашный, простодушный и честный защитник справедливости. Таков и образ Кёр-оглу, вожака народного антифеодального движения эпохи позднего средневековья, запечатленный в популярных произведениях турецкого фольклора.

Турецкая версия «Кёр-оглу» в Болгарии

Пока трудно нарисовать подробную картину бытования турецкой версии «Кёр-оглу» в Болгарии, так как ее варианты полностью не собраны и мало изучены. В болгарских изданиях мы встречаем либо упоминание имени Кёр-оглу³⁶, либо указание на восстание джалали в XVI в., расшатавшее власть турецких султанов³⁷. Произведенные Риза Мустафа-оглы Молловым богатые за-

³⁵ Murat Sertoğlu, *Meşhur halk kahramanı Köroğlu*, İstanbul, 1959.

³⁶ Rıza Molluoğlu, *Edebi makaleleri*, Sofya, 1958, стр. 84, 85.

³⁷ A. Açıksöğüt, A. Ahmedov..., *Edebiyat. IX Sınıf*, Sofya, 1957, стр. 3

писи фольклора, в том числе и сказаний о Кёр-оглу, ждут опубликования. Пока же Р. Моллов подготовил к печати и издал книгу «Кёр-оглу»³⁸. Как отмечает составитель, в основу публикации положена турецкая версия, дополненная и измененная в соответствии с преданиями, бытующими в Болгарии³⁹.

В частности, он отмечает, что такие главы, как «Демирчи-оглу», «Кончина Кёр-оглу» и некоторые другие, отличают софийское издание от стамбульского и представляют собой новые, дополнительные главы.

Софийский вариант состоит из следующих глав: «Хасан-бей» (стр. 11—15); «Первый бой» (стр. 16—20); «Похищение Айваза» (стр. 20—23); «Кенан» (стр. 23—31); «Музыкант» (стр. 32—35); «Демирчи-оглу» (стр. 35—40); «Пленение Кёр-оглу» (стр. 40—44); «Женитьба Кёр-оглу» (стр. 45—49); «Букет цветов» (стр. 49—53); «Кёр-оглу спасает Кир-ата» (стр. 54—56); «Глава купцов» (стр. 57—58); «Дагестанец Хасан-бей» (стр. 59—64); «Бенли-ханум» (стр. 64—74); «Кончина Кёр-оглу» (стр. 74—77).

Кроме того, в издании приводятся отдельные песни из «Кёр-оглу» с краткими примечаниями (стр. 81—103). Хотя число глав здесь такое же, как и в туркменской и в некоторых вариантах азербайджанской версии, они сильно отличаются и по содержанию, и по объему, и по названиям, и по форме изложения.

Софийское издание «Кёр-оглу» в своих главнейших эпизодах повторяет структуру стамбульских изданий. Географические названия, форма дастана сходны в обоих вариантах. Для наглядности обратимся к некоторым примерам.

В главе «Хасан-бей» рассказывается о том, что в районе Рифахие провинции Сивас жил любитель музыки, гостеприимный и щедрый человек по имени Хасан-бей. Своих лучших коней он не доверял конюхам, а растил и холил их сам. Были у него сын Рушен Али и дочь Фатима, которых он обучал грамоте и музыке. Два года подряд стояла засуха, в результате которой опустели у Хасана амбары, и он вынужден был пойти на заработки. Прибыв в провинцию Болу, Хасан-бей

³⁸ «Köröğlu» hazırlıyan ve redakte eden Rıza Mollof, Sofya, 1957.

³⁹ Там же, стр. 1а.

зашел в кофейню, хозяин которой сжалился над ним и помог ему устроиться конюхом у Болубея. Это был тиран, которого окружали такие же, как он сам, бессердечные, безнравственные люди.

Такая характеристика в самом начале главы расширяет биографию отца героя в данной версии и придает варианту отличие от вариантов стамбульских изданий. Однако последующие события, случившиеся с отцом Кёр-оглу, почти совпадают. Исключение составляет разве рассказ о том, что глава мясников — Касаб-баши из Ускюдара, отец Айваза, был близким доверенным лицом бейя: он поставлял мясо ко двору, а также скупал весь скот, поступающий к бейю как дань с населения или как добыча, и пр. Два раза в год мясник приезжал во дворец и вносил за скот плату в казну бейя. Бей считался с мнением богача. Вот почему, когда свирепый бей приказывает вырвать глаза конюху Хасану, не вняв мольбам несчастного, Хасан просит мясника заступиться за него и уговорить бейя, чтобы тот отменил свой приказ ради сына Хасана. Но мясник остался равнодушным к участи конюха.

Эти штрихи, отсутствующие в других версиях эпоса, вносят новое в мотивировку причин похищения Кёр-оглу Айваза, как бы подготавливают слушателя к восприятию этого акта как справедливого возмездия за «каменносердие» мясника.

Мотив двух (иногда трех) пен, наличествующий в азербайджанской, курдской и турецкой версиях, сохранен и здесь. Однако и в этот эпизод внесена новая деталь. Согласно народным поверьям, некоторые водные источники способны творить подлинное чудо — наделять человека бессмертием, возвращать слепому зрение, превращать коня в разумное существо и пр. В рассказе говорится, что отец Кёр-оглу, посылая сына к реке Арас (Аракс), велел достать там чудодейственную пену трех цветов и привезти половину домой. Однако Кёр-оглу не выполнил этого требования старика. Считая, что «отец уже так одряхлел, что ему эта пена ни к чему», Кёр-оглу выпивает половину сам, а половину пены отдает коню. Предпочтение боевому коню перед доживающим свой век отцом очень характерно.

Старик все надежды свои возлагает на сына-витязя и его богатырского коня Кир-ата. Кёр-оглу на Кир-ате

должен отомстить бею. Однако отец предостерегает Кёр-оглу когда-либо обижать бедных, угнетенных. Такое назидание отца, хотя и сходно с советами родителя сыну в азербайджанской и туркменской версиях (там они обычно переданы в стихотворной форме), но все же отличается от них заострением социального момента.

Отметим, что первоначальное имя Кёр-оглу, по софийскому изданию эпоса, состоит из двух компонентов: Рушен (Ровшен, Ровшан в других версиях) и Али (в некоторых азербайджанско-турецких версиях).

Эпизод мести Кёр-оглу, излагаемый в главе «Первый бой», сохраняет общую с азербайджанской и турецкой версиями сюжетную канву, но и он отличается усилением социальной окраски, подчеркиванием участия масс в борьбе против турецкого феодала.

Общими для всех без исключения сказаний являются эпизоды ограбления Кёр-оглу караванов торговцев, взимания с них дани в виде товаров, скота и денег. В болгарских вариантах своеобразно объяснены эти действия героя: «В те времена дороги изобиловали разбойниками. Путешественники не могли спокойно передвигаться по дорогам. Кёр-оглу выступил против разбоя-грабежа: он решил брать с путников и караванов известную мзду и обеспечивать им безопасность в пути. Вскоре разбойники сдались Кёр-оглу, а за то, что он наладил спокойствие на дорогах, народ полюбил Кёр-оглу как мудрого человека»⁴⁰.

В главу «Похищение Айваза» вводится эпизод встречи Кёр-оглу с кочевниками, при содействии которых он замышляет осуществить месть — похитить сына мясника. Во всем остальном глава полностью повторяет турецкую версию как в своей прозаической части, так и в стихотворной. (Таково, например, известное обращение героя к главе мясников: «Касаб-баши, касаб-баши, Овцы — тебе, Айваз — мне!»). Отметим лишь немногие отступления от «канонического» сюжета, в частности, первая песня — обращение Кёр-оглу к Айвазу — сокращена за счет опущения редифной, пятой, строки во всех строфах. Зато рассказ дополнен объяснением мотива мести Кёр-оглу⁴¹. Если в иных версиях эпоса Кёр-оглу, про-

⁴⁰ Там же, стр. 19.

⁴¹ Там же, стр. 25—26.

езжая вместе с Айвазом через владения Болу-бея, как бы из трусости отрицает, что он, Кёр-оглу, то в болгарском варианте он сам ищет боя.

Характерно поведение отца Айваза во второй части главы. Мясник внимательно слушает объяснения уже перешедшего на сторону Кёр-оглу турецкого военачальника Кенана по прозвищу Араб-оглу о причинах ухода героем Айваза и о могуществе Кёр-оглу. Слова Кенана возымели действие на мясника, и тот решил прекратить погоню. За такое поведение турецкий паша лишил его высокой должности главного мясника.

Анализируя мотивы отклонения в болгарском варианте турецкой версии, мы приходим к выводу, что, с одной стороны, они вызваны желанием сказителей подчеркнуть свирепость, жестокосердие паши и его окружения, а с другой — помимо оправдания акта похищения Кёр-оглу чужого сына желанием мотивировать примирение мясника с судьбой и с похитителем. Тем более, что отныне Кёр-оглу должен заменить Айвазу родного отца.

Идеализация народного мстителя получает новое выражение и в главе «Музыкант», где говорится, что на всех контролируемых Кёр-оглу дорогах господствовали покой и безопасность. От воров и грабителей не осталось и следа. Люди при виде Кёр-оглу собирались вокруг него, наслаждаясь беседой с ним.

Как и в вариантах Турции, здесь герой изображается не только отчаянным храбрецом, но и искусным музыкантом и певцом.

Заметим, что в рассказе о поездке героя к мастеру музыкальных инструментов снова подчеркивается неразрывная связь богатыря с народом, общность их интересов, всенародная слава Кёр-оглу⁴².

Встреча Кёр-оглу с будущим своим соратником удалым Демирчи-оглу, поездка Демирчи-оглу в Эрзерум за Телли-ханум, дочерью Джевгер-паши, пленение там Демирчи-оглу и его освобождение Кёр-оглу, победа над пашой и получение его дочери в жены — таков сюжет главы «Демирчи-оглу». Он повторяет в более сокращенной форме сюжет азербайджанской версии.

В болгарском варианте мы находим ряд географиче-

⁴² Там же, стр. 35.

ских названий, а также имена, совпадающие с именами реальных, исторических лиц. Это Кёр-оглу и Айваз. Это, наконец, Косе (глава «Пленение Кёр-оглу»; у Аракела Тебризского — Сафар Косе, Куса, Косе — у туркмен и азербайджанцев), упоминаемый историками как один из вожakov крестьянского восстания конца XVI — начала XVII в., верный помощник Кёр-оглу. В данном варианте версии имя Косе слито с именем Кенана. В турецких вариантах, пожалуй, такое нареkanie героев несколькими именами традиционно. Кроме двойного имени у героя (Кёр-оглу и Ровшен) и у Кенана два имени: Темирленг-оглу и Араб-оглу. Возможно, это объясняется тем, что турецкая версия, генетически связанная с южно-азербайджанской, в своем дальнейшем развитии отошла от исторических событий, нашедших в ней художественное отражение. Это обстоятельство, по всей вероятности, вызвало смешение имен персонажей, подобно тому как эпос приобретал местный колорит и трансформировался из стихотворного в дастан и сказку.

Возвращаясь к роли Косе, отметим, что после освобождения героя и победы над врагом Кёр-оглу передает Болу-бея в руки Косе, и он назначает ему такое наказание, которое должно «навсегда лишить бея власти»⁴³.

Эпизод женитьбы Кёр-оглу выдержан в стиле турецкой и азербайджанской версий, отличаясь от них лишь бóльшим лаконизмом.

Заслуживает внимания рассказ героя Ахмет-бею — отцу будущей жены Кёр-оглу Сельмы, о своем происхождении и месте жительства. Кёр-оглу говорит, что он родом из Рифахие, куда в свое время переселились его предки, откочевавшие из Туркестана⁴⁴. Упоминание Туркестана служит, надо думать, глухим намеком на переселение основной массы турок из Средней Азии через Иран и Кавказ в Малую Азию (XI—XIII вв.), а также на генетическую связь турецкого эпоса с эпосом азербайджанским и туркменским.

Сюжет главы «Букет цветов» также кратко повторяет южноазербайджанскую версию. Отличие — своеобразная мотивировка посылки Айваза и Кенана за цве-

⁴³ Там же, стр. 44.

⁴⁴ Там же, стр. 46

тами в Болу. Здесь рассказывается, что первым отправляет своего лазутчика в стан Кёр-оглу турецкий бей. Тот проникает в крепость, собирает данные и через молодого неопытного Айваза достает букет цветов якобы для больной дочери и передает его своему хозяину. Только после этого Кёр-оглу поручает Кенану с Айвазом достать из сада Болу-бея желанные цветы. Таким образом, это было ответное действие со стороны храброго защитника чести Чамли-бея.

Как и в других версиях, чамлибельский богатырь не оставляет в беде своих удалцов, когда они попадают в плен. Кёр-оглу отдает бею любимого коня и освобождает друзей из заточения. Этот эпизод вынужденной передачи Кир-ата бею и его возвращение (глава «Освобождение Кир-ата») имеет мало общего с другими версиями. Например, в азербайджанском и туркменском эпосах похитители коня ловко входят в доверие к Кёр-оглу и затем обманом уводят Кир-ата. В болгарском варианте конь отдан бею как выкуп за томившихся у него сподвижников героя.

С прочими сказаниями «Кёр-оглу» сходна записанная в Болгарии песня «Безирген-баши» («Купеческий глава»), в которой герой требует пошлину с богатого купца, владельца большого каравана. Заслуживает внимания такая деталь — купец изображен насильником, беспощадно обиравшим бедноту.

Глава «Дагестанец Хасан-бей» и ее продолжение — глава «Бенли-ханум» разрабатывают те эпизоды, которые зарегистрированы только в кавказских версиях «Кёр-оглы», их нет ни в среднеазиатских, ни в сибирско-татарских песнях эпоса. Это еще раз подчеркивает, что южноазербайджанское сказание о Кёр-оглы — основа кавказских и турецкой версий.

Нет надобности излагать содержание этих глав. Ограничимся лишь указанием на некоторые их особенности. Здесь более подробно рассказывается о богатырском развитии и воспитании молодого Хасана, сына Кёр-оглу от дагестанки Сельмы. Говорится, что «когда ему было шесть лет, для него наняли учителя; в десять лет мальчик начал постигать искусство обращения с саблей, щитом, а в шестнадцать лет юноша стал сильным джигитом: он на коне перепрыгивал пропасти, метко бил из лука птиц на лету,— и слава Хасана пошла по

всему свету»⁴⁵. Был у него жеребец Алидиш, ведущий свое происхождение от коня Кёр-оглу.

В этой главе силен дастанно-фантастический элемент: Хасан во сне влюбляется в Бенли-ханым — дочь злого Кара-везира. Влюбленных соединяет некий старец, что характерно для целого ряда дастанов («Гюль и Биль-биль», «Хурлукга и Хемра», «Гюль и Сенубер», «Сейпельмелек и Медхалджамал»), широко известных на мусульманском Востоке.

Сказочный элемент отмечается и в других эпизодах. Когда погоня настигает беглецов, Бенли-ханым жалеет будить спящего в ее объятиях юношу. Хасан просыпается от горючей слезы, упавшей из глаз девушки на его лицо. Сказочным является и мотив чудесных волос, при сжигании которых немедленно приходит на помощь влюбленной паре сам Кёр-оглу.

Немало здесь и гипербол. Так, Хасан сражается против несметного войска Кара-везира, Хасан один рубит и ловит арканом множество всадников. Большую отвагу проявляет и Бенли-ханым, заменившая в бою тяжело раненного молодого героя.

В болгарском варианте мы находим такие уникальные эпизоды, как заключение мира между Хасаном и братьями девушки, посещение братьями горной пещеры — убежища их бывшего противника Хасана, прекращение боя начальником погони и особенно Кара-везиром, его согласие на брак дочери с сыном Кёр-оглу. Участие Кара-везира в свадьбе по приглашению Кёр-оглу — другой специфический элемент турецкой версии. Думается, что эти и подобные им «смягченные линии» вызваны эволюцией сказания в новых условиях его бытования.

Завершающая в анализируемых вариантах глава рассказывает о кончине Кёр-оглу. Сказители, как уже отмечалось, очень неохотно повествуют о смерти народного любимца, столь мощного и сильного их защитника. Очевидно, этим можно объяснить своеобразный финал данных вариантов версий. Один рассказывает о том, что герой покинул этот свет после изобретения винтовки, сделавшей ненужными отвагу, мужество. Другой, — что Кёр-оглу остался до последних своих дней

⁴⁵ Там же, стр. 59.

в Чамли-беле, а иногда — будто он ушел в горы и скрылся в пещерах. И, наконец, еще один вариант повествует о том, что Кёр-оглу, когда появилось огнестрельное оружие, созвал всех своих приближенных, устроил большой пир, роздал свое богатство и исчез, присоединившись к «вечно живым святым» — «кыркларам»⁴⁶.

Финальная песня «Кёр-оглу» передает его раздумья о бессмысленности в новых условиях его богатырства. Это было последнее слово народного любимца, которого уже никто из людей не видел. Лишь один из приближенных героя — Биикли Юсуф — после долгих поисков встретил своего вожака ночью на горе в обществе кыркларов. Они пригласили Юсуфа к своей трапезе, но он принял из их рук лишь несколько глотков воды, благодаря чему прожил целых двести пятьдесят лет.

Таковы специфические черты «Кёр-оглу», бытующего среди тюркоязычного населения Народной Республики Болгарии и являющегося ответвлением азербайджано-турецкого комплекса сказаний.

Велика роль турецких сказителей (ашугов) и хикаячи (рассказчиков) в распространении «Кёр-оглу». Они развили эпос, сохранили его для поколений.

Когда окидываешь мысленно возможный путь песен «Кёр-оглы» от Южного Азербайджана через Кавказ, Среднюю и Малую Азию на Балканы с охватом территорий Казахстана, части Сибири и Крыма, невольно вспоминаешь «Заметку для предисловия к сборнику ирландских песен» Ф. Энгельса, в которой говорится о творческой деятельности «странствующих певцов», сохранивших «в живой памяти народов старинные песни...»⁴⁷. Эти слова применимы и к певцам «Кёр-оглы»: ашугам, акынам, гусанам, бахши и шаирам.

Благодаря их искусству слава о храбром Кёр-оглы живет и поныне среди многих народов.

⁴⁶ Кырклары в Средней Азии называются также чильте-нами — это персонажи домусульманской мифологии. Кырклары принимают в свой сонм лишь самых избранных, самых добродетельных, прославивших себя в мире исключительными подвигами людей. Они незримы, но вездесущи и покровительствуют людям в минуты тяжелых испытаний.

⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 16, стр. 525.

ТУРКМЕНСКАЯ ВЕРСИЯ

Из истории изучения и публикации «Гёр-оглы»

Приступая к рассмотрению туркменской версии эпоса, отметим, что он известен среди туркмен под названиями «Гёр-оглы» («Сын могилы»), «Кер-оглы» («Сын глухого»), «Кёр-оглы» («Сын слепого»).

Мы уже отмечали, что это сказание — продукт творчества многих народов Востока, что историческое его ядро, по всей вероятности, складывалось в Южном Азербайджане и главным образом в азербайджано-туркменской среде в эпоху позднего средневековья. Связь туркменской версии с южноазербайджанской несомненна. Она объясняется не только сотворчеством сказителей обоих народов в создании эпоса, но и генетической, этнической и языковой близостью азербайджанцев и туркмен. Известно, что некоторые туркменские племена в течение веков жили бок о бок с азербайджанцами и принимали участие в их этногенезе. В частности, в новейшем труде коллектива советских этнографов указывается: «В XV в. азербайджанские земли к югу от Куры вошли в состав государства Кара-коюнлу, Ак-коюнлу, созданного феодальной знатью племенных объединений кочевников, ведших свое происхождение от огузско-туркменских племен Средней Азии и кочевавших в южных областях Азербайджана, а также в прилегающих районах Ирана, Турции и отчасти Ирака»¹.

Следует сказать, что до Великой Октябрьской социалистической революции не было ни специальных работ о туркменском эпосе «Гёр-оглы», ни более или менее полных изданий самого сказания. Однако это

¹ «Народы Кавказа», т. II. М., 1962, раздел «Азербайджанцы», стр. 46.

произведение народного поэтического творчества уже в XIX в. привлекало внимание путешественников и ориенталистов. В их трудах мы находим сведения о популярности среди туркменских родов и племен песен о Гёр-оглы — Кёр-оглы, об особенностях исполнения эпоса бахши (певцами-импровизаторами), а также краткие сообщения о содержании песен².

Первая публикация отрывков из «Гёр-оглы» принадлежит проф. Казанского и Петербургского университетов И. Н. Березину³. В его «Турецкой хрестоматии» в разделе «Туркменские песни» помещены четыре песни из «Гёр-оглы». Как указывает И. Н. Березин, они взяты из рукописи, лично принадлежащей ему. В песнях герой воспевает качества, присущие смелому джигиту: храбрость, умение мстить и побеждать врага, честность, верность и пр. и пр., а также славит боевого коня — своего надежного помощника. Приведем образцы из этих песен.

دوشماندان چارين⁴ آماغه
بربك اوغلي سردار كراك
هايقروب ميدانه كيرسه
يولداشي اوزيندان اير كراك

* * *

يوچه⁵ داغلارنك باشنده
دومان قالقار جسكين اولور
قارلار ياغار كروو باغلار
آجي مللار اسكين اولور

Для осуществления мести врагу
Нужно, чтобы предводителем был сын бека
И чтобы, когда он ринется с криком в бой,
Рядом с ним был еще более мужественный соратник.

² Часть сообщений, имеющих прямое отношение к исполнению туркменскими бахши песен сказания, мы помещаем в разделе «Бахши как носители эпической традиции».

³ И. Н. Березин, *Турецкая хрестоматия*, т. II, Казань, 1862.

⁴ Вместо چارين должно быть آرين — «мечь».

⁵ Вместо يوچه следует читать اوچه — «высокий».

На вершинах высоких гор —
 Туман, изморозь,
 Снег и иней,
 Дуют суровые ветры.

О «Гёр-оглы» и его исполнителях — бахши сообщает интересные сведения Ф. Бакулин в статье «Песни у туркмен и поэт их Магдум-Кули»: «Слушать пение собираются все, кто пожелает, кибитка наполняется слушателями; многие стоят у дверей или вокруг кибитки, бахши сидит посередине, и пение нередко продолжается целую ночь... Мне привелось раз слышать подобное пение и видеть тот восторг, который оно производило на слушателей... Пение первоначально тихое, постепенно ускорялось... Певец или импровизирует, или же поет произведения одного из любимых народных поэтов Аман-моллы, Кёр-оглу, Магдум-Кули»⁶.

До революции реакционные правящие круги делали попытки использовать популярное в народе сказание в своих классовых интересах. На это обращали внимание уже первые собиратели эпоса. Например, в «Протоколах заседаний Восточного отделения Русского археологического общества» в записи от 24 января 1908 г. говорится: «А. Н. Самойлович прочитал сообщение: „Легенда о Коркуде и Кор-оглы“. Дав описание списка Ходжали-Моллы ...докладчик сделал сводку тому, что до сих пор было известно в литературе о Коркуде и Кор-оглы, а потом прочитал приблизительный перевод найденного им рассказа об этих двух народных героях... „Когда мальчик (г. е. Кор-оглы) подрос, ему явился во сне Али и призвал и благословил его на укрепление и распространение веры исламской силою слова, личной примерной жизнью и оружием. Тогда в Иране царствовал Араб-Рейхан. Богу было угодно счастье и победы от Араб-Рейхана передать их Кор-оглы“»⁷.

А. Н. Самойлович критически отнесся к этому религиозному мотиву: «Докладчик указал в заключение, что только разыскания на месте, — там, где ходят в народе

⁶ «Известия Кавказского отдела Русского географического общества», т. I, Тифлис, 1872—1873, стр. 106.

⁷ «Записки Восточного отделения Русского археологического общества», т. XX, СПб., 1910, стр. 208—209.

легенды и про Коркуда и про Кор-оглы,— разрешат вопрос, является ли приведенный им рассказ народным преданием или просто только вымыслом досужего грамотея»⁸.

В своем сообщении Самойлович отмечал также, что в бытность его в 1908 г. в Старом Ургенче (Куня-Ургенч) ему объяснили, что отец Кор-оглы не Коркуд, а Курдбал. А в районе Порсы бахши сообщил, что Кор-оглы родился в могиле от умершей женщины⁹.

А. Н. Самойлович в рецензии на работу А. А. Володина «Трухменская степь и трухмены»¹⁰ останавливается на записях туркменского фольклора, сделанных автором книги — директором училища — на Летней ставке ставропольских туркмен, и отмечает, что песни «Кёр-оглы» прочно вошли в репертуар туркменских бахши Ставрополя.

В статье «Литература турецких народов»¹¹ А. Н. Самойлович называет эпос «Кёр-оглы» народным романом, весьма распространенным в разных странах мусульманского Востока («Самым знаменитым является роман про разбойника-певца Кьор-оглы») ¹².

Заслуживает внимания также статья А. П. Поцелуевского «Собирание туркменского фольклора», в которой указывается на пренебрежительное отношение имущих классов старого феодального общества к фольклору трудящихся масс¹³.

Феодалы, баи и мусульманское духовенство презирали народное творчество и осуждали бахши, называя их учениками дьявола, распространителями греховных, противоречащих шариату сочинений.

Большая работа по изучению туркменской народной музыки, народных песен, в том числе пьес из «Гёр-оглы» была проделана В. Успенским и В. Беляевым, организовавшими несколько экспедиций в отдаленные аулы Туркменистана в 20-х годах. Выпущенная ими книга «Туркменская музыка» является ценным пособием для

⁸ Там же, стр. IV—V.

⁹ Там же, стр. V.

¹⁰ «Живая старина», вып. I, год XVIII, СПб., 1909, стр. 116.

¹¹ «Литература Востока», изд. «Всемирная литература», сб. статей, вып. I, Пг., 1919.

¹² Там же, стр. 42—43.

¹³ Журн. «Туркменоведение», № 2—3, Ашхабад, 1927, стр. 10.

изучения туркменского музыкального и песенного фольклора и искусства туркменских бахши.

Ценны наблюдения В. Беляева над репертуаром туркменских певцов и музыкантов, в котором он прежде всего отмечает сказание о народном герое Гёр-оглы: «Смешанной декламационно-музыкальной формой... является рассказывание народных романов... Среди записанных В. А. Успенским произведений туркменской музыки есть целый ряд таких отрывков из народных романов: „Гер-оглы“, „Лейли и Меджнун“... Но как бы ни были распространены среди туркмен перечисленные выше романы, их популярность всегда ниже цикла легенд о поэте, музыканте и разбойнике Гер-оглы или Кер-оглы. Замечательная версия этого повествования записана А. Ходзько в Азербайджане»¹⁴.

Автор рассказывает содержание тринадцати песен сказания о Гёр-оглы по версии Ходзько и дополняет их текстом к пьесе для туюдюка «Овезим» («О, мой Овез») № 26, записанной В. Успенским от туюдюкчи Сехета Порси и Чары Ходжа-Нияз-оглы.

Приводятся песни, посвященные легендарному коню героя, три образца мелодий которых есть в собрании В. А. Успенского¹⁵.

Почти четыре страницы книги занимает список туркменских бахши и музыкантов, легендарных и исторических, с указанием в большинстве случаев времени и места их жизни, рода и племени, из которых они происходят, а также имени учителя бахши и т. п.¹⁶. Список составлен со слов авторитетных бахши, с которыми один из авторов книги вел длительную работу во время экспедиций 1925—1926 и последующих годов. Знаменательно, что в нем на первом месте стоит имя Гёр-оглы. В примечаниях к списку В. Беляев пишет: «Вероятнее всего, что под этим именем скрывается легендарный Гер-оглы — герой известного народного романа, воин, поэт и музыкант»¹⁷.

Ценны фонетическая транскрипция и нотные записи песен «Гёр-оглы», снабженные комментариями, в ко-

¹⁴ В. Успенский и В. Беляев, *Туркменская музыка*, М., 1928, стр. 22, 25.

¹⁵ Там же, стр. 26.

¹⁶ Там же, стр. 41—44.

¹⁷ Там же, стр. 44

торых сообщаются название песни в традиции туркменских бахши и в русском переводе, краткое содержание песни, имя бахши, переложившего ее на музыку, и другие данные о бахши и о самом произведении.

В книге дается подробная характеристика манеры исполнения бахши эпических песен из «Гёр-оглы». В частности, в ней сказано: «Бахши поет всегда под аккомпанемент дутары... Проза обычно рассказывается нараспев, т. е. декламируется, а стихотворные вставки поются под аккомпанемент дутары. Обычно такой вставке предшествуют слова: „И он спел (или же: произнес) следующие стихи“»¹⁸.

Песни «Гёр-оглы», и в первую очередь песни о самом герое и его чудесном коне Гыр-ате, В. А. Успенский мог записать в самых отдаленных аулах Туркменистана от бахши разных племен и местностей.

А. Н. Самойлович в годы Советской власти выпустил «Очерки по истории туркменской литературы»¹⁹, в которых неоднократно называет эпос «Гёр-оглы» среди самых любимых произведений тюркоязычных народов: «Огузо-туркменской группе народов принадлежат получившие широкое распространение по всему исламско-турецкому миру или по значительной его части такие произведения, как Кысса и Юсуф, Сейид-Батталь, Кьор-оглы, Ашык-Гариб, Ашик-Керем, Боз-оглан и др., или как творения Фузули»²⁰.

Автор отмечает этнические и культурные связи туркмен и некоторых других народов, в чьей среде получили большое распространение сказания о Гёр-оглы.

А. Н. Самойлович указывает, что существует общность между героическим дастаном «Гёр-оглы» и некоторыми романическими дастанами и видит ее в «эпизодах страдания влюбленных». Нам кажется это неправомерным. Совершенно очевидна необходимость дифференцировать эти дастаны, а связь устанавливать, опираясь на конкретные факты и источники.

Говоря о литературном и эпическом творчестве туркмен, А. Н. Самойлович останавливается на эпических произведениях «Юсуф и Ахмед» и «Бамси-Бейрек» из

¹⁸ Там же, стр. 84.

¹⁹ См. сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929.

²⁰ Там же, стр. 129.

цикла «Китаби Коркуд» («Коркуд Ата») и прослеживает точки соприкосновения «Китаби Коркуд» с эпосом «Кёр-оглы». В качестве таковых он указывает наличие в обоих произведениях одноименных героев (Сафа-оглы Чакан), одних и тех же географических пунктов и др. «Значительно более, чем роман „Юсуф и Ахмед“, распространённый в исламско-турецком мире и даже за его пределами (среди грузин и армян) роман тоже на турецкой почве огузско-туркменского происхождения „Кёр-оглы“ (или „Гёр-оглы“) „Сын слепца“ (по анатолийско-турецкой версии) или „Сын могилы“ (по среднеазиатской версии) — также нашел наглядное отражение в разбираемом нами произведении: среди сподвижников Юсуфа и Ахмеда появляется в конце романа для участия в его развязке сподвижник Кёр-оглы двадцатилетний Сафа-оглы Чакан. Можно указать ряд деталей, общих романам „Юсуф и Ахмед“ и „Кёр-оглы“... Объяснение этих совпадений не может быть дано до изучения весьма сложной истории романа „Кёр-оглы“, как одного из самых ярких выявлений взаимных этнических и культурных отношений на протяжении многих веков между народами Передней Азии...»²¹.

Некоторые положения А. Н. Самойловича требуют уточнения и развития (например, тезис о кизылбашах, о Гурджистане) с привлечением более широкого материала из истории и эпического творчества народов, среди которых бытуют указанные в «Очерках» произведения.

Отдельные сведения о туркменском «Гёр-оглы» сообщаются в работе А. М. Аршаруни и С. Л. Вельтмана «Эпос Советского Востока». Авторы в целом правильно характеризуют эпос: «Мотив постоянных военных столкновений, племенной борьбы и т. п. входит... в наиболее значительные образцы народного эпоса... Так, например, в очень популярных туркменских легендах о поэте, музыканте и разбойнике Гер-Оглы любовный эпизод прикрывает „единоборство Гер-Оглы с могучим турком“, разворачивает отдельные картины, в которых разбойническая профессия героя объясняется мстостью за то, что его отец был ослеплен одним владетельным князем

²¹ Там же, стр. 157.

и наконец он сам погибает от рук вельмож персидского шаха»²².

В 1940 г. Ата Каушутув опубликовал статью «Народный героический эпос»²³, в которой и высказывает мнение, что зародился эпос «Гёр-оглы» в VIII—XI вв. Однако автор не приводит каких-либо фактов, подтверждающих это умозаключение.

В 1941 г. А. Каушутовым была опубликована глава из «Гёр-оглы» «Сорок тысяч» («Кырк мунлер») ²⁴, которая впоследствии вошла в подготовленное им издание эпоса «Гёр-оглы» (1941 г.).

В 1941 г. в сборнике «Песни о родине и героизме» нами были опубликованы на туркменском языке пятнадцать песен из «Гёр-оглы» с комментарием²⁵.

В 1942 г. П. Г. Богатырев опубликовал на туркменском языке статью «Патриотизм и героизм в туркменской народной поэзии»²⁶. В этой статье проф. Богатырев значительное место уделяет эпосу «Гёр-оглы», подчеркивая, что в туркменском героическом эпосе воплощен идеал народного героя-богатыря, что песни «Гёр-оглы», которые туркменские бахши поют в течение многих веков, распространены далеко за пределами Туркменистана. Свои наблюдения над сказанием о Гёр-оглы у туркмен П. Г. Богатырев подкрепляет конкретными примерами из эпоса.

Кроме издания в 1941 г. сводного текста «Гёр-оглы» и статей на туркменском языке кое-что было сделано для ознакомления русского читателя с эпосом. Известный советский востоковед Е. Э. Бертельс посвятил несколько работ вопросам изучения туркменской литературы и фольклора. Е. Э. Бертельс пишет об истории возникновения и развития эпоса «Кёр-оглы», привлекая материал национальных версий. В статье «Литературное прошлое туркмен» Е. Э. Бертельс, в частности, отмечает: «История этого сказания крайне сложна и до полного ее уяснения еще очень далеко. Нет сомнения

²² А. М. Аршаруни и С. Л. Вельтман, *Эпос Советского Востока*, Л., 1930, стр. 38.

²³ Газ. «Совет Туркменистаны», 29.XII.1940.

²⁴ Журн. «Совет эдебияты», Ашхабад, 1941, № 2.

²⁵ «Ватан ве гахрыманчылык хакындакы айдымлар», Ашхабад, 1941, стр. 6—19.

²⁶ Журн. «Совет эдебияты», 1942, № 12.

в том, что отдельные его элементы восходят к глубокой древности...»²⁷. Автор объясняет исключительную пространственность сказания о Кёр-оглы как результат интенсивного общения разных народов, как результат их общественно-экономических и культурных связей на протяжении столетий.

В том же 1944 г. нами была напечатана статья «Древняя туркменская литература»²⁸, в которой содержится краткая характеристика образа Гёр-оглы и его героических подвигов.

Русскому читателю известна книга П. Скосырева «Туркменская литература. Очерк развития». Автор книги особо выделяет героический дастан «Гёр-оглы», подчеркивает широкое бытование данного эпоса у многих народов Средней Азии и Кавказа, рассказывает содержание тринадцати меджлисов «Кёр-оглы» в записи А. Ходзько, называет Гёр-оглы Робинем Гудом туркменского народа²⁹.

В 1946 г. составитель сводного издания «Гёр-оглы» на туркменском языке (1941 г.) А. Кауштутов опубликовал новую главу — «Сервиджан», записанную им в Ташаузской области. Здесь повествуется об одном из подвигов Гёр-оглы и его приемного сына Овеза³⁰.

Е. Э. Бертельс в статье «К вопросу о традициях в героическом эпосе тюркских народов» отмечает, что «народному творчеству свойственно сохранять некоторые традиции на протяжении весьма длинных отрезков времени», в частности, традиционные эпитеты героев, связанные с миром животных и пернатых. Е. Э. Бертельс находит их и в эпическом цикле «Кёр-оглы» («шир пенжели» — «обладающий пятерней льва», «лачын гёзли» — «обладающий соколиным глазом» и т. п.)³¹.

Акад. В. М. Жирмунский в соавторстве с известным узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым создали труд, посвященный эпосу узбекского народа³². В разделе «Цикл

²⁷ «Совет эдебияты», 1944, № 9—10, стр. 198.

²⁸ «Известия Туркменского филиала АН СССР», 1944, № 1.

²⁹ П. Скосырев, *Туркменская литература. Очерк развития*, М., 1945, стр. 49.

³⁰ «Совет эдебияты», 1946, № 3—4. Подробнее см. в разделе о туркменских вариантах нашей работы.

³¹ «Советское востоковедение», М.—Л., 1947, IV, стр. 73, 76.

³² В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, М., 1947,

Гороглы» авторы останавливаются и на одноименном сказании туркмен. Говоря о публикации эпоса, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов прежде всего отмечают: «С конца XIX в. турецкий, азербайджанский и узбекский варианты сказания неоднократно воспроизводились в форме народной книги в литографированных популярных изданиях. В советскую эпоху появились научные издания азербайджанской и туркменской, армянской и грузинской версий и ряда узбекских дастанов этого цикла»³³.

К сожалению, перечня дореволюционных изданий авторы не приводят. Оценивать же все послереволюционные издания как научные — неточно. Не пытаясь умалять значение публикаций, скажем, что в большинстве случаев это популярные или научно-массовые издания. Да и В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов в других разделах более критически относятся к названным книгам. В частности, говоря о необходимости более широкого, сравнительного исследования «Кёр-оглы», они пишут: «К сожалению, в настоящее время... самый материал еще далеко не собран и не подвергся предварительному изучению...»³⁴.

Характеризуя отдельные национальные версии эпоса, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов приходят к следующему выводу: «Общие особенности среднеазиатских эпических сказаний заставляют предполагать наличие единого центра их развития и распространения, по-видимому, из Туркмении»³⁵.

Большое место в книге отводится узбекскому циклу «Кор-оглы», который рассматривается как определенный этап развития эпоса в сторону героизации сказания, идеализации его главного героя как справедливого государя. По наблюдениям авторов, «процесс эпической идеализации народного героя начался, как и следовало ожидать, на его родине, в Туркмении. Здесь могли сохраниться и предания о происхождении знаменитого туркменского героя, о его роде и родичах»³⁶.

Продолжая свою мысль, авторы отмечают: «В Туркмении короткие рассказы о „Кёр-оглы“, подобные азербайджанским, расширяются сказителями в обширные да-

³³ Там же, стр. 165.

³⁴ Там же, стр. 166.

³⁵ Там же, стр. 183—184.

³⁶ Там же, стр. 190.

станы, удалой джигит становится потомком знатного рода, вождем своего племени»³⁷. Касаясь вопроса возникновения и распространения мотивов чудесного рождения героя, его путешествий в разные страны, в том числе и в страну пери Ага-Юнус, авторы утверждают, что в туркменских дастанах нет циклизации эпоса, которую они находят в узбекской версии «Кёр-оглы», что «туркменская эпическая традиция еще сохраняет первоначальный облик героя, как удалого джигита, участника молодецких набегов на соседей, певца-импровизатора, прославляющего свои собственные подвиги»³⁸.

Высказывание авторов нуждается в некотором уточнении, потому что «соседи», в первую очередь иранские феодалы, согласно эпосу обычно первыми творят насилия над родичами Гёр-оглы, именно эти враги Гёр-оглы часто совершают нападения на землю героя. И герой либо отражает нападения этих феодалов, либо мстит им, совершая ответные набеги на их земли. Если бы действия Гёр-оглы не имели таких благородных мотивов, вряд ли бы эпос пользовался такой популярностью среди трудовых масс.

В нашем «Методическом пособии по туркменскому фольклору», изданном в Ашхабаде в 1947 г. на туркменском языке, дается общая оценка сказания о Гёр-оглы, отмечаются сходные черты данного эпоса с некоторыми произведениями классиков туркменской литературы.

Материал туркменской версии «Гёр-оглы» собран в книге «Туркменские народные сказки Марыйского района». Они записаны в 1930 г. в Туркмении лингвистическо-фольклорным отрядом экспедиции АН СССР³⁹, изучавшим фольклор по специальной программе, разработанной проф. Н. К. Дмитриевым. Это первая документированная научная запись в фонетической транскрипции туркменского фольклора со слов туркмен-дайхан. Книга открывается небольшой сказкой, точнее преданием о рождении Гёр-оглы («Гёроглының энеден догушы хакында роят») ⁴⁰. В предании сообщается, что мать Гёр-оглы

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 191.

³⁹ «Туркменские народные сказки Марыйского района», текст записат и перевел Н. Ф. Лебедев, вводные статьи и примечания чл.-корр. АН СССР Н. К. Дмитриева, М.—Л., 1954.

⁴⁰ См. там же, стр. 67 (на туркм. яз.); русск. перевод на стр. 115.

умерла беременной, что герой родился в могиле, из которой он выходил, просверлив отверстие. Однажды его увидели люди и решили поймать. Далее рассказывается о том, как был пойман мальчик, о его особой привязанности к коню и т. д.

Н. К. Дмитриев пишет, что научная разработка этого цикла невозможна на базе какой-нибудь одной версии (азербайджанской или туркменской), а требует анализа всех существующих версий. Автор дает этимологический разбор различных имен героя, заявляя, что одно из них — Кере-гулы — «теряет ясность»⁴¹. Со своей стороны скажем, что этому имени можно найти объяснение. По народным туркменским преданиям и по отдельным вариантам сказания «Гёр-оглы» дед героя Джигали-бек был не только ослеплен свирепым властелином Хункаром, но и лишен слуха (в его уши был залит расплавленный свинец). Отсюда эпитет Кере-гулы → Кер-оглы, т. е. «Сын глухого».

В 1958 г. вышел в свет подготовленный сектором народно-поэтического творчества Института мировой литературы АН СССР им. А. М. Горького сборник «Вопросы изучения эпоса народов СССР». Помещенные в нем статьи В. М. Жирмунского, А. К. Боровкова, Л. И. Климовича, И. С. Брагинского затрагивают и вопросы эпоса «Кёр-оглы».

В. М. Жирмунский в статье «Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии» с полным основанием отмечает, что выпущенная в 1941 г. в Ашхабаде сводная книга о Гёр-оглы «далеко не исчерпывает всего богатства и разнообразия туркменских эпических сказаний об этом герое»⁴². Ученый говорит о необходимости академических изданий лучших образцов народного эпоса. Рассматривая различные версии «Кёр-оглы», В. М. Жирмунский выделяет две линии его развития: азербайджанскую, восходящую в своей основе к историческим событиям восстания «джамалиев» (конец XVI в.), и линию среднеазиатскую (туркменская, узбекская, таджикская и казахская версии).

А. К. Боровков в статье «Вопросы изучения тюркоязычного эпоса народов Средней Азии и Казахстана» от-

⁴¹ Там же, стр. 161.

⁴² «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 30.

мечает, что многие вопросы развития, жанровой трансформации огузско-туркменского эпоса остаются неясными. Одну из причин этого он видит в том, что «недостаточно исследована история и пути распространения таких широко известных произведений огузско-туркменского происхождения, как „Гор-оглы“, „Боз-оглан“, „Юсуф-бек и Ахмед-бек“ и др...»⁴³.

О форме современного цикла туркменского «Гёр-оглы» А. К. Боровков сообщает, что это проза, прерываемая короткими стихотворениями-песнями из четверостиший с общей рифмой для каждого четвертого стиха. «Эти стихотворения-песни, известные под общим названием *мурабба*», заключают от четырех до девяти четверостиший»⁴⁴.

Более подробные сведения о цикле «Кёр-оглы» («Гёр-оглы», «Гор-оглы», «Гургули») содержатся в статье Л. И. Климовича «Заметки об эпическом творчестве народов Советского Востока».

Заслуга автора состоит в стремлении дифференцировать сказания о легендарном герое у разных народов Средней Азии и Кавказа, а также связать их сюжетную канву с историческими событиями XVI—XVIII вв. В частности, по наблюдениям Л. И. Климовича, «туркменские сказания о Гёр-оглы прославляют мужество и храбрость борцов против кызылбашей, т. е. иранских захватчиков XVI—XVIII вв.; есть в этих сказаниях и воспоминания о борьбе против арабских феодалов (Араб-Рейхан) и иных завоевателей»⁴⁵.

Далее Л. И. Климович пишет, что эта борьба против иранских шахов, «имевшая жизненно важное значение для народов Средней Азии», шла «между сефевидской династией Ирана и узбекским государством шейбанидов, а затем против Надир-шаха, ставшего на место Сефевидов», и происходила «в течение XVI—XVIII вв.»⁴⁶. Автор отмечает, что эта борьба «в сфере идеологической шла под знаменем религиозной распри двух крупнейших направлений ислама — шиизма и суннизма»⁴⁷.

⁴³ Там же, стр. 72.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, стр. 241.

⁴⁶ Там же, стр. 250.

⁴⁷ Там же.

В 1958 г. появилась статья «Об эпосе Гёр-оглы» на туркменском языке ⁴⁸. Автор в основном сообщает, что новый текст (сводный) подготовлен к печати на основе издания 1941 г., а также — казанской и ташкентской литографий, ставропольских, таушаузских, чарджоуских вариантов, записей 1954 г. и на основе фотокопий хранящихся в Ленинграде рукописей ⁴⁹. Характеристики источников и сведений о сказителях, от которых сделана та или иная запись, статья не содержит.

Нельзя согласиться с утверждением автора, что там, где герой добивается победы, применяя хитрость, мы имеем дело с целевым приемом бахши, «желающих рассмешить слушателей и возбудить публику» ⁵⁰. Вспомним, что основоположник туркменской поэзии Махтумкули еще в XVIII в., наставляя храбрых джигитов, призывал применять, где это нужно, не только удадь, но и военную хитрость. Способность побороть коварных и беспощадных врагов не только силой оружия, отвагой, но и умом, сообразительностью и ловкостью является обязательным, воспетым в веках качеством прославленных героев народного эпоса.

Последние годы эпосоведения были наиболее продуктивными. Кроме уже отмеченных работ появились исследования советских специалистов, значительно раздвигающие наше представление о зарождении и развитии эпических сказаний, об их связи с другими жанрами фольклора народов Советского Союза.

Остановимся вкратце на тех из них, которые имеют то или иное отношение к изучению сказаний «Кёр-оглы».

В 1960 г. в Москве издана «История литератур народов Средней Азии и Казахстана». В этом учебном пособии, написанном коллективом авторов в составе М. И. Богдановой, И. С. Брагинского, С. А. Каррыева, Х. Г. Короглы, Л. И. Лебедевой и А. С. Мирбадалевой, затрагиваются национальные версии «Кёр-оглы». В част-

⁴⁸ «Труды Института языка и литературы АН ТССР», Ашхабад, 1958, вып. II; см. об издании эпоса 1941 и 1958 гг. в статье П. Кичикулова, опубликованной в «Известиях АН ТССР», Ашхабад, 1961, № 5, и в его автореферате канд. дисс. «Героглы как героический народный эпос», Ашхабад, 1964.

⁴⁹ «Труды Института языка и литературы АН ТССР», Ашхабад, 1958, вып. II, стр. 260—261.

⁵⁰ Там же, стр. 267.

ности, Х. Г. Короглы отмечает широкую распространенность эпоса среди народов Передней и Средней Азии, вкратце рассказывает о содержании и форме туркменской версии «Кёроглы».

В 1962 г. в Москве вышла книга В. М. Жирмунского «Народный героический эпос». В этом большом исследовании нас непосредственно интересуют замечания о том, что «сказания о Кёроглы, по-видимому, имеют историческую основу» и что азербайджанский Кёроглы, туркмен-текинец, удалой наездник и певец-ашуг, воспевающий свои собственные подвиги, ближе всего стоит к своему историческому прототипу⁵¹. В. М. Жирмунский заключает: «Сравнительное изучение различных версий сказания о Кёроглы (Гороглы) показывает, что на фоне общей традиции сюжета каждая из них имеет свое национальное лицо, отражает исторически сложившийся социальный уклад, психологию и общественные идеалы создавшего его народа. Азербайджанский Кёроглы — удалой джигит, ашуг, „благородный разбойник“, отважный боец против феодального гнета; туркменский — вождь воинственного кочевого племени; узбекский — идеальный эпический государь, могучий, справедливый и мудрый властитель, защитник трудового народа»⁵².

Что же касается формы эпоса, то «азербайджанский „Кероглы“ состоит из коротких прозаических рассказов со вставными лирическими песнями, вложенными в уста джигита-певца; узбекский „Гороглы“ имеет форму обширных эпических дастанов, с широко развернутым повествованием и с обычным для этого жанра чередованием стихов и прозы; таджикский „Гургули“ состоит сплошь из стихов. Таким образом, каждая творческая национальная версия эпического сказания по праву принадлежит создавшему ее народу»⁵³.

Мы вынуждены были столь подробно рассмотреть историю изучения и публикации эпоса ввиду отсутствия библиографии работ по туркменской версии. Далее мы

⁵¹ В. Жирмунский, *Народный героический эпос*, М.—Л., 1962, стр. 214.

⁵² Там же, стр. 217—218.

⁵³ Там же, стр. 218.

осветим вопросы возникновения, развития, национальных особенностей и связей туркменского «Гёр-оглы» с другими версиями эпоса.

О возникновении и развитии туркменской версии «Гёр-оглы»

Как уже отмечалось, в сложении сказаний «Гёр-оглы» принимало участие не одно поколение. Сюжетный стержень туркменского «Гёр-оглы» восходит к южноазербайджанской версии, созданной, как нам думается, в процессе сотворчества азербайджанцев и туркмен и связан с крестьянскими антифеодальными восстаниями XVI—XVII вв., вожаком одного из которых был отважный мятежник, чьим именем назван эпос.

Южноазербайджанская версия «Кёр-оглы» закреплена в XIX в. в записях И. Шопена и А. Ходзько, подробно освещенных в соответствующей главе нашей работы.

Старые записи туркменского сказания отсутствуют, имеются лишь отрывочные сведения об эпосе в сочинениях поэтов XVIII—XIX вв., а также европейских путешественников, побывавших здесь в прошлом столетии (Борнс, Вамбери).

Текст туркменского сказания записан лишь в годы Советской власти. В «Гёр-оглы» в художественной форме отражены взгляды, мечты и чаяния народа, его борьба против иноземных захватчиков и эксплуататорских классов феодально-патриархального общества.

Мы считаем, что в «Гёр-оглы» в масштабах эпики художественно преломлены исторические события не одного десятилетия и не одного века. Вполне вероятно, что некоторые элементы «Гёр-оглы» зародились в более отдаленную эпоху, задолго до того, как среди восставших джалалинцев (XVI—XVII вв.) выделился герой Кёр-оглы, о котором сообщают Аракел Тебризский и Элиас Мушегян. Не подлежит сомнению и то, что туркменские сказители постоянно перерабатывали, изменяли и дополняли сюжет песен и после XVI—XVII вв. Иными словами, в эпосе нашли свое отражение бурные события в жизни туркмен не только XVI—XVII вв. и более ранних эпох, но и XVIII в., ознаменованного жестокими войнами и восстанием населения против персидского захватчика Надир-шаха. Поэтому, нам кажется, целесообразно

вкратце познакомиться с положением туркмен в те времена.

Известно, что вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции туркменский народ не имел своей государственности. Туркменские племена, раздираемые межродовой и межплеменной враждой, оказывались втянутыми в разорительные войны, происходившие между сильными государствами, не могли противостоять соседним деспотиям. Для последних Туркмения была яблоком раздора. В результате нескончаемых нападений и походов отдельные районы Туркменистана неоднократно оказывались во власти то шахов Ирана, то ханов Хивы, то эмиров Бухары. В подобной обстановке туркменам приходилось не только обороняться и участвовать в походах и битвах на стороне одних захватчиков против других, но и против своих сородичей — туркмен. Продолжительные межплеменные распри и войны феодалов из-за цветущих оазисов Туркменистана, участвовавшие в XVI—XIX вв., разоряли страну. Особенно сильно страдала Туркмения от нашествий иранских феодалов. В XVI в. неоднократно нападал на туркменские земли шах Исмаил, основатель Сефевидского государства. Своим выдвижением он был обязан кочевой знати и дервишеским орденам, опираясь на которые, создал сильную, фанатически настроенную армию кизылбашей⁵⁴.

Исмаил и последующие Сефевиды придерживались шиитского толка в исламе, а народы Средней Азии — суннизма, и поэтому столкновения этих народов с иранскими шахами начиная с XVI в. принимали форму религиозных войн, что нашло свое отражение в ряде фольклорных и литературных произведений туркмен, узбеков, казахов, и, конечно, в эпосе «Кёр-оглы» — «Гёр-оглы». Название «кизылбаш» в последующие века распространилось на все население Ирана, которое в иных художественных произведениях прошлых столетий изображалось традиционно еретиками, немусульманами, язычниками.

В ряде эпизодов «Гёр-оглы» герой вступает в суровую схватку с кизылбашскими насильниками. Разумеет-

⁵⁴ К и з ы л б а ш и — красноголовые, так называли тех, кто носил чалму, повязанную двенадцатью красными полосами в честь двенадцати шиитских имамов.

ся, герой борется и против турецких султанов и арабских феодалов, однако непосредственная близость Ирана и неоднократные столкновения туркменских племен с сефевидскими и каджарскими шахами послужили причиной того, что в фольклоре и литературе туркмен больше всего описываются столкновения именно с иранскими властителями XVI—XIX вв.

В 1510 г. Исмаил идет войной на Среднюю Азию, значительная часть которой в начале XVI в. находилась под властью узбекского феодала Шейбани-хана. По сообщению историков Хондемира и Хасан-бека Румлю, в 1510 г. в Туркмении возле Талхатан-Баба происходит решительный бой между Исмаилом и Шейбани-ханом. В результате войска Шейбани были разгромлены, а сам он убит⁵⁵. Мерв (ныне Мары) и другие районы Туркменистана переходят в руки Сефевидов. Подобные бои на территории Туркменистана сопровождалась разорением хозяйства. В XVI в. и позднее туркмены на орошаемых землях в долинах рек Аму-Дарьи, Мургаба, Герируда и в Прикопетдагской полосе в основном занимались земледелием. Здесь выращивали пшеницу, ячмень, джугару, хлопчатник, бахчевые и садовые культуры. В пустынной же полосе — в Каракумах, в районе Казанджик-Красноводск, главным занятием населения было скотоводство с разведением овец и верблюдов. Повсеместно в той или иной мере население занималось коневодством, а земледельцы — и отгонным овцеводством.

О хозяйстве туркмен в XVI в. некоторые сведения сообщает английский путешественник Дженкинсон. «От Каспийского моря до указанного замка Селлизюр (очевидно, район Хивы. — Б. К.) и по всей стране у Каспийского моря люди живут, не имея городов и постоянных жилищ, в диких степях, кочуя с одного места на другое большими ордами со всем своим скотом, которого у них множество, а именно: верблюдов, лошадей и овец...»⁵⁶. О хозяйстве Хорезма путешественник рассказывает: «Здесь растет много прекрасных плодов, из ко-

⁵⁵ «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.—Л., 1938, стр. 50 (далее — МИТТ).

⁵⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI в.», Л., 1937; «Путешествие Дженкинсона в 1558—1560 гг.», стр. 178.

торых один, называемый дыней, отличается большими размерами и наполнен соком. Жители едят их вместо напитка после еды. Есть здесь и другой плод, называемый арбузом, величиной с большой огурец, желтый и сладкий как сахар, а также хлебное растение, называемое негур (джугара. — Б. К.), стебель которого очень похож на стебель сахарного тростника и такой же высоты, как последний; зерна его похожи на рис и растут на верхушке стебля, подобно кистям винограда»⁵⁷.

Кроме скотоводства и земледелия туркмены занимались и охотой, о чем сообщает тот же путешественник⁵⁸, а прибрежное население, особенно в районе Красноводска, занималось еще и рыболовством. Туркменам были известны и ремесла.

После Исмаила (1524 г.) Сефевид Тахмасп I (1524—1578) продолжал политику своего предшественника, совершая походы и карательные экспедиции против непокорных подданных, отбирая у населения Туркменистана треть урожая. Не удивительно, что в его правление произошло одно из крупных восстаний туркмен, возглавляемое Аба-сердаром. Восставшие убили иранского сатрапа, управлявшего западным районом Туркменистана и собиравшего с туркмен налоги для шахской казны⁵⁹. По сообщению Х. Румлю и Искандера Мунши, персидские правители предприняли против восставших ряд карательных походов, но в течение десяти с лишним лет терпели поражение⁶⁰. Астрабадский наместник в первом же походе на туркмен был убит Абой, а его войско обращено в бегство. Карательная экспедиция персов в 1554 г. также окончилась неудачей, так как восставшим туркменам начали оказывать помощь узбеки. А вскоре Аба перешел от обороны к наступлению и захватил Астрабадскую область (1557 г.). Лишь огромному по тому времени двенадцатитысячному войску Тахмаспа удалось после упорных боев вытеснить туркменскую конницу из пределов Ирана. Когда же персидские отряды, преследуя восставших, оказались на территории Туркменистана, повстанцы со своими узбек-

⁵⁷ Там же, стр. 177.

⁵⁸ Там же, стр. 178.

⁵⁹ Более подробно см. в нашей работе «Зелили и его эпоха», Ашхабад, 1943 (на туркм. яз.).

⁶⁰ МИТТ, т. II, стр. 97.

скими союзниками разбили их наголову. В 1562 г. персам удалось путем заговора, в котором главную роль сыграла жена Абы — знатная персианка, убить вожака восстания. Но и после этого захватчики долго не осмеливались взимать с туркмен налоги.

Можно предполагать, что восстание туркмен во второй половине XVI в., поддержанное узбеками, и личность Абы — вождя восставших нашли отражение в «Гёр-оглы», точнее, при амальгамации в эпосе действий восставших джалали и неджалали, а также их вожаков, включая Аба-сердара.

События, связанные с борьбой туркмен, азербайджанцев, узбеков и других народов, возглавляемых мятежными витязями, подобными Кёр-оглы и его соратникам, против шаха Аббаса I (1587—1628) в сказаниях о Кёр-оглы отражены особенно ярко.

Выше мы приводили свидетельства армянских историков о том, что Кёр-оглы был современником шаха Аббаса. Хотя в эпосе не всегда прямо называется имя персидского властелина, но с большой долей вероятности можно допустить, что именно Аббас I — один из главных врагов Кёр-оглы.

Годы царствования этого шаха отмечены неоднократными походами, в частности, на туркменскую землю, и особенно на ее южные районы, где скорее всего и могло зародиться основное ядро туркменской версии эпоса, точнее, ее связанная с южноазербайджанской историческая канва.

В 1597 г. туркмены убили ставленника персидского шаха — Мухамеда Яр-хана, что явилось поводом для похода Аббаса I. Характерно, что персидский шах лично вступил в битву с восставшими. Последние не могли устоять против численно превосходящих и хорошо вооруженных войск и вынуждены были отступить. Аббас беспощадно расправился с повстанцами. О его жестокости рассказывает историк Мунши: «Мужчины были перебиты, женщины и дети попали в плен, имущество, лошади и стада пошли на ветер грабежа и расхищения»⁶¹.

Таким образом, в царствование Аббаса I значительная часть Туркменистана — южные районы, прикаспий-

⁶¹ Там же.

ская полоса и Мургабский оазис — была завоевана персами. Однако туркмены не прекращали борьбы за освобождение от сефевидского ига, за независимость, поднимая в разных районах восстания против иноземных властителей. Отражение этих событий мы также находим в сказании о Гёр-оглы.

В XVIII в. на персидском престоле появляется злобующая фигура Надир-шаха. Создав сильную армию в основном из представителей кочевых и полукочевых племен, он беспощадно истреблял всех, кто оказывал ему сопротивление. Некогда Надир-Кули был всего-навсего мелким разбойником на торговых путях из Ирана в Хиву, затем стал главарем разбойничьей шайки и именовался уже Надир-Кули-ханом. Теперь он занялся грабежом не только купеческих караванов, но и мирных поселений. Вскоре Надир-Кули-хан сплотил вокруг себя значительное число подобных себе головорезов и создал сильную конницу. С этой конницей он нанялся к правителю персидской провинции на юге Туркменистана. Опираясь на фанатически преданную ему орду, Надир покорил более мелких феодалов, быстро расширил свои владения, предпринял разбойничьи набеги на населенные пункты Южного Туркменистана. Местное население оказывало упорное сопротивление Надир-ку, но грозный хан, как утверждает персидский историк XVIII в. Мехди-хан Астрабади, путем «убийства и грабежей» захватывал все новые и новые районы как в Иране, так и в Туркменистане⁶². Жестокие бои разыгрались, в частности, между Надиром и защитниками Мерва в первой четверти XVIII в. и закончились падением этого древнего города.

С покоренных племен Надир брал огромную дань, налоги натурой и деньгами, а также насильственно вербовал в свою армию местных конников. Туркменские племена не прекращали вооруженного сопротивления иранскому завоевателю, вступая с ним в кровопролитные схватки, поднимая восстания. Хотя сами племена в ту эпоху вели постоянную борьбу друг с другом за водные источники, пастбища и т. п., перед лицом опасного завоевателя они нередко объединялись. Это нашло свое отражение в устной народной поэзии и литературе.

⁶² Там же, стр. 119.

Эпос «Гёр-оглы» зовет к объединению перед лицом угрозы поглощения Чандыбиля. Идеей необходимости совместной борьбы пронизаны сложенные в XVIII в. и бытующие в настоящее время среди туркмен народные предания о герое Кеймир-Коре, который вел долголетнюю борьбу с Надиром, отстаивая интересы своей отчизны.

Много страстных стихов посвящали теме объединения туркменских племен, защите родного края, борьбе с иранскими феодалами выдающиеся туркменские поэты XVIII в. во главе с Азади и Махтумкули. Азади (1700—1760) прямо не называет имя Надира, но его полные глубокого смысла притчи-тимсалы и другие меткие строки попадали в цель, разоблачая тиранию, возбуждая в народе ненависть к насильникам⁶³.

Особенно популярны среди туркмен, каракалпаков, узбеков и азербайджанцев стихи Махтумкули, повествующие о борьбе туркменских племен против кизылбашских завоевателей. Характерно, что отдельные стихотворения поэта так созвучны песням «Гёр-оглы», что порою их трудно различить⁶⁴. Исполняемые бахши песни «Не уходи» («Гидижи болма»), «Дни мои» («Гүнлерим») и другие мы встречаем и в эпосе «Гёр-оглы», и в поэзии Махтумкули.

Стихотворение Махтумкули «Пришла пора, Фетх Сердар» («Сур, Фетх Сердар-оглы, гелендир вагт») посвящено вожаку восстания 30-х годов против Надира в Западном Туркменистане. Отметим, что в нем приняли участие несколько родов и племен (иомуды, текинцы, эрсари, сарыки).

В борьбе с Надиром туркмены пытались объединиться также с узбеками и афганцами, с которыми их связывала и приверженность к суннизму. Эта антишиитская окраска борьбы нашла отражение не только в эпосе, о чем мы уже говорили, но и во многих произведениях письменной литературы XVIII—XIX вв.

⁶³ Более подробно мы останавливаемся на этом вопросе в кн.: Девлетмаммет Азади, Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1946. См. также: Абду-с-Саттар Казы, *Книга рассказов о битвах текикцев*, издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, СПб., 1914.

⁶⁴ См. подробнее в нашей работе «Махтумкули и его патриотизм», Ашхабад, 1943 (на туркм. яз.).

Однако силы сторон были далеко не равные, и после упорных боев Надир овладел почти всей Средней Азией. Надир-шах предпринимал грабительские походы на Афганистан, в Закавказье и другие земли, повсюду творя жестокие насилия над населением.

Если в 20-х годах и в первой половине 30-х годов Надир действовал от имени слабосильного шаха Тахмаспа, то после ряда удачных походов в 1736 г. он объявил себя шахом Ирана. Надир-шах двинулся на Индию, опустошил ее столицу Дели и увез оттуда огромные богатства. Он готовился и к походу на Китай, однако осуществить свой замысел не успел. Этому помешали восстания непокорившихся народов на захваченных землях. В частности, восстания туркменских и узбекских дайхан и кочевников разразились в 1743 г. с новой силой и охватили всю Среднюю Азию. Для подавления мятежных подданных шах отправлял, а часто и сам возглавлял большие силы своей вымуштрованной армии, снабженной ружьями и пушками. Повстанцы обычно были вооружены саблями и, в лучшем случае, фитильным самодельным оружием.

В 1744 г. Надир-шах бросил против восставшего населения Хорезма шеститысячное войско с десятью пушками; в том же году он послал на Хорезм около тридцати тысяч воинов с шестьюдесятью пушками⁶⁵. Феодално-родовая знать узбеков и туркмен пошла на службу к шаху, но трудовое население — около десяти тысяч всадников и пеших стрелков — продолжало борьбу в Хорезме и в Каракумах.

Между прочим, в борьбе с туркменами Надир-шах обращался к помощи английских специалистов по фортификационным сооружениям. Знаменателен такой факт. В 1743 г. шах поручил английскому капитану Вудруфу «отыскать на берегу Балханского залива⁶⁶ место, где можно было бы построить укрепление, которое держало бы в страхе туркмен». На вооруженном корабле Вудруф осмотрел туркменские острова Челекен и Дервиш, о чем он писал: «...страна эта столь дика и пустынна, что

⁶⁵ МИТТ, т. II, стр. 176—177.

⁶⁶ Балханский залив — северо-восточная глубоко врезавшаяся в материк часть Краснодарского залива, ныне высохшая вследствие опускания уровня моря.

только такой закаленный народ, как туркмены, могут жить здесь»⁶⁷.

Грозным для империи было восстание 1747 г. тридцати тысяч приамударьинских туркмен⁶⁸. Надир-шах в ответ на каждое выступление народов еще более увеличивал налоги и усиливал террор. По свидетельству шахского везира и наместника Мерва Мухамед-Казима, в последний год царствования Надира лишь на жителей этой провинции было наложено 850 тыс. туманов налога⁶⁹, которого хватило бы на содержание населения всей Туркмении в течение значительного времени. По сообщению того же автора, Надир-шах велел выкалывать глаза непокорным и складывать башни из отрубленных голов мятежников и провинившихся чиновников и сарбазов. В припадке ярости шах казнил немало своих вельмож и родственников и приказал ослепить родного сына. Но однажды июньской ночью 1747 г. Надир-шах сам пал от руки родственника.

История туркмен XVI—XVIII вв., их классовая и национально-освободительная борьба, в которой принимали активнейшее участие земледельцы (дайхане) и скотоводы (чарвадары) во главе со смелыми вожаками, давала достаточно материала для развития эпического сказания о Гёр-оглы (Кёр-оглы). Сказание питали исторические события не только собственно Туркмении, но и сопредельных стран. Оно, как это вообще свойственно эпосу, отразило их в художественно обобщенной, типизированной форме, как бы собрав в фокусе события разного времени, которые воссозданы сказителями в соответствии с традициями и требованиями эпохи.

Возникновение песен «Гёр-оглы» и образа народного мстителя, благородного разбойника, защитника обиженных и обездоленных было явлением естественным и закономерным в условиях патриархально-феодального общества. Из среды угнетенных масс выходили отважные джигиты, бесстрашные вожаки народных движений, мстители, действовавшие на караванных дорогах, в горных проходах, на степных просторах. Образ их идеализировался народом и воспевался не только в эпосе «Гёр-

⁶⁷ См. Л. С. Берг, *История исследования Туркмении*, — «Туркмения», т. I, М.—Л., 1929, стр. 81—82.

⁶⁸ МИТТ, т. II, стр. 189, 190.

⁶⁹ Там же, стр. 183, 184.

оглы», но и других народных дастанах и в произведениях туркменских поэтов. Ярким примером в этом отношении может служить замечательное произведение поэта Молла-Непеса (1810—1862) «Зохре и Тахир», неоднократно издававшееся на туркменском и русском языках⁷⁰. Вот что рассказывается в этом дастане о благородном разбойнике⁷¹:

Жили тогда в той стороне сорок разбойников. Грабили они путников на дорогах, проливали кровь. Увидели разбойники: мчится верблюд, а на нем — человек. Подняли разбойники своих коней на дыбы и пустили вскачь. Перерезали Тахиру путь, окружили его со всех сторон.

Схватили Тахира разбойники, спрашивают:

— Кто ты таков? Откуда и куда путь держишь?

Отвечал Тахир:

— Я — Тахир. Из Татарии родом. Полюбилась мне дочь шаха Бабахана — Зохре. Проведал про то Бабахан, разъярился, велел меня в сундук заточить и в реку бросить.

Предводителя тех разбойников звали Мойсепит-сердар. Был он храбрец из храбрецов, отважностью Рустему равный и из рода Рустема происходил. Когда Рустем завоевал однажды древний город Гурген, города того правитель дочь свою отдал Рустему в жены, и она родила ребенка. То и был Мойсепит-сердар. Правителю Гургена не пожелав подчиниться, собрал он сорок молодцев и с ними грабил и рубил...

Подъехал Тахир поближе — опять разбойники! На этот раз попался Тахир в руки самых злых разбойников, самых жестоких, бога забывших.

Предводитель этих разбойников назывался Камарыл-Заман, и был он брата родного Мойсепит-сердара сыном. Из-за слова одного неосторожного, бранного поссорился он с дядей, подобрал себе молодцев-удальцов и стал по дороге проезжих-прохожих грабить и убивать.

Но даже этот свирепый разбойник, Тахира выслушав, пожалел его и все, что у него отобрали, назад вернуть приказал.

И сказал Тахиру Камарыл-Заман:

⁷⁰ Молла-Непес, *Зохре и Тахир*, Ашхабад, 1940, 1948 (на туркм. яз.); Ашхабад, 1941, 1949 (на русск. яз.).

⁷¹ Литературный перевод отрывков из «Сказания о Зохре и Тахире» Т. Озерской и А. Гарковского сделан по нашим подстрочникам с туркменского оригинала, изданного нами совместно с Н. Ашировым (Ашхабад, 1940).

— Эй, Тахир, я тебе теперь до гроба брат. Какая бы беда-напасть с тобой ни приключилась, я тебя из беды вызволю. Если шах Бабахан дочь тебе свою не отдаст, я потом захвачу, в темницу его заточу, страну его конем потопчу! Дочку его Зохре тебе отдам, а своим молодцам все его богатства раздам!

Примечательны здесь образы благородного разбойника и его сорока удальцов. Они так же, как и Гёр-оглы, грабят богатых купцов, мстят ханам, феодалам и прочим тиранам, которые вынудили этих храбрецов покинуть родной очаг и искать пристанища в неприступных горных крепостях.

Разбойники Мойсепит-сердар и Камарыл-Заман очень похожи на Гёр-оглы, который мог послужить прототипом при создании этих образов. Жестокий падишах Баба-хан, царь-кровопийца, очень напоминает шаха Хункара из эпоса «Гёр-оглы».

Немалый интерес в этом дастане представляет последний эпизод, в котором разбойники честно исполняют обещание помочь Тахиру в его борьбе с падишахом Баба-ханом. Они мстят за гибель Тахира и Зохре, вступая в кровопролитный бой с тираном. На стороне разбойников — правда, справедливость, олицетворенные в образах любящей девушки Махим и ее отца — правителя Багдада Адыл-шаха. Как и Гёр-оглы, разбойники защищают слабых, правду и справедливость, они смело справляются с феодалами-притеснителями.

Характерно, что разбойники не трогают бедноту и караваны трудовых людей, и караванщики не боятся разбойников, так как те свободно пропускают их через проходы, горные или в пустыне. Именно поэтому смог свободно пройти из Татарин в Багдад караван, начальник которого сообщает друзьям Тахира о гибели их любимца.

Друзья казненного тираном Тахира во главе с багдадским правителем Адыл-шахом («адыл» означает «справедливый») идут на Баба-хана. По пути к ним присоединяются храбрые разбойники — побсерники правого дела, которые помогают разбить деспота.

Несомненно, «Зохре и Тахир» расширяет наше представление о светлом образе народного мстителя и об истинном к ним отношении людей труда.

Итак, возникновение и развитие эпоса «Гёр-оглы» —

«Кёр-оглы» у туркмен, как и у других народов, тесно связано с исторической действительностью. В эпоху нескончаемых феодальных войн, нашествий сильных соседей, особенно шахского Ирана, при все усиливающейся эксплуатации бедноты — дайхан, скотоводов и ремесленников — имели место многочисленные случаи локальных и широких антифеодальных выступлений. Мятежи и восстания крестьян, скотоводов и ремесленников возглавлялись смелыми джигитами — «разбойниками», пользовавшимися любовью народа. Одним из народных мстителей и заступников был Гёр-оглы, светлый образ которого воспет в фольклоре и литературе народов Востока.

Бахши как носители эпической традиции

Трудно переоценить роль туркменских бахши — певцов, музыкантов и сказителей в создании, сохранении и популяризации национального эпоса.

Бахши донесли до наших дней не только сказание о Гёр-оглы, но и замечательные произведения таких выдающихся поэтов XVIII—XIX вв., как сатирик Кемине, патриот Зелили, певец любви Молла-Непес, поэт-песенник Мятаджи и многие другие. Вопрос о роли бахши как носителей и передатчиков произведений письменной литературы в условиях старого Туркменистана заслуживает всестороннего изучения. Здесь уместно вспомнить свидетельство известного путешественника-ориенталиста А. Вамбери, который, посетив Туркмению в 1863 г., писал: «Высшее наслаждение для туркмен — приход бахши и исполнение им на дутаре песни Кер-оглы или Махдум-Кули»⁷².

Бахши был почетным жителем аула, желанным гостем на пирах, свадьбах, скачках и всевозможных торжествах. Недаром пословица гласит: «Хер ишиң вагты ягшыдыр; тоюң гелшиги багшыдыр» («Каждое дело хорошо в свое время; бахши — украшение тоя»).

Бахши считается у туркмен добрым вестником, олицетворением радости и благоденствия. Народ говорит: «Юрда бела гелер болса, төре билен тозан гелер; юрди

⁷² А. Вамбери, *Путешествие по Средней Азии*, СПб., 1865.

дөвлет гонар болса, багшы билен озан гелер» — «Покажутся тюре и пыль⁷³ — жди беды для страны; появится бахши — жди счастья для нее».

Почти в каждом ауле, а тем более у каждого племени, был свой бахши, который наряду с сельским хозяйством занимался сказительством.

Обычно бахши переходил из аула в аул и оставался определенное время в доме того, кто устраивал той. Вечером к этому дому стекались женщины и мужчины, старики и молодежь, жаждавшие послушать певца.

В наши дни в аулах без бахши не проходит ни один революционный и колхозный праздник. Бахши поет не только о подвигах Гёр-оглы, но и о созидательном труде и радостной, культурной жизни тружеников социалистических полей, строителей коммунизма.

Хотя сами певцы-сказители, как правило, были неграмотными, благодаря исключительной памяти они исполняли огромное количество фольклорных и литературных произведений.

Певцы «Гёр-оглы» отличаются высоким профессионализмом. Они в раннем возрасте начинают учиться у старших бахши мастерству. Но и став певцами, они в течение многих лет под руководством признанных мастеров овладевают искусством рассказывания песен «Гёр-оглы», игры на дутаре и других музыкальных инструментах, сопровождающих исполнение эпоса.

Бахши ведет сказ «Гёр-оглы» в речитативно-ариозной форме. Это объясняется спецификой эпоса — чередованием песен (айдым) с прозаическим повествованием (кысса). Нередко бахши с вечера до зари, а иногда в течение нескольких дней поет любимые дайханами песни из «Гёр-оглы», поет и другие популярные произведения. Почти всегда это исполнение идет в сопровождении дутара, гиджака или туйдука, на которых играют один или два музыканта. Слушатели награждают певца возгласами одобрения («Саг бол!», «Яша!», «Берекелла!» и др.), по народной традиции преподносят бахши щедрое вознаграждение при заказе очередной песни. Ценные подарки получает бахши и от хозяина дома в конце пиришества.

⁷³ Тюре — вельможа, сановник хана, эмира. Пыль — здесь имеется в виду вражеские всадники.

Своими песнями певец как бы листает страницы прошлого и настоящего туркмен, повествует об их борьбе за родину, за светлую жизнь на земле. Он зовет к смелости и отваге, к преданности родине, к верности в дружбе и любви и т. п.

Репертуар бахши постоянно пополняется, изменяется, переходя от учителя к ученику, из поколения в поколение. Ученики продолжают и совершенствуют искусство учителя, храня традиции, идущие из глубины веков.

История не сохранила многие образы эпических сказаний, несшие неповторимые черты индивидуальности их исполнителей — бахши более далеких эпох. И ныне исключительно ценный репертуар певцов-импровизаторов, в том числе эпос «Гёр-оглы», далеко еще не полностью записан. Первейшая задача фольклористов — как можно скорее выявить исполнителей «Гёр-оглы», взять их на учет, записать их эпический репертуар в строгом соответствии с научными принципами фиксации фольклорного материала, чтобы сохранить его для грядущих поколений.

В дореволюционной Туркмении кроме бахши «Гёр-оглы» и другие туркменские дастаны несли в народ так называемые кыссачи — грамотные чтецы, число которых было весьма незначительно. Кыссачи читали напевным речитативом, близко напоминающим манеру исполнителей русских былин.

Обычно к собственному имени кыссачи прибавлялось слово «молла». Этот своего рода почетный титул, кстати говоря, носили и поэт-сагирик Кемине, и автор замечательного дастана «Зохре и Тахир» Непес и др. Одним из последних крупных чтецов был Молла-Пури, талантливый рассказчик, собиратель фольклора и поэт.

Кыссачи читал в своем и других аулах, и его чтение не было приурочено к пиршеству и не собирало очень большой аудитории. Однако послушать кыссачи приходили и бахши. Неграмотные бахши заучивали тексты наизусть, подвергали их своеобразной обработке и распространяли в более широкой аудитории.

Таким образом, в репертуаре бахши кроме известных народных сказаний и собственных сочинений можно найти произведения фольклора и поэтов-профессионалов, услышанные ими в народе, от старых мастеров импровизации и от кыссачи.

О месте бахши в дореволюционном туркменском обществе дают известное представление сведения путешественников и ориенталистов XIX в. Иные источники почти отсутствуют. Путешественники подчеркивают большую популярность бахши в народе, рассказывают, хотя и отрывочно, об их репертуаре и мастерстве импровизации, рисуют отношение слушателей к героическим песням «Гёр-оглы».

Более века назад в Москве вышла книга Александра Борнса о его путешествии в Среднюю Азию⁷⁴. В 1831—1833 гг. автор книги совершил путешествие из Индии в Бухару, Кабул, Туркмению и Персию. Делясь своими наблюдениями о жизни старых аулов Туркмении, А. Борнс, отмечает, в частности, широкую популярность в народе героя эпоса «Гёр-оглы» и его боевого друга — коня. «Они (туркмены. — Б. К.), — пишет А. Борнс, — очень любят своих лошадей и охотно поют песни в честь этих животных. По вечерам я часто вслушивался в панегирики лошади Чапрасли и лошади Каругли (Гёр-оглы. — Б. К.): эти два предмета нескончаемого прославления. Слово Каругли означает и воина и лошадь. Но собственно же относится к известной породе, которая теперь, как уверяют, совершенно вывелась»⁷⁵.

Здесь весьма важно указание очевидца на то, что в представлении туркмен в первой половине XIX в. легендарный конь и его хозяин слились нераздельно в едином образе. Видимо, в прежние времена среди знаменитых туркменских коней были и такие, коим давали кличку по персонажам из сказания о Гёр-оглы. Интересно отметить, что почти во всех национальных версиях эпоса «Кёр-оглы» знаменитые кони богатыря ведут свое происхождение из Туркестана и по рождению связаны с Аральским морем или с Аму-Дарьей. Этот момент должен быть учтен при рассмотрении вопроса о происхождении сказаний «Кёр-оглы», на чем мы останавливаемся в соответствующих разделах нашей работы.

Во время своего путешествия Борнс записал в Туркмении некоторые песни «Гёр-оглы», ныне не встречающиеся или, точнее, пока письменно не зафиксированные

⁷⁴ Александр Борнс, *Путешествие в Бухару*, ч. I—II, М., 1848, ч. III, М., 1849.

⁷⁵ Там же, ч. I—II, стр. 84—85.

в репертуаре бахши. Приведем образец из «Путешествия» А. Борнса:

Я берегу арабского коня на день битвы.

В этот день я живу под его тенью.

С ним убиваю в схватке героя.

Береги арабского коня, вооружайся железным щитом, Каругли.

В день битвы я натягиваю железный лук.

Сижу прямо на коне, ничто меня не сбросит с него.

Я один сын у родителей, нет у меня ни брата, ни сестры.

Береги арабского коня, вооружайся железным щитом, Каругли.

Я вздохнул, — и тают нагорные льды.

Ручьи глаз моих повернули бы колесо мельничное.

Так говорил о нас Пари ⁷⁶.

Береги арабского коня, вооружайся железным щитом, Каругли ⁷⁷.

Здесь важны указания на отсутствие братьев и сестер у эпического героя и на наличие у него неразлучного друга — боевого коня, а также на то, что Гёр-оглы вооружен железным луком. Последнее обстоятельство должно быть учтено при освещении вопроса о времени возникновения эпоса в целом или отдельных его частей. Во всяком случае наиболее старые записи, к числу которых относятся приводимые Борнсом, подтверждают отсутствие у Гёр-оглы огнестрельного оружия: он обычно вооружен саблей, шестопером, луком. Следовательно, и этот штрих говорит о более раннем, чем, скажем XVII в., времени сложения отдельных частей эпоса. Конечно, подробные детали могут явиться и результатом контаминации и архаизации сказаний. Одним словом, здесь есть над чем поразмыслить фольклористу в содружестве с историком.

В том же XIX в. в Туркмении побывал известный венгерский ученый профессор восточных языков и литературы Пражского университета Арминий Вамбери. Он сообщает интересные сведения о культурной жизни туркмен, о популярности среди них рассказов о подвигах исторических и легендарных героев, любви туркмен к песне, музыке и т. п. А. Вамбери, путешествовавший по Востоку (Средняя Азия, Афганистан, Иран, Турция)

⁷⁶ Пари — вероятно, пир — старец-покровитель.

⁷⁷ Александр Борнс, *Путешествие в Бухару*, ч. I—II, стр. 84—85.

в 1863 г., описывает вечера в туркменском ауле, проведенные им за чтением эпических произведений. «В ожидании прихода гератского каравана,— пишет Вамбери, в жаркие августовские дни жил я на берегу Оксуса у лебаб-туркменов⁷⁸... Туркмены обыкновенно собирались ко мне вечером и приносили с собой или свой песенник, или какой-нибудь поэтический рассказ, и я должен был им читать вслух. Напряженное внимание, с каким выслушивались деяния какого-нибудь любимого героя... производило во мне радостное чувство»⁷⁹.

Далее путешественник рассказывает об отношении туркмен к бахши (глава «Палатка и ее обитатели»): «Все тесным кружком усаживаются вокруг очага; старшая дочь обносит беспрестанно мех с кумысом, этим любимым напитком кочевника, веселящим сердце и развязывающим язык, а если к тому да придет еще бакши (трубадур) со своими песнями скоротать вечерок, то и дикое завывание ветра покажется музыкою»⁸⁰.

А. Вамбери интересно повествует о туркменских музыкальных инструментах середины XIX в., игрой на которых сопровождалось пение бахши, приводит ценные наблюдения и над дифференциацией репертуара бахши в зависимости от социального состава слушателей: «Вечерний стол (хана. — Б. К.) бывает роскошнее и тянется дольше (чем в кибишке простолюдина. — Б. К.)... После ужина являются певцы, музыканты или какие-нибудь шукари и потешают хана. Первые особенно любимы в Хиве и славятся не только во всем Туркестане, но даже на всем исламистском востоке Азии. Инструмент, на котором они отличаются, называется гирдшек (гиджак. — Б. К.). Кроме этого инструмента, играют еще на барабане и дутаре, на которых бакши (трубадуры) аккомпанируют своему пению. Перед народом воспеваются обыденные герои, при дворе же поют большею частью что-нибудь из „Неваи“ и персидских поэтов»⁸¹.

Итак, путешественник отмечает, что трудящимся были близки произведения о простых героях, а для привилегированных слоев населения бахши и другие исполнители подбирали «высокую» поэзию, мало понятную ши-

⁷⁸ Лебаб-туркмены — прибрежные, амударьинские туркмены.

⁷⁹ А. Вамбери, *Очерки Средней Азии*, М., 1868, стр. 39—40.

⁸⁰ Там же, стр. 76—77.

⁸¹ Там же, стр. 86.

рокому кругу слушателей, произведения иноязычной литературы.

В главе «Литература Средней Азии» А. Вамбери пишет следующее: «В Средней Азии влюбленная молодая чета и согбенные старостью, точно так же, как воины и пастухи, духовные и светские лица — все одинаково увлекаются поэтическим творчеством. Страсть к пению поражает путешественника у туркмен и у киргизов... Как бы ни были утомлены и голодны... они все-таки с большим удовольствием останутся послушать на дороге бакши (трубадура). Возвратившись с героических подвигов, молодые воины обыкновенно целую ночь проводят за поэзией или музыкою. В пустыне не знают почти никаких приятностей жизни, но бакши всегда найдется. Кроме того, хотя бакшей в пустыне и много, и сами кочевники занимаются поэзией... Рассказы о подвигах героев, по форме похожие на наши романсы, бывают довольно больших размеров; они часто декламируются или поются несколько вечеров сряду...»⁸².

А. Вамбери неоднократно говорит: «Сказок или рассказов о героических подвигах, изложенных в стихах или прозе, у кочевников очень много»⁸³.

Мы не знаем, что удалось записать Вамбери из эпических сказаний туркмен во время его путешествия. Известно только, что кроме ряда исследований историко-этнографического и лингвистического порядка он опубликовал стихотворения Махтумкули по вывезенной им в Венгрию рукописи⁸⁴, а также хивинскую версию узбекско-туркменского дастана «Юсуп и Ахмед»⁸⁵. Так или иначе, рукописные материалы и многие другие сведения, собранные ориенталистом в Туркменистане и Узбекистане, подлежат детальному изучению.

Бахши в глазах населения обладал чудотворной силой. В прошлом у туркмен было поверие, будто певцам и музыкантам покровительствуют сверхъестественные существа — «вездесущие» эрены, сказочные святые, пер-

⁸² Там же, стр. 324—327.

⁸³ Там же, стр. 346.

⁸⁴ H. Vámbéry, *Sprache der Turkomanen und der Diwan Machdumkulis*, — «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», XXXIII, Leipzig, 1879.

⁸⁵ H. Vámbéry, *Jusuf und Ahmed. Ein özbekische Heldengedicht*, Budapest, 1911.

сонажи домусульманских, шаманистских легенд, языческой мифологии⁸⁶. Причин для благоговейного отношения к бахши было немало. Одна из них — вера в силу слова. В старом фольклоре тюркских народов обильно представлены заговоры и заклинания, добропожелания и злопожелания⁸⁷.

Культ слова оставил след и в других жанрах народного творчества, к примеру, в пословицах и поговорках. «Доброе слово можно выманить змею из норы», — гласит одна из них. «У того, кто умеет сказать кстати, на лице сияет солнце», — вторит ей другая. Даже крупные туркменские поэты прошлого смотрели на художественное слово как на дар божий, верили, что слово способно творить чудеса.

Гаргышым даглары мум дек эридер.
Пур-пудак яйрадар алкыш кыланым, —

Проклятья мои растворяют горы, словно воск.
Распустит побеги и ветки тот, кого я благословлю, —

читаем мы в стихотворении Махтумкули⁸⁸.

Характерно, что в дастанах герои не только храбрые воины, но одновременно певцы, музыканты и поэты-импровизаторы. Они борются не только оружием, но и острым словом, песней и музыкой. И порою слово, песня героя оказываются сильнее или, выражаясь языком пословицы, «острее сабли»⁸⁹. Во всех национальных версиях «Кёр-оглы» песня спасает героя от беды, осво-

⁸⁶ Вопрос частично освещен в следующих работах: М. С. Андреев, *Чильтены* (چيلتن) в среднеазиатских верованиях, — сб. «В. В. Бартольд», Ташкент, 1927; Г. Н. Потанин, *Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе*, М., 1899; Л. Я. Штернберг, *Избранничество в религии*, — журн. «Этнография», 1927, № 1; Н. П. Дыренкова, *Получение шаманистского дара по воззрениям турецких племен*, — «Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР», т. IX, 1930, стр. 267—291.

⁸⁷ А. Самойлович, *Туркменские заговоры*, — журн. «Живая старина», СПб., 1912, вып. I, стр. 117—124; В. А. Гордлевский, *Образцы османского народного творчества*, М., 1916.

⁸⁸ Б. А. Карриев, *Махтумкули и народное творчество*, — «Известия Туркм. филиала АН СССР», Ашхабад, 1950, № 4, 5 (на туркм. яз.).

⁸⁹ См. «Тысяча туркменских пословиц и поговорок», Ашхабад, 1946.

бождает его из тюрьмы и плена, помогает ему в достижении заветной цели, она соединяет его с возлюбленной. Недаром А. Ходзько именует Кёр-оглы восточным поэтом-наездником.

О жизни бахши повествует старинный дастан «Неджеб-Оглан»⁹⁰. Это эпическое произведение рисует судьбы поколения певцов, рассказывает о прохождении молодыми бахши школы импровизаторского мастерства, показывает тесные культурно-исторические связи между нашими братскими народами, в том числе между туркменскими бахши и узбекскими шахирами. Кратко содержание дастана сводится к следующему.

В Хорезме живет бахши по имени Эльбенд. Однажды он отправляется в Ганджу вместе с прибывшим оттуда караваном купцов. В Гандже живет красавица Сона, в которую влюблен Эльбенд. Песни и музыка хорезмийского бахши очаровывают неприступную Сона, и она соглашается стать его женой. Эльбенд вместе с Сона и ее сыном от первого брака, маленьким Неджебом, возвращается в Хорезм. Отчим начинает обижать пасынка. Тогда Неджеб решает стать бахши, вступить с Эльбендом в состязание и отомстить ему. И вот Неджеб едет к знаменитому учителю туркменских и узбекских бахши и шаиrow — ашугу Айдыну. Ценой невероятных лишений овладевает искусством. (Знаменательно, что прославленный ашуг Айдын — один из героев туркменского «Гёр-оглы»). Он наставник Гёр-оглы по части песнопения и принимает участие в событиях, связанных с поездкой героя к богатырше Харман-Дяли).

Блестяще сдав экзамен на импровизаторскую зрелость, т. е. победив учителя в поэтическом состязании, напоминающем казахский айтыс и состязания туркменских и узбекских бахши и шаиrow, и получив от Айдына благословение и чудесный дутар, якобы ниспосланный

⁹⁰ «Нежеп Оглан», Чапа тайярлан Н. Хожаев, П. Агалыев, Б. А. Гарриевин редакциясы билен, Ашгабат, 1943; Е. Э. Бертельс, *Неджеф-оглан, Туркменский роман о поэте*, — см. «Белек С. Е. Малову. Сборник статей», Фрунзе, 1946, стр. 26—28; В. М. Жирмунский, *К вопросу о народном творчестве*, — «Ученые записки Ленинградского госпединститута им. Герцена», т. 67, 1948, стр. 23—31; В. М. Жирмунский, *Легенда о призвании певца*, — «Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели», М.—Л., 1930, стр. 185—195.

свыше. Неджеб возвращается в Хорезм. На большом тое Неджеб вступает в поединок с отчимом, одерживает верх над старым бахши и завоевывает всеобщую симпатию. Дастан рассказывает также о любви Неджеба к девушке Милаим, о произволе хорезмского хана, который по навету врагов Неджеба приказал казнить бахши. В заключительном эпизоде показано, как благодаря заступничеству населения Хорезма и Милаим хан вынужден отменить казнь молодого бахши. Однако он изгоняет Неджеба из пределов Хорезма.

Даже на основании этого дастана можно говорить о существовании в прошлом у тюркоязычных народов певческо-сказительских школ. Изучением этих школ плодотворно занимаются наши узбекские и казахские товарищи, уже внесшие в советскую фольклористику свой ценный вклад⁹¹. Будем надеяться, что фольклористы других республик, в том числе и туркменские, последуют примеру своих узбекских и казахских коллег в деле выявления, учета и исследования школ бахши.

Облик бахши рельефно вырисовывается в целом ряде других дастанов письменной и устной литературы. Например, герои «Саят и Хемра» (XVIII в.) — юный Хемра и его отец Ахмед — потомственные ашуги. Хемра очаровывает своей песней отважную Саят, а старик Ахмед благодаря песне спасается от плахи. Этот заключительный эпизод содержит мотив чудесной стаи журавлей, зачарованных песней ашуга и выручивших его.

Среди тюркоязычных народов широко известен дастан «Зохре и Тахир» («Тахир и Зухра»). В этом эпическом произведении, уходящем своими корнями в поэтическое творчество народа, почти все герои — искусные певцы. В одном из литературных вариантов этой легенды создатель дастана — поэт Молла-Непес выступает в роли учителя и воспитателя влюбленной пары, помогает им в различных случаях жизни.

Хочется выделить хотя бы одну деталь, свидетельствующую о вере в магическую силу песни. Главный герой дастана Тахир возвращается из изгнания на родину. Путь ему преграждают высокие горы. Тахир обращается к горам с песней — и горы расступаются. Эта

⁹¹ См. работы Х. Т. Зарифова: *Ўзбек folklori*, Ташкент, кн. 1, 1939; кн. 2, 1941; см. также Е. Исмаилов, *Акыны*, Алма-Ата, 1957.

песня Тахира, как и многие другие, с большой любовью исполняется туркменским бахши.

Остановимся еще на двух произведениях, содержащих эпизоды освобождения узников в награду за победу в поэтическом поединке. Мы имеем в виду дастан XVIII в. «Доулетяр»⁹² и повесть советского писателя Н. Сарыханова «Шукур-бахши»⁹³.

Если в первом рассказывается о войне и поэте узбекско-туркменского происхождения Доулетяре, который, победив в песнопении шахского бахши, добывает себе свободу, то во втором произведении брат узника едет из Туркменистана в Иран и, выиграв в состязании с придворным певцом, освобождает своего брата из каджарского плена. Состязание Шукур-бахши с придворным певцом Гуламом связано с огромным риском: в случае поражения Шукур-бахши бросят в тюрьму, где уже томится его родной брат. Однако побеждает туркменский бахши, отважным поступком обессмертивший свое имя.

Событие, о котором рассказано в повести, действительно имело место во второй половине прошлого века.

В памяти туркмен отважный Шукур-бахши живет как певец «Гёр-оглы». Об этом же мы читаем в повести Сарыханова: «Он взял в руки дутар, стал наигрывать старинную песню Гёр-оглы:

Через древние горы века проходили.

В них весенние шумные реки бурлили...»⁹⁴.

Репертуар Шукур-бахши, к сожалению, не был записан при его жизни. В связи с этим стоит еще раз сказать о необходимости скорейшей организации широкой работы по собиранию всех тех художественных произведений, которые хранят в памяти ныне здравствующие бахши-сказители.

При изучении национальной версии «Гёр-оглы» исследователь не может пройти мимо песен, бытующих среди ставропольских туркмен. Известно, что некоторая часть туркмен, жившая в районе Мангышлака, спасаясь

⁹² Отрывки из дастана изданы в Ашхабаде в 1941 г. Н. Ходжаевым на туркм. яз. («Дөвлетяр», дестандан бөлеклер).

⁹³ Н. Сарыханов, *Туркменские новеллы*, М., 1947.

⁹⁴ Там же, стр. 110.

от хана Аюке, в XVII в. нашла защиту в русском государстве. Эти туркмены переселились на Северный Кавказ, приняли русское подданство и обосновались в Ставропольской губернии (Летняя и Зимняя ставки). Ушли на Кавказ представители наиболее древних туркменских племен игдыр, човдур и некоторых других, принимавших участие в создании эпических традиций туркменского народа.

А. А. Володин из Летней ставки записал произведения тамошних переселенцев, в том числе и песни о Гёр-оглы. В очерке «Трухменская степь и трухмены»⁹⁵ А. А. Володин пишет о прежней родине ставропольских туркмен и о новом месте их поселения, а также о песнях, преданиях, сказках и т. п. ставропольских туркмен.

Кроме общих сведений о народно-поэтическом творчестве, А. А. Володин передает свои наблюдения над распространённостью сказаний о Гёр-оглы. Отрывки из песен, входящих в эти сказания, явствует, что имя Гёр-оглы было в прошлом грозой врагов, слава о подвигах героя распространилась широко: «Идите, текинские беки, произведите врагам разрушение, про Кор-оглы возвестите слух», — читаем мы в песне, приведенной в очерке А. А. Володина.

В материалах, названных А. А. Володиным «Из трухменской народной поэзии» и являющихся как бы приложением к его очерку «Трухменская степь и трухмены», помещен текст песен Гёр-оглы о легендарном Гырате. Приведем один из фрагментов:

Луна моя, солнце мое, [ты] Гыр-ат!
По бокам у тебя — по паре крыльев.
Кто сядет на тебя, достигнет цели.
Играй, душа моя, Гыр-ат мой, играй!⁹⁶

Исследователь истории, фольклора и быта ставропольских туркмен С. В. Фарфаровский в статье «Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии»⁹⁷ расска-

⁹⁵ См. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, отдел I, стр. 1—98.

⁹⁶ Там же, отдел II, стр. 49.

⁹⁷ См. «Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXVII, Казань, 1911. вып. 3, стр. 181—220.

зывает о репертуаре местных бахши и манере исполнения ими героических песен, а также о месте певцов и музыкантов в культурной жизни населения. С. В. Фарфаровский пишет: «Носителями его (духовного творчества.— Б. К.) являются „тамдрачи“, певцы, поющие под аккомпанемент двухструнной тамдры... Поют речитативом, сильно вибрируя голосом, про богатырей: Кор-оглы, Бег-Юсупа, Арслан-хана. Присутствующие криком одобряют певца, доводя его до экзальтации, притом ритм становится все быстрее и быстрее, голос более и более гортанным»⁹⁸.

Уже в начале нашего века С. В. Фарфаровский опасался возможности исчезновения фольклора туркмен Ставрополя: «Новые влияния и смерть, уносящая стариков, хранителей народных традиций, быстро уничтожают предания и обычаи старины... Очень ценно,— писал он,— собрать возможно полные сведения; тем более, что в настоящее время наблюдается усиление утраты у этих народов... своего национального эпоса... Как можно скорее нужно собрать их обычаи... песни... легенды»⁹⁹.

Передавая один из эпизодов эпоса «Гёр-оглы» С. В. Фарфаровский говорит: «Из образцов туркменской народной поэзии интересен цикл песен о Кор-оглы, ездившем на чудесной, крылатой лошади Кирате.

Враги однажды украли Кирата и, заковав в цепи, повели показывать народу. Хан обещал большой подарок тому, кто сядет на Кирата, но никого не было. Вдруг из толпы вышел оборванный нищий; эго был сам Кор-оглы. Сев на лошадь, он запел песню и ускакал».

Далее автор приводит песню Гёр-оглы о Гыр-ате (Кир-ате):

Месяц Кират, солнце Кират.
На каждом боку у тебя пара крыльев.
На тебе сидит тот, кто искал тебя и нашел.
Играй, душа моя Кират, играй.
На тебя сел твой хозяин.
В железном панцире.
Он накрыл тебя попоной.
Играй, Кират, играй.

⁹⁸ Там же, стр. 205—206.

⁹⁹ Там же, стр. 182, 183.

Сяду на тебя, посмотрю кругом.
Погладив, ударю тебя.
Враги мои расступятся со злобой.
Играй, Кират, играй ¹⁰⁰.

В бытность нашу в Ставрополье в 1940 г. мы наблюдали, как ставропольские бахши с большой любовью исполняют национальные эпические сказания. Собранный нами тогда лично и через корреспондентов песенно-эпический материал, конечно, далеко не исчерпывает всего того, чем располагают ставропольские певцы и музыканты, но является важным подспорьем при работе над туркменским сказанием «Гёр-оглы». В ставропольском фонде эпических произведений — этом своеобразном фольклорном островке — мы можем обнаружить такие пласты эпоса, которые дополняют среднеазиатский материал по «Кёр-оглы» и прольют свет на проблему развития и распространения сказания.

Итак, дальнейшее изучение в самом Туркменистане и за его пределами репертуара бахши — создателей, носителей и хранителей «Гёр-оглы» — откроет перед нами новые страницы эпических сказаний о легендарном герое.

Сюжеты «Гёр-оглы» и их варианты

Основные записи туркменской версии сказаний «Гёр-оглы» сделаны после Великой Октябрьской социалистической революции со слов туркменских бахши, проживающих как в самой Туркмении, так и за ее пределами (в Ставропольском крае, в Таджикистане). Сбор материалов произведен главным образом сотрудниками Института языка и литературы, в том числе автором этих строк, а также корреспондентами Института на местах в 30-е и отчасти в 40-е годы. Кое-что было записано в 50-е и 60-е годы ¹⁰¹.

¹⁰⁰ Там же, стр. 208—209.

¹⁰¹ Все записи, сделанные арабским шрифтом и латиницей, в данном разделе для удобства приводятся в современном написании.

Главы, так называемые шаха, эпоса и их варианты взяты из репертуара известных бахши-сказителей.

Характерно, что многочисленные шаха «Гёр-оглы» обнаруживаются в репертуаре бахши, представляющих почти все племена и роды туркменского народа (иомудов, теке, чоудуров, эрсари, алили и др.). Это обстоятельство свидетельствует об общенациональном характере героического эпоса, о его народности. Ниже приводятся основные главы сказания «Гёр-оглы» у туркмен, раскрываются особенности их вариантов, затрагиваются вопросы возникновения и развития отдельных шаха, их локализации, художественно-стилистических особенностей и т. п.

«Рождение Гёр-оглы» («Гёроглының дөрейши»).

Эпос у туркмен и узбеков открывается главой, в которой повествуется о появлении героя на свет, о его воспитании и юношеских годах. В азербайджанской, казакских и турецкой версиях сказание начинается сразу со злодеяния турецкого султана Хункара, который ослепил отца героя, и о мести Гёр-оглы насильнику.

«Рождение Гёр-оглы» — весьма популярная глава, она зарегистрирована в репертуаре ряда бахши. Известный сказитель Пельван-бахши¹⁰² начинает ее так: «Элкысса, Чардаглы Чандыбил диен юрт бар экен. Ол юрдуң солтанына Жыгалы бег диер экенлар — Жыгалы бегин үч саны оглы бар экен...» («Итак... Была страна

¹⁰² Пельван-бахши, или Пельван-ходжа, родился в Тахтинском районе Ташаузской области в 1890 г. и умер там же в 1939 г. Он — сын Ата-бахши, или Ходжа-бахши (ум. 63 лет в 1929 г.) из рода ходжа племени иомуд, происходит из потомственных певцов «Гёр-оглы». Ата-бахши был главой школы сказителей дастанов — дастанчи. Как передают потомки бахши, он знал 44 главы «Гёр-оглы». Ата-бахши научил сына двадцати шаха, завещав исполнять их на тоях. Отец Ата-бахши — Ата-Назар-бахши, отец Ата-Назар-бахши — Коч-бахши (Гоч-бахши). Он также был хранителем и распространителем эпоса «Гёр-оглы». Дутар, на котором играл дед Пельвана Ата-Назар-бахши, ныне находится у Каахка-ходжи (род. в 1930 г.), сына Пельван-бахши. Пельван-бахши был неграмотным, пел обычно под аккомпанемент гиджака, иногда дутара; его гиджакиста звали Пирджан-гиджакчи. Пельван-бахши исполнял также дастаны «Хурлукга и Хемра», «Саят и Хемра», «Баба-Ровшен» и др. [рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 922 (фольклор)].

Чардагли Чандыбиль. Повелителя страны звали Джигали-бек. У Джигали-бека было три сына...»¹⁰³. Старший — Генджим-бек был богат, но очень скуп, средний — Момин, был глуп, а младший — Ады-бек — храбрец. Ады-бека чандыбильцы любили и уважали за храбрость и справедливость и избрали его главой крепости.

Отметим, что такое выделение, награждение младшего брата (сына) лучшими человеческими качествами, характерно и для других произведений туркменского фольклора и, по всей вероятности, связано с пережитками минората.

Но всех печалило то, что не было у Ады-бека наследника. А тут пришло и горе — умер Ады-бек, а вскоре схоронили и его беременную жену. В могиле у нее родился мальчик, и жители Чандыбиля называли его именем Ровшен («Светлый», «Лучезарный», «Ясный»), потому что вышел ребенок из темной могилы в светлый мир и радостью озарил сердца чандыбильцев.

Все мысли старого Джигали — о внуке. Он стремится уберечь Ровшена от козней врагов и вырастить из него храброго джигита, достойного своего отца. В шаха звучат вдохновенные песни-назидания старого деда, полные горячей любви к сыну, к людям и ненависти к насильникам. Ровшен с малых лет видит, как феодалы и крупные торговцы совершают над его соотечественниками и родной семьей одно злодеяние за другим. Однажды купцы пытались убить юного Ровшена. Джигали, спасая внука, покидает родину. На новом месте их все же настигает кровавая рука феодалов Рейхана и Хункара; Хункар ослепляет Джигали-бека, убивает его среднего сына — Момина, а Рейхан забирает Гюль-Эндам, заменившую Ровшану мать. Враги топчут родную землю героя, убивают и мучают ее мирных жителей.

Хункар замышляет уничтожить и юношу Ровшена, но мудрый дед снова спасает внука.

Подготовка юноши к мести начинается с выращивания крылатого скакуна Гыр-ата. Затем, укрывшись в горах Уч-Гюмбес и построив там горную крепость Чандыбиль, молодой Гёр-оглы собирает дружину. На боевом

¹⁰³ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 680 (фольклор), стр. I и далее; запись 1937 г

коне, вооруженный чудесной саблей (дүйрме гылыч) и богатырским луком (сары яй), с помощью храбрых джигитов он вступает в борьбу с притеснителями.

Эта сюжетная канва сохраняется и в репертуаре других сказителей. Правда, варьируются имена героев, географические названия, трактовка отдельных мотивов. Приведем эту же главу в исполнении бахши Бабаджана Сапарова¹⁰⁴. Глава не содержит какого бы то ни было зачина и сразу вводит слушателей в суть повествования: «Героглының атасы Хункар патышага сейис болан...» — «Отец Гёр-оглы был конюхом у падишаха Хункара»¹⁰⁵.

Далее рассказывается, что в орду шаха приезжает его родственник Ибрагим-бек — правитель страны.

Хункар велит конюху привести лучшего коня в подарок высокому гостю. Джигали отбирает лошадь, которая нравится Ибрагим-беку. Падишах назначает Джигали своим везиром и обещает ему любой подарок. Джигали выбирает кобылицу «хилую и поджарую, словно гончая собака». Падишах воспринимает этот выбор как вызов и подстрекаемый вельможами, ненавидящими Джигали, приказывает ослепить его и изгнать из своих владений.

Мотив ослепления сохраняется во всех вариантах и в данном варианте. Но здесь появляется новый персонаж — родственник шаха — Ибрагим-бек (в некоторых других вариантах это имя носит чабан, у которого Гёр-оглы останавливается, когда едет за Овезом).

В варианте Б. Сапарова изменяется и место действия. Хункар — правитель не Турции (как у Пельван-бахши и в азербайджанской и других кавказских версиях), а Ирана, который покидает герой, переселившись с дедом в родные горы. Они видят, как иранские кызылбаши грабят туркменское население («Иранлы гызылбашлар туркмен илатыны ене-де таламага башлайрлар») ¹⁰⁶. В варианте Бабаджан-бахши делается акцент на оборону туркмен от иранских (кызылбашских) грабителей. Гёр-оглы привлекает молодых храбрецов, воспи-

¹⁰⁴ Бабаджан Сапаров родился в 1892 г. на территории современного Туркмен-Калинского района Марыйской области ТССР, происходит из племени те́е.

¹⁰⁵ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 77 (фольклор), запись 1945 г.

¹⁰⁶ Там же, стр. 5.

тывает в них готовность защищать свою землю от врагов. Живя в горах, Гёр-оглы охраняет от кизылбашей родную землю («Дагда месген тутуп... гызылбашларын аламан топарларыны түркмен халкынын стүне гечирт-мән, хер гезек дагадапдыр») ¹⁰⁷.

Неизменный в разных вариантах сказания эпизод добывания героем сыновей Овеза и Хасана (Дяли-Хасан, Эр-Хасан) здесь дается сжато, герои служат у самого Хункара, а не у Юсуп-шаха (по варианту Пельван-бахши). Причем в этом варианте Овез и Хасан — нетуркмены.

Эпический мотив выращивания богатырского коня встречается и у Бабаджан-бахши. Но интересна такая деталь: слава коня здесь совершенно равна славе Гёр-оглы («ровно половина мощи [героя] заключалась в его коне»).

Кратко передан эпизод похищения Гыр-ата. Эпизод этот значительно отличается от варианта Пельван-бахши и многих других певцов. Здесь коня похищает не мифическая старуха — кемпир, а Хамза-бек (как в южно-азербайджанской и других кавказских версиях); на мельнице похититель меняет на Гыр-ата не Дор-ата (Дур-ата — у азербайджанцев), а скаковую лошадь по кличке Боз-Думан.

По варианту Бабаджан-бахши Гёр-оглы на мельнице поёт свою знаменитую песню «Гырат, гел» («Приди, Гыр-ат»), которую в других вариантах он поет по иному случаю. Кстати заметим, что песенная часть в варианте Бабаджан-бахши занимает совсем незначительное место.

Последующие сцены поездки Гёр-оглы за Гыр-атом и его возвращения совпадают с вариантами других бахши, за исключением двух моментов. Во дворце шаха героя схватывают из-за предательства Хамзы, а Гыр-ат после этого убивает всех, кто к нему пытается приблизиться. Уже отмечалось, что роль Хамзы в разных вариантах и версиях трактуется по-разному. В одних — он выдает героя, в других — сдерживает данное на мельнице обещание и помогает Гёр-оглы спастись, увести своего коня и разгромить шаха.

¹⁰⁷ Там же.

Своеобразен краткий вариант главы, записанный в Мары в 1943 г.¹⁰⁸ Его начало близко к зачину Пальван-бахши: «Элкысса, мухтесер, хабары кимден алын — Чардаглы Чандыбил дийилен юрт барды...» — «В стародавние времена была страна Чардаглы Чандыбиль...», которой правил Джигали. У него было три сына. Старший — Генджим-бек — был богат, но так скареден, что родному отцу не поможет. (Во всех вариантах Гёр-оглы подтрунивает над богатым родственником и нередко грабит его стада). Сын Джигали — Ады-бек, будущий отец Ровшена — жизнерадостен, щедр, проводит жизнь в боях. Сыну его, Гёр-оглы, встречаются однажды сорок чильтенов¹⁰⁹ и просят принять их в его дружину. Гёр-оглы приводит джигитов в крепость и с благословения отца становится во главе их и всей крепости.

Далее идет, как обычно, эпизод похищения Гюль-Эндам у Рейхан-араба, который купил красавицу у Ширван-шаха за сто пятьдесят тысяч золотых.

В марыйском варианте несколько отличаются детали рождения Гёр-оглы. Здесь Ады-бек сам находит сына в могиле своей умершей беременной жены. Подсказал ему это во сне Хидр¹¹⁰. Святой же наделяет мальчика чудесной силой и дает ему имя Ровшен (Ровшан). Ровшен растет богатырем. Он смел, находчив, сильнее своих ровесников, шутя опрокидывает лавки торгашей¹¹¹. Богачи тайно решают покончить с ним. Но об их заговоре Джигали-беку сообщает друг, и старик с семьей откочевывает в страну Хункара.

Своеобразно изображена служба Джигали-бека и Гёр-оглы у Хункара. За храбрость и ум Джигали-бек уже в первый год носил нож и секиру, на второй — сел на коня, а на третий стал меремом — вельможей. Сановники завидуют карьере Джигали-бека, сетуют на то, что шах приблизил к себе туркмена, который ничем, по их мнению, не отличается. Однако повелитель хвалит Джигали-бека за прекрасное знание коней. Тогда при-

¹⁰⁸ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 733 (фольклор).

¹⁰⁹ Чильтены — мифические существа, обычно помогающие путникам, страдальцам в минуты опасности и т. д.

¹¹⁰ Хидр, Хыдыр — мифическое лицо домусульманского разряда, покровитель путников, растений и т. д.; в исламе — пророк.

¹¹¹ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 733 (фольклор), стр. 7.

дворные просят, чтобы Джигали-бек указал лучшего коня в шахских табунах. Джигали-бек на ветроногой верблюдике едет в Арабистан, три раза объезжает его, но не находит желанного коня. (Этого шгреха нет во многих версиях «Кёр-оглы», но встречается он в одном из турецких вариантов).

Затем следует эпизод с водяным козем и рассказ о появлении на свет неказистого, похожего на собачонку жеребенка, будущего знаменитого коня Гыр-ата.

Одна из сравнительно ранних записей главы сделана среди иомудов Красноводского района со слов скотоводов Рахманберды Худайберды-оглы, Аширмамеда Дурды и Кочмурада¹¹². Вариант начинается с главы о рождении и детстве Гёр-оглы. Стиль зачина аналогичен дастану: «Эмма равылар андаг ровайт кыларлар ким, кадымыл-эйямда...» — «Рассказывают, что в стародавние времена...» у одного шаха был конюх по имени Джигали-бек. Шах приказал залить конюху глаза свинцом за то, что тот для шаха выбрал самого маленького, тощего и самого неказистого жеребенка.

Красноводский вариант, сохраняя основные сюжетные линии главы, отличается некоторыми деталями, например, у Джигали-Кёра (вместо Джигали-бека в прочих вариантах) жена умирает, будучи беременной, на ее могиле обнаруживают ребенка, ловят его и передают слепцу. Здесь Гюль-Эндам — жена не Момина, а Джигали-Кёра. После бегства от шаха он с семьей селится на берегу Араза, и все его богатство составляют кобылица да корова с теленком.

Далее следует рассказ о сорока каландарах, гостивших у Джигали-бека и рассказавших потом Рейхану о красавице Гюль-Эндам. Араб-Рейхан изображается гротескно: «Он зарезал двух быков, проглотил их разом, затем покурил терьяку и отправился на Чанды-биль»¹¹³.

Последующий рассказ об умыкании Рейханом красавицы и рождении жеребенка от арабского коня аналогичен остальным вариантам.

¹¹² Там же, инв. № 390 (фольклор), запись 1935 г.

¹¹³ Там же, стр. 9.

Появившийся на свет жеребенок похож на «лысую мышь», но обладает удивительными качествами. Однажды он в миг перескочил через реку и оказался далеко на другом берегу. Юноша с хлебом за пазухой идет искать жеребенка. Ему встречается Али, который отдает мальчику свой меч, дарует сто двадцать лет жизни ему и его коню и нарекает мальчика именем Кёр-оглы (Гёр-оглы). (Этот эпизод почти не встречается в других вариантах).

Герой вооружен старинным оружием — луком (сары яй).

Весьма большие отклонения от сюжета главы содержатся в чарджоуском варианте, записанном у известного сказителя Овлиякули-бахши¹¹⁴.

Здесь те же мотивы рождения героя в могиле, ослепления его отца, похищения тетки героя Рейхан-арабом и появления на свет сказочного коня, а также одинаковы имена основных героев. Но по данному варианту, Генджим-бек не сын Джигали-бека, а его брат. Момин и Ады-бек вообще не фигурируют в главе. Страна братьев — Чандыбиль. Братья сумели установить мир и согласие в государстве. Они были красноречивы, музыкальны и хорошие охотники. К братьям тянулись люди. Народ избирает их ханами — старшим ханом Джигали-бека, младшим ханом — Генджим-бека.

Однажды, собрав джигитов, братья едут поохотиться и поискать невест в землю древнего туркменского племени емрели, где их принимают с почестями. Уезжая из гостей, они похищают девушку, которую встретили у колодца. (Бахши оговаривается, что он запомнил песню, которую пел отец, рассказывая о похищении Джигали-беком емрелинки¹¹⁵). Устраивается сорокадневный той, и на девушке женится Джигали-бек. Генджим женится на своей тетке.

У Джигали рождается сын, которого нарекают именем Ровшен. Спустя шесть месяцев после рождения

¹¹⁴ Овлиякули Коч (Гоч)-оглы родился около 1872 г., потомственный бахши из племени эрсари, аула Бешир Ходжамбасского района Чарджоуской области ТССР, петь и сказывать начал с восьми лет.

¹¹⁵ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 62 (фольклор), запись 1941 г.

Ровшена умирает его мать, после чего мальчика воспитывает жена Генджима. Джигали-бек берет себе в жены туркменку из иомудского племени. Через два года емерлинцы находят случай отомстить Джигали-беку за похищение девушки. Они ловят на охоте Джигали-бека, привозят к себе и вырывают ему глаза. Несчастного слепца сажают на коня, который чудом доставляет хозяина домой в Чандыбиль. В отсутствие Джигали-бека временно главой Чандыбиля назначен Сафар-Мехрем, один из будущих соратников Кёр-оглы. (Это первое упоминание его имени).

Ровшен, получивший прозвище Кёр-оглы, растет резвым и шаловливым ребенком. Когда мальчику исполняется четыре года, Генджим поручает ему пасти табун лошадей в лесу возле Арала. Кёр-оглы мастерит себе лук, стрелы и охотится на дичь и зверей.

Однажды Кёр-оглы видит, как араб по имени Рейхан в одно мгновение пересек на коне реку Арал. Юноша просит Рейхана пустить коня в табун. Араб согласен, но требует, чтобы женщина, стирающая на берегу белье, подала ему воды. Кёр-оглы идет к ней, рассказывает обо всем, и та, опечаленная неожиданной задачей, все же решает поднести миску воды незнакомцу. Араб пускает коня на случку. Затем насильно сажает женщину на своего коня и увозит. В отчаянии Кёр-оглы восклицает: «Араб! Будь честным: назови страну, откуда ты прибыл сюда?». «Я из Мусула...», — отвечает тот. (Это было названием одной крепости, — добавляет Овлиякули-бахши).

Вариант главы «Рождение Гёр-оглы» записан также от Недир-бахши Пельван-оглы из аула Мехинли Каахкинского района¹¹⁶. При сохранении общих сюжетных линий (рождение героя в могиле, ослепление его отца по приказу шаха, выращивание Гыр-ата и месть Гёр-оглы), мехинлинский вариант рассказывает о пастушеских занятиях Гёр-оглы. Мальчика в могиле находит пастух и усыновляет его. Они вдвоем пасут табун лошадей. От кобылы, которую покрыл морской конь, рождается «никудышный» жеребенок.

Согласно мехинлинскому варианту шах ослепил чабана за то, что тот хотел получить в подарок от него

¹¹⁶ Там же, инв. № 555 (фольклор), запись 1939 г.

именно этого «никудышного» жеребенка, а шах счел это за оскорбление. Сын успокаивает слепца, обещая отомстить жестокому правителю. Но пастух советует ему сначала вырастить из жеребенка боевого коня. Конь взращен. Кёр-оглы убивает шаха и вместе с пастухом исчезает.

Далее повторяется эпизод с погоней и характеристика разных пород лошадей. Примечательна деталь: беглецы приезжают в местность Вай-Хенгам (в других вариантах — Веенгам; этот район обычно связывают с походом Гёр-оглы за Овезом и локализуют его в низовьях Каспийского моря). По просьбе отца-пастуха герой подает ему напиток воды из Каспийского моря, после чего тот «узнает все, что происходит в мире».

Заслуживает внимания вариант «Кёр-оглы», бытующий у туркмен Советского Таджикистана¹¹⁷. Глава «Рождение Кёр-оглы», записанная от сказителя из племени эрсари Худайназара Джума-оглы (ныне ему более пятидесяти лет) из Джиликульского района, начинается с описания места, где расположена страна Кёр-оглы — Чандыбиль: «Кадым заманларда Чандыбил диен бир юрт барды. Ол юртда бейик-бейик төрт даг барды. Онсоң оңа Чардаглы Чандыбил диердилер» («В давние времена была страна Чандыбиль. В этой стране были четыре высокие горы. Называли затем ее Чардаглы Чандыбиль»). Ценно свидетельство эпоса о том, что «большинство народа (Чандыбия. — Б. К.) было скотоводами: они пасли верблюдов, лошадей, рогатый скот... жили они на берегу Аральского моря, а сами были туркменами»¹¹⁸.

В целом сюжетные линии варианта те же, что и у Пельван-бахши и некоторых других певцов. Но по варианту Худайназара Джума-оглы, герой рождается не в могиле умершей матери, а извлекается из ее чрева знаменитой лекаркой до захоронения женщины.

Здесь по-иному изображена сцена Гюль-Эндам с Ады-беком. Он находит красавицу одну, в беспомощности на верблюде. Оказывается, женщину бросил Рейхан, купивший ее за большие деньги в Ширване. Он удрал,

¹¹⁷ Там же, инв. № 888 (фольклор), запись 1955 г.

¹¹⁸ Там же, стр. 1.

испугавшись каких-то разбойников. Гюль-Эндам ненавидит Рейхана.

Характерна и деталь наречения героя именем: каждый из односельчан предлагает какое-то имя (как в дастане «Зохре и Тахир») и в результате мальчику дают два имени — Ровшен и Кёр-оглы.

Специфичен портрет Ады-бека: «Глаза у него были похожи на ястребиные, уши как у филина, усы — словно хвост у ласточки».

Вокруг него собралось сорок джигитов, «обиженных и отчаянных».

Своеобразен стиль варианта. Например, в прозе попадают ритмизованные строки (...гарамал бакарды... сува якарды).

Вариант «Кёр-оглы», записанный в Таджикистане, интересен не только как особая ветвь эпоса, но и тем, что может дать многое и в плане сравнительного изучения таджикской и туркменской версий.

При сравнении первой шаха туркменского эпоса с азербайджанско-кавказскими и турецкой версиями «Кёр-оглы», приходится констатировать, что она стоит особняком, являясь как бы предысторией событий, рассказанных в эпосе. Она рисует необычайное рождение и сказочно-богатырское детство героя. Эта линия повествования наличествует в среднеазиатских версиях «Кёр-оглы». Возьмем, к примеру, одну из публикаций узбекской версии, имеющей близкую параллель у туркмен, таджиков, казахов. Вот ее начало: ...*اما راويان اخبار...*

¹¹⁹ *چندی بیل دیان بر یورت دار ابردی* «Итак, в стародавние времена... была страна под названием Чандыбиль». Ею правил хан по имени Джигали-бек. У него умерла жена, тяжелая на ноги. У нее в могиле родился сын...

Надо полагать, что эпизод выхода эпического героя из могилы не связан с южноазербайджанской версией и, по всей вероятности, уходит своими корнями в глубь веков, в местную старинную эпическую традицию, связанную с анимистическими взглядами создателей и хранителей эпоса.

¹¹⁹ *قصه کوراوغلی سلطان، تاشکند، ۱۳۳۵*

«Женитьба Гёр-оглы» («Гёроглының өйлениши»). Эта глава имеет небольшую вариантность. Обычно шаха невелика по объему и почти всегда в ней подчеркивается, что герой влюбляется в сказочную девушку — перн Ага-Юнус, женится на ней и слушается ее советов. Например, в варианте уже упомянутого Недир-бахши из Каахка отмечается весьма лаконично, что «однажды парень (Гёр-оглы. — Б. К.) взял себе в жены одну перн, которую звали Ага-Юнус» ¹²⁰.

Подробный рассказ о поездке героя за возлюбленной, о его борьбе с чудовищем и прочие приключения встречаются в репертуаре лишь у немногих бахши. Наиболее полный вариант «Женитьбы Гёр-оглы» зарегистрирован в репертуаре Пельван-бахши, который начинает главу словами: «Ол выгтда хабары кимден ал-Кероглы кырк йигиди билен...» («О ком из [людей] тех времен хотите услышать весть? О Гёр-оглы и его сорока джигнтах...»). И заканчивает повествование так: «Ага-юнус перн Кероглының гойнуна гирди. Булар мунда гужаклашип ятыберсин. Ягшы етсин мырада, яман галсын уяда. Олар галын нам болжак, — хемме етсин мырада». («Ага-Юнус упала в объятия Гёр-оглы. Пусть остаются они в объятиях друг друга. Хорошие пусть будут благополучны, плохим — позор. Да что толку в их позоре? Пусть все достигнут желаемого») ¹²¹.

Краткий сюжет главы таков: Гёр-оглы проводит время на охоте и в битвах с разными противниками. Однажды он во сне влюбляется в красавицу Ага-Юнус из сказочной страны перн. Веселые друзья героя (Сафар-Косе и др.) подшучивают над ним и уклоняются от его предложения сопутствовать ему в поисках приснившейся милой. Но Гёр-оглы решителен и неустрашим. Он один отправляется в путь. Дорога предстоит ему дальняя, но на своем крылатом коне он покрывает ее всего за сорок дней. На пути героя встречаются разные препятствия (чудовище-дракон, охраняющий подступы к стране Ага-Юнус, и т. п.). Герой успешно их преодолевает и, наконец, встречается с девушкой. Перн отвечает взаимно-

¹²⁰ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 555 (фольклор).

¹²¹ Там же, инв. № 680 (фольклор), запись 1937 г., стр. 150—201.

стью на любовь Гёр-оглы, и они соединяют жизни. Глава заканчивается счастливым возвращением Гёр-оглы вместе с Ага-Юнус в страну Чандыбиль.

В варианте Пельван-бахши кроме Гыр-ата появляется конь по кличке Думанлы-Гыр, который украшает конюшню Гёр-оглы.

Непосредственно за главой «Женитьба Гёр-оглы» в варианте Пельван-бахши следует шаха «**Месть Арабу**» — «Арапдан ар алыш», которая иногда сокращенно называется «Месть» — «Ар алыш». Сюжет ее заключается в следующем.

Надежно укрепив крепость Чандыбиль, герой отправляется в поход против Рейхана, чтобы отомстить за похищение тетки. Вначале Гёр-оглы думает взять с собой своих помощников — сорок джигитов, но весельчак Сафар-Косе не одобряет его желание и советует ехать одному, ведь в свое время Араб поступил таким же образом.

Гёр-оглы в стране Рейхана. Из дворца феодала, где томится Гюль-Эндам, по совету и с помощью своей тетки герой похищает любимую дочь Араба — прекрасную Бибиджан. После пробуждения от богатырского сна Рейхан гонится за Гёр-оглы и настигает его у реки. Но чандыбильский герой на Гыр-ате мигом перескакивает через реку, чего не в силах сделать Рейхан. Гёр-оглы может здесь же прикончить Рейхана, но щадит его по горячей просьбе Бибиджан. Богатырь Чандыбиля возвращается домой.

Этот сюжетный стержень сохраняется во многих других вариантах главы, различия отмечаются лишь в деталях. Например, красноводский вариант¹²² интересен гротескным изображением Араба: обычно он спит двое суток подряд и, чтобы его разбудить, Гюль-Эндам прижигает ему ноги и живот большим шомполом. Но и тогда Араб не сразу поднимается, а проснувшись, жалуется на укусы «не то комара, не то блохи», которые якобы не дали ему выспаться.

¹²² Там же, инв. № 390 (фольклор).

По чарджоускому варианту «Гёр-оглы», записанному от колхозника сельхозартелли «Искра» Сакарского района Язгулы Берды-оглы из племени эрсари ¹²³, река Араз-Арал названа Газазом, увезенная Рейханом из Чанды-биля тетка Гёр-оглы носит имя не Гюль-Эндам, а Ляле-хан, дочь Араба зовут не Бибиджан, а Ага-Новзер (Новзара, Новзер-хан). Так обращается к ней служанка, которая будит свою госпожу песней:

Багында гүллер ачылды.
Агановзер хан, тур иңди!

В саду твоём раскрылись розы.
Ага-Новзер-хан, встань теперь!

В песне-диалоге тетка уговаривает девушку выйти за героя, но та вначале отказывается.

Вслед за этим идет песня-диалог Гёр-оглы и девушки. Герой рассказывает, кто он и откуда («Мензилим Сылдыз даглыям...» — «Моя обитель на Силдыз-горе»; в некоторых вариантах «Йылдыз даг»).

По возвращении на родину Гёр-оглы поет песню, в которой рассказывает об отмщении Рейхану (в отместку за похищение тетки он отобрал у Араба дочь и победил его в стычке у реки):

Гёроглы дийр, ёкдур арман...
Бойы кырк гез, махы-табан.
Бир ягшы зенан гетирдим.

Гёр-оглы говорит, нет сожалений...
Ростом она в сорок гезов, полная луна.
Я привез добрую красавицу.

Эти и некоторые другие песни (например, песня «Мама-джан») чарджоуского варианта отсутствуют в репертуаре многих бахши.

Варьируются детали в шаха, записанной от сказителя Гельды-бахши ¹²⁴. Здесь говорится, что Джигали-бек — отец (а не дед) Гёр-оглы и что после смерти беременной жены, у которой в могиле рождается Гёр-оглы, он же-

¹²³ Там же, инв. № 774, запись 1945 г.

¹²⁴ Там же, инв. № 414 (фольклор), запись 1937 г.

нится второй раз на Ляле-хан (Ляле-ханум). Когда вторая жена стирает на берегу реки Газал, а Гёр-оглы пасет лошадей, Рейхан похищает женщину. Гёр-оглы объясняет отцу, что Ляле-хан утонула в реке. Джигали-бек прогоняет недоброго вестника в пустыню и, оплакивая горячими слезами жену, теряет зрение. Гёр-оглы пасет в пустыне лошадей и выращивает сказочного коня. Возвратившись домой, он восстанавливает отцу зрение наложением своего платка на глаза. Затем Гёр-оглы отправляется в поход на Ага-Рейхана, отнимает у него дочь по имени Новзер (Ага-Новзер) и топит в реке Газал его коня. Доставив девушку в Чандыбиль, герой отдает ее своему отцу, который в отместку Рейхану женится на его дочери.

«Овез привезен» — («Өвез гетирен»). Это, пожалуй, одна из наиболее распространенных и устойчивых глав сказания «Кёр-оглы». Овез (Аваз, Айваз, Эйваз, Ховез) — приемный сын Кёр-оглы и храбрый воин. По всей вероятности, рассказ об Овезе в конечном счете восходит к южноазербайджанскому варианту, который связан с личностью исторического Аваза (об этом мы писали в начальных главах).

Туркменские бахши считают Овеза историческим лицом и указывают город Веенгам, расположенный на иранской территории, как место, откуда юноша был родом. Близ Веенгама бахши локализируют и крепость отца Овеза — Буддур-Кассаба. Развалины города и крепости действительно видны из районного туркменского центра — города Серахса. По свидетельству известного Мухи-баши Аман-оглы (род. в 1880 г.), Веенгам находится в десяти километрах от Серахса, а крепость отца Овеза — в четырех-пяти километрах от Веенгама¹²⁵.

В туркменском «Гёр-оглы» Овез — иранец, похищенный героем из крепости Веенгам у персидского шаха Юсупа, а в азербайджанской Овез — по национальности туркмен. Эпический Овез, конечно, не тождествен с Авазом историческим. По варианту Пельван-бахши¹²⁶, Овез

¹²⁵ Там же, инв. № 928 (фольклор), запись 1958 г.

¹²⁶ Там же, инв. № 680-а, стр. 271—465.

был молодым дружинником — нукером Юсуп-шаха в стране Веенга. Отец его — мясник Булдур-Кассаб.

В поездке за Овезом Гёр-оглы проявляет не только большую физическую силу и искусство джигита, но и талант певца, хитрость и находчивость (сцены переодевания, появления в Веенге под видом продавца овец, скотовода и т. п.). Ловко выманив Овеза из дворца в поле, герой везет его в далекий Чандыбиль. Когда войска Юсуп-шаха во главе с Ленг-везиром и Мустафа-беком настигают Гёр-оглы, он разбивает их.

Лейтмотив главы — тяжелые переживания Гёр-оглы из-за отсутствия у него наследника. Гёр-оглы стремится усыновить Овеза и воспитать его храбрым молодцем, способным защитить родную землю, оказать помощь приемному отцу в опасную минуту. Нет предела радости Гёр-оглы, когда он обретает сына и вместе с ним возвращается в Чандыбиль:

Перзентсизлик зарыи чекдим.
Гөзүмден ганлы яш дөкдүм.
Ахыр Овез дийип чыкдым.
Гелди Овез-оглум гелди!

Я страдал от бездетности,
Проливал кровавые слезы.
Наконец я отправился за Овезом.
Пришел Овез, сын мой пришел!

Характерно, что после смерти деда Джигали-бека мудрые советы даст герою его верная и умная жена — Ага-Юнус, что свидетельствует о значительности женских образов в народном эпосе.

Отметим некоторые специфические черты отдельных вариантов данной ветви эпоса.

В каахкинском варианте, записанном от Недир-бахши¹²⁷, Гёр-оглы едет за Овезом по совету своего отца. Отец рассказывает герою, что двенадцатилетний Овез находится во дворце шаха Рейхана. При встрече с пастухами мясника Гёр-оглы узнает, что хозяин их очень скуп и ничего не платит им за труд. Пастухи помогают

¹²⁷ Там же, инв. № 555 (фольклор), запись 1939 г.

Гёр-оглы похитить Овеза. Больше того, герой увозит также одну из жен из гарема шаха, проникнув туда в женской одежде.

В одном из вариантов этой главы¹²⁸ ехать за Овезом советует герою не отец, а жена, Ага-Юнус. Овез, сын мясника Билир-Кассаба, живет в царстве Хенгар-падишаха. Гёр-оглы проникает во дворец под именем юродивого Хошгельды-дивана и похищает мальчика.

Шах снаряжает погоню в двести пятьдесят тысяч всадников во главе с силачом Токмаком. Но Гёр-оглы с помощью своих сорока джигитов побеждает это огромное войско. Тут подоспевает новое войско шаха — еще двести пятьдесят тысяч воинов во главе с борцом Новзер-Аждарха, но и они были разгромлены героем. Вот подходит третья лавина — двести пятьдесят тысяч конников во главе с Мяликом — и они терпят поражение от Гёр-оглы. Вражеские воины пытаются спастись бегством, а Гёр-оглы преследует их до горы Сулдуз-даг.

Своеобразен красноводский вариант главы¹²⁹. Бездетный Кёр-оглы задумал взять из какого-нибудь аула мальчика и усыновить его. У бая Бултур-Кассаба был сын лет семи-восьми. Когда Бултур умер, Кёр-оглы приехал на Гыр-ате в аул и начал плакать по покойнику. Жены бая приняли его за родственника мужа.

У богача в разных местах паслись по десять-пятнадцать стад овец. Кёр-оглы заявил, что у него осталось стадо Булдур и он просит, чтобы этих овец сын покойника принял. Женщины разрешили Овезу выехать с гостем в поле. Кёр-оглы посадил мальчика на коня позади себя и помчался в Чандыбиль. Он пел для Овеза песни, играл на дутаре, пытаясь развеселить ребенка. Однажды Кёр-оглы потерял его в горах и долго искал его. В Чандыбиле Кёр-оглы усыновил мальчика.

По чарджоускому варианту, записанному от Язкули Берды-оглы¹³⁰, привезти Овеза и усыновить его советует герою его жена — Ага-Юнус. «Ведь иногда прием-

¹²⁸ Там же, инв. № 414 (фольклор), запись 1937 г.

¹²⁹ Там же, инв. № 390 (фольклор), запись 1935 г.

¹³⁰ Там же, инв. № 774 (фольклор), запись 1945 г.

ный сын бывает родней родного. Поезжай за Овезом, Гёр-оглы,— говорит женщина. — У нас не будет потомства. У меня и у тебя не будет наследника».

Серине гурбан болайын.
Хан Овезе гит, Гёр-оглы.
Икмизден зурят болмаз...
Сенден, менден болмаз зурят

Таким образом, в данном варианте основная причина поездки Гёр-оглы за Овезом — отсутствие надежды иметь детей (очевидно, ввиду преклонного возраста).

Ага-Юнус предупреждает Гёр-оглы, что путь его в страну Уриан опасен, и советует взять кого-нибудь с собой. Она далеко провожает героя, пока наконец с большим трудом муж не уговаривает ее вернуться домой. Он просит Ага-Юнус следить за тем, чтобы сорок его джигитов жили в довольстве и согласии и чтобы они были готовы совершить поход в горы Арзылыма (очевидно, Эрзерума).

Гёр-оглы направляет Гыр-ата на гору Перенг-даг. Он летит, оставляя позади горы, реки, скалы, ущелья...

Один из старых вариантов данной ветви эпоса записан предположительно в начале XIX в.¹³¹. Это список на так называемой бухарской бумаге — старинной кустарной бумаге из шелка-сырца.

Своеобразны отдельные места и мотивы этого варианта, в основе своей восходящие, надо думать, к какому-то устному источнику. Отметим следующее. Когда Гёр-оглы отправляется за Овезом, не остаются дома и джигиты, хотя герой поет песню, пугая их опасностями далекой дороги. В пути Гёр-оглы встречает всадника — Каландара, ехавшего из города Везира в Керман. Каландар надеялся получить в жены любимую дочь Палушаха. Но для этого надо было пройти три ее испытания — перескочить на коне ров шириной в сорок гезов (аршинов), перебросить огонь через ее дворец, высота которого семьдесят гезов, и, наконец, победить семьдесят одного ее борца.

¹³¹ Там же, инв. № 880 (литература).

Каландар объясняет, что он едет в Чандыбиль к Гёр-оглы за помощью. Гёр-оглы помогает Каландару добыть богатую невесту, успешно выполнив все ее испытания.

И в этом эпизоде раскрываются богатырская сила Гёр-оглы и его сказочного скакуна и готовность героя оказать помощь тому, кто в ней нуждается и достоин ее.

Заключив побратимство с Каландаром, герой едет в город Динкан, обещая вернуться через три месяца. Перед отъездом он поет песню-наставление¹³², которая в других вариантах приписывается Джигали-беку. Ее начальные строки таковы:

Өзүнден гайры намардын
Гуллугын эдижи болма...
Ватаны терк эдижи болма...

Никогда человеку недостойному [хуже тебя]
Не служи...
Родину никогда не оставляй...

Выразителен и конец песни, где излагается положительная мораль джигита: вежливость, гостеприимство, храбрость:

Өгүш-ха, Гөроглы, өгүш.
Мейханада бишир сөүш.
Дөвүшсөң, мерт билен дөвүш.
Намарды ковуужы болма.

Когда веселишься — веселись, Гер-оглы.
В гостинной пусть варится угощение.
Если бьешься [с врагом] — бейся отважно.
Не преследуй [бегущего] труса.

Есть в этой песне знаменательные слова: «Эесиз ягыш мал болса, Сен ондан алыжы болма» — «Если скот пасется без хозяина, Не бери его». Но Гер-оглы насильно взымает дань с купцов, грабит принадлежащие богачам караваны с товаром.

¹³² Там же, стр. 4.

В пути герой встречает сорок пастухов, которые па-сут скот Булдур-Кассаба. Один из них — Шамердан рас-сказывает, что был когда-то шахом, имел двухсоттысяч-ное войско, но в войне с мясником был побежден и с тех пор пасет его скот, получая всего одну овцу в год.

Гёр-оглы надевает одежду пастуха и едет дальше. Он останавливается в доме одного старика, оставляет у него доспехи и Гыр-ата и отправляется в Динкан (Даманган, Веегган). При расставании с Гёр-оглы «из глаз бедного Гыр-ата полились крупные слезы». Гёр-оглы успокаивает коня песней, каждая строка которой имеет рефрен «Йыглама, Гырат, йыглама!» — «Не плачь, Гыр-ат, не плачь!».

Приход Гёр-оглы в дом Булдур в этом варианте имеет некоторые особенности. Герой попадает на помни-ки отца Овеза, притворно оплакивает его, выдавая себя за ближайшего родственника покойного. Плакальщицы упрекают его в неумении отправлять обряд оплакивания и просят его лучше прочесть молитву. Но Гёр-оглы, поднявшись на холмик и шелкая по пастушеской пал-ке, словно по дутару, отвечает: «Чопан бизлер, турк-менмиз...» — «Мы чабаны, туркмены мы...»¹³³. Он поет о том, что в обычае туркменских пастухов играть и петь, откуда знать им Коран. Он говорит в песне и о том, что пригнал тысячу семьсот баранов для брата и не знает теперь, кому их передать. Ему отвечают, что един-ственный сын его брата — Овез взят слугой к Юсуф-шаху.

Гёр-оглы отправляется во дворец повелителя и на своем пути все ломает и опрокидывает. Шахские вель-можи объясняют такое поведение тем, что это туркмен, степной человек, которого исправит только палка. Шах требует, чтобы Гёр-оглы спел. Мнимый чабан в песне восхваляет Овеза. Шаху понравился туркмен как бах-ши и как скороход (новый штрих в образе Гёр-оглы), и он предлагает Гёр-оглы остаться во дворце. На воп-рос шаха, откуда туркмен родом и чем занимается, ге-рой отвечает, что он — пастух мясника Булдур из Теб-риза («Булдур кассабның Тебриз юртындакы чопаны болурмен»¹³⁴). Эта деталь подчеркивает факт исконной

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, стр. 5.

генетической связи туркменской версии эпоса с южно-азербайджанским вариантом.

Шах обещает выдать за него свою дочь Гюль-Рух (в других вариантах это дочь грузинского царя Леке и на ней женится Овез). Но Гёр-оглы отказывается от дочери шаха, так как он уже женат на пери.

Войдя в доверие к Овезу и его овдовевшей матери, герой берет юношу в поле, чтобы показать ему пригнанных овец. Увидев Гыр-ата, герой поет радостную песню о приходе Овеза («Гөзүңи ач, гөзел Гырат. Гелди Овез жаның гелди!» — «Открой глаза, красавец Гыр-ат. Пришел Овез, душа твоя пришла!»¹³⁵).

Герой надевает на себя кольчугу, опоясывается саблей, берет в руки щит и садится на Гыр-ата. Овез лишь теперь догадывается, кто его спутник. Герой утешает испуганного юношу («Овез, ты мне брат. Ты — брови над моими глазами. Не плачь, хан мой, Овез!»). Вместе они отправляются в Тебриз, туда, где живет Гёр-оглы.

Десять тысяч всадников шаха нагоняют Гёр-оглы и Овеза в горах Юлдуз-даг. Перед боем Гёр-оглы обменивается песнями с певцом Хасан-шахпром, посланным к нему от шаха. Идет бой. Побеждает Гёр-оглы. Но в это время скрывается в горах Арзылум Овез. Только через трое суток герой находит беглеца. Между ними происходит стычка. Гёр-оглы прощает юноше его проступок, совершенный по молодости.

Снова настигает беглецов шахская погоня — десять тысяч воинов во главе с Мустафой. Происходит бой на горе Арзылум. Гёр-оглы так силен, что стрелой из лука пробивает стоящие в ряд семь чинар. Из пронзенных деревьев течет кровь, и они плачут и просят бога защитить их от Гёр-оглы. На пути героя встречается новое препятствие — трескается гора, и Гёр-оглы остается в трещине. Но он преодолевает и это испытание.

Эти моменты характерны только для туркменской и отсутствуют в азербайджанской и других кавказских версиях. Подобные эпизоды встречаются в дастане «Зохре и Тахир» и, возможно, генетически восходят к какому-то общему источнику. Добавим, что и в этой шаха отмечается сильная гиперболизация образов Гёр-оглы и Овеза, в целом присущая среднеазиатским версиям.

¹³⁵ Там же, стр. 8.

●

«Освобождение Овеза» («Өвезиң халас эдилиши»). Это одна из широко известных шаха «Гёр-оглы». Ее часто исполняли и исполняют бахши-сказители. Наиболее полный вариант записан от Пельван-бахши¹³⁶.

Сказание о спасении Овеза (Аваза, Айваза) от виселицы непременно присутствует в азербайджанской и других кавказских версиях «Кёр-оглы» («Багдадский поход», «Журавлиные перья»).

Кроме Кёр-оглы, Овеза, Сафар-Косе, Таймаза, имеющих исторические прототипы, в главе рассказывается о подвиге Мустафа-бека (Гизир-оглы, Гиджир-оглы), курда по национальности. Как и в азербайджанской версии, в туркменском сказании герой заключает с Мустафой побратимство после обычной пробы сил — богатырского поединка. Естественно, что детали этого поединка, характеристика героев и боевого товарищества различны в разных национальных версиях. Например, в азербайджанской версии Мустафа-бек — это отважный джигит, дядя, промышляющий в горах; в начале главы туркменской версии — это борец — пехлеван, служащий у турецкого султана.

Интересен и такой штрих. Мустафа-бек родом из Исфагана, т. е. Южного Азербайджана, и во время службы у Хункара турки дали ему прозвище «Гайры» («Гейри») — «Чужак». Все это говорит о том, что сюжет пленения Овеза и союза Гёр-оглы с Мустафа-беком восходит к южноазербайджанской версии, отразившей события, происходившие в этом районе в XVI–XVII вв.

Мы сравнительно дольше остановились на образе Мустафа-бека по той причине, что в главе «Освобождение Овеза» эпос отводит ему не последнее место; в кульминационный момент Мустафа решает исход борьбы за спасение узника.

Вкратце содержание этой главы следующее.

Гёр-оглы привозит Овеза в Чандыбиль и усыновляет его.

Беки мои! Ваш желанный
Прибыл. Овез, сын мой, пришел.

¹³⁶ Там же, ннв. № 680 (фольклор), запись 1937 г.

Я перенес страдания от бездетности.

И проливал кровавые слезы...

Я искал и наконец нашел Овеза, —

поет Гёр-оглы о своей радости.

Ликует весь Чандыбиль, пируют сорок джигитов. Усыновленный Овез клянется быть верным Гёр-оглы и Юнус.

Враг не успокаивается. Правитель Веенгама Юсуф-шах едет к Хункару — турецкому султану с жалобой на Гёр-оглы и с просьбой помочь ему вернуть слугу Овеза. Султан грозит сравнять с землей туркменскую крепость Чандыбиль. По своему обыкновению, он подсылает к Гёр-оглы лазутчика, чтобы перед тем, как направить в крепость свою орду, тщательно разведать обстановку.

По возвращении шпиона турецкий султан обещает награду в пятьсот туманов золотом, руку своей дочери, большую область в управление тому, кто превратит Чандыбиль в прах и отнимет у Гёр-оглы Овеза.

За это опасное предприятие берется шахский военачальник. Хункар передаст в его распоряжение множество войск («тысячу пушкарей, тысячу фальконетчиков, тысячу копыеносцев, тысячу колдунов» и т. д. и т. п.). Войска подходят к Чандыбилю. Разгорается жестокая битва. Вражеская орда несет большие потери. Редеют и ряды защитников Чандыбиля. Совершается самое тяжелое для Гёр-оглы — Овез захвачен в плен.

Залечив раны, Гёр-оглы вместе с сорока джигитами едет в страну Хункара, чтобы освободить пленника. По пути они овладевают турецкой крепостью Бултур. Переодевшись в форму тамошних стражников, Гёр-оглы и его джигиты являются в столицу турецкого султана. Здесь идет приготовление к казни. Шах решает повесить Овеза за то, что тот не изменил Гёр-оглы, не захотел перейти на сторону султана.

Гёр-оглы ловко входит в доверие к султану и спасает Овеза от виселицы. В этом помогает ему Мустафа-бек. Они вместе громят орду Хункара и с триумфом возвращаются в Чандыбиль.

Для репертуара Пельван-бахши характерно обилие бытовых зарисовок, наличие дополнительных эпизодов. Например, он описывает, как один из ближайших помощников Гёр-оглы, Косе, готовясь достойно встретить воз-

вращающегося из похода героя, приводит в порядок мейхану — гостиную: он стелит ковры и паласы, расставляет рядами подушки, в нишах ставит свежие яблоки, украшает помещение благоуханными розами, разводит огонь, наполняет кумганы чистой водой и ставит их на огонь. Затем ополаскивает чайники, меняет воду в кальяне и т. д. Такое детальное описание «приемной» Гёр-оглы встречается весьма редко в других вариантах. Точно так же многие бахши не дают эпизода с захватом Гёр-оглы пограничной крепости Булдур и истреблением вражеского гарнизона.

Вариант Пельван-бахши уснащен пословицами и поговорками, полными мудрости и юмора («Старый враг другом не станет, черная кошка белой не сделается»; «О скачках спроси у коня, о скотине — у стариков, о битве — у храбрецов, об овцах — у волков» и т. п.).

Говоря о песнях эпоса, связанных с именем Овеза, следует отметить, что сюжеты усыновления, женитьбы, обиды (отъезда), пленения и освобождения юноши в туркменской версии разработаны в самостоятельных главах. Это свидетельствует о значительности линии Овеза в туркменском «Гёр-оглы». Однако в таких среднеазиатских версиях эпоса, как узбекский «Гор-оглы» и таджикский «Гургули», эта линия получила еще большее развитие.

«Женитьба Овеза» («Өвез өйленен»). О женитьбе Овеза рассказывается в туркменской, узбекской, бухарско-арабской, таджикской и казахской национальных версиях. Главы этих версий существенно отличаются друг от друга, сохраняя лишь общие мотивы (отправка сватов в дом знатного лица, отказ выдать дочь за приемыша — Овеза, поездка за девушкой самого Гёр-оглы, доставка невесты и пр.).

В репертуаре туркменских бахши глава «Женитьба Овеза» — одна из наиболее популярных. В 1937 г. шахи записана со слов знаменитого Пельван-бахши¹³⁷.

¹³⁷ Там же.

«Сладок мед, но еще слаще дитя. Гёр-оглы и Юнус давно мечтали женить Овеза и любоваться внуком», — так начинается рассказ Пельван-бахши. Договорившись с женой, Гёр-оглы созывает людей на пир и обращается к ним за советом, где подыскать Овезу невесту. Гостей было множество, угощение было обильное, все ели-пили, но никто не осмелился назвать девушку на выданье. Ведь Овез — не родной сын Гёр-оглы и за него вряд ли кто-нибудь выдаст свою дочь.

Тогда Юнус советует Гёр-оглы искать невесту для Овеза в далеком Гурджистане (Грузии). У тамошнего шаха Леке три дочери: Нигар, Джахан и Гюль-Рух — одна другой лучше. Но самая достойная — младшая. На ней бы и женить Овеза.

Гёр-оглы отправляет своих ближайших соратников Косе, Таймаза, Мятела, Сумсара, Бед-Рустама, Сансара сватами в Гурджистан. Однако отец Гюль-Рух и слушать не захотел о Гёр-оглы и его сыне. «Угостив» каждого джигита сорока ударами кнута, он прогнал их прочь.

Остается ехать к Леке самому Гёр-оглы. Герой на крылатом Гыр-ате с волшебным дутаром через плечо едет сватать Гюль-Рух. В пути он состязается со знаменитыми певцами и музыкантами, побеждает их и получает призы. Герой одерживает верх над силачами-пехлеванами, а конь его на скачках всегда приходит первым.

Эти состязания — скорее всего форма эпических соревнований жениха с невестой или с претендентами на ее руку и широко представлены в древнем эпосе начиная от гомеровской Одиссеи, коркудовского «Бамси-Бейрека» и т. д.

В дальнейшем мы застаем Гёр-оглы в доме царского садовника, который за большое вознаграждение рассказывает о численности и расположении дворцовой охраны, о том, каким путем можно попасть в покои Гюль-Рух и увезти ее.

Гёр-оглы проникает во дворец, пробирается в опочивальню шахской дочери, которую бдительно охраняет чародейка Хоппишан. Герой привлекает чародейку на свою сторону игрой на дутаре и пением. С ее помощью он усыпляет дочь Леке, похищает ее и увозит в Чанды-биль.

В Чандыбиле давно ждут героя. Юнус, Овез, Косе, Таймаз и остальные джигиты торжественно встречают Гёр-оглы, который снова дает девушке волшебное зелье, и она просыпается. Затем Гёр-оглы и Юнус устраивает по требованию Гюль-Рух пышный смотр женихов, и она выбирает Овеза.

Добавим, что в основных вариантах туркменского «Гёр-оглы» Овез женат на Гюль-Рух, дочери шаха Грузии, как и сам Гёр-оглы женат на мудрой Ага-Юнус, дочери сказочной феи.

«Араб-Рейхан». Хоть эта глава и бытует как самостоятельное сказание о борьбе героя с врагом Рейханом, она по сюжету и мотивам скорее воспринимается как продолжение повествования о женитьбе Овеза либо о схватках героя с арабским феодалом.

Приведем содержание шаха, записанной от Пельванбахиши, который начинает ее обычной формулой: «О ком теперь весть? — Весть о шахе Леке...»¹³⁸. Шах возвращается с охоты и не находит во дворце своей дочери. Властелин допрашивает всех, но никто не может сказать, что случилось с Гюль-Рух. Леке созывает гадалщиков и звездочетов. Гадалщики раскрывают свои книги, звездочеты составляют гороскоп. «Гёр-оглы из Чандыбиля увез вашу дочь», — говорят они. Шах хочет сам отправиться в путь, но сановники советуют ему призвать на помощь всесильного султана Хункара и вместе с ним напасть на страну Гёр-оглы.

Получив послание Леке, турецкий султан посылает гонцов к братьям Рейхана. Но двое из них — Рейхан-араб и Аман-араб — под разными предлогами уклоняются от похода на Гёр-оглы, наводившего на них ужас. Лишь третий брат — Араб-Рейхан (здесь, возможно, имеет место трехкратное сказочное повторение имени одного и того же могучего лица) соглашается пойти войной на Чандыбиль.

Бахиши рисует Рейхана сказочным великаном. О его обжорстве знает вся страна. Когда Рейхан приезжает к шаху, для него специально режут верблюда и, чуть сва-

¹³⁸ Там же.

рив мясо животного, подают гостю. Рейхан берет пятерней то полбатмана, то батман мяса и мгновенно отправляет его в рот словно в мешок. Но мясом целого верблюда он лишь чуть-чуть утоляет голод.

Рейхан на слоне отправляется в путь, нагрузив провизией верблюда и двух лошадей. Еще не покрыв и половины расстояния, он все съедает и расходует весь чай и табак. Мучимый голодом, Рейхан вынужден заняться охотой. Во время охоты великан одним прыжком перемархивает через большую реку, где на берегу пасутся табуны Гёр-оглы. Он ловит упитанную кобылу, поджигает скирду и жарит себе кебаб. Но мясо кобылицы не насытило Араб-Рейхана, и он режет еще одну лошадь.

Табунщик ищет пропавших лошадей и обнаруживает следы загадочного существа. Измеряет ширину шага — она равняется пятнадцати с половиной шагам пастуха. «Хорошо, что это чудовище не съело меня самого!» — думает табунщик. Охваченный страхом, он скачет в Чандыбиль и рассказывает Гёр-оглы о случившемся. «Это чудище наверняка — один из арабских султанов. Если мы его не найдем, то он сокрушит нашу страну. Должно быть, его послал против нас шах Леке», — говорит Гёр-оглы.

Конь героя Гыр-ат воспринимает происходящее событие, как разумный человек, и выражает крайнее беспокойство. Гёр-оглы обращается к коню с песней:

Я готов жертвовать собой ради тебя, Гыр-ат!
Почему в трауре ты?
Ты — мощь бедного моего сердца.
Ты — повелитель всех животных...
Почему проливаешь слезы?

Гёр-оглы с джигитами выходит на поле боя. Там, напившись вина, герой отпускает дружину, а коня с оружием ставит в стороне. Чтобы проспать, он велит укрыть себя бурками сорока джигитов. Рейхан все это время тайком следит за Гёр-оглы из пещеры. Улучив момент, великан набрасывается на Гёр-оглы. Герою чудится, будто это навалился на него Гыр-ат, чтобы по обыкновению разбудить хозяина в минуту опасности. Но разомлевший пьяный Гёр-оглы снова погружается в сон. Великан понимает, что герой не может проснуться,

и крепко связывает его. Он пытается схватить и Гыр-ата, но конь так свирепо бросается на Рейхана, что тот едва остается цел. Потом араб решает пристрелить коня из лука. Но тут пробуждается Гёр-оглы и умоляет араба не губить Гыр-ата:

Тебе говорю, Араб-Рейхан,
Не стреляй в коня, убей меня!
Открой мне глаза, дай повидать коня.
Дай послать его в мою страну...

Небо заволакивается пылью и туманом. Гыр-ат со слезами на глазах скачет в Чандыбиль, а Рейхан увозит Гёр-оглы в плен на верблюде.

Жена героя отправляет Овеза на Гыр-ате на поиски Гёр-оглы.

Как и в других эпизодах, Гёр-оглы и его противник неоднократно обмениваются песнями, угрозами и обращениями. Например, когда довольный содеянным Рейхан поет:

Я поймал главу людей.
Радостен и весел я. Ликую! —

Гёр-оглы отвечает ему:

Мужественный я, но заблудился.
Араб, ты не кичись!
Врасплах я в руки попал.
Араб, ты не гордись!

Во время перебранки Гёр-оглы пытается освободиться от пут. Вскоре отряд Овеза настигает Рейхана. Священный Гёр-оглы советует Овезу, как надо драться. Схватка кончается победой юноши.

Красочно описывается бой Гыр-ата с неприятелем. «Сверкнула сбруя Гыр-ата, блеск его золотого венца сливался с солнечными лучами... Конь прижал уши и ринулся на Рейхана. В одно мгновение, словно пуля, впивается конь зубами в затылок врага». Овез в это время наносит Рейхану удар копьём в спину. Копьё пронзает насквозь тело чудовища Рейхана. «Он лежал, обняв землю... Гёр-оглы вытянул копьё, несчастный ах-

нул и испустил дух. Тело Рейхана положили в огромный мешок, погрузили на слона и погнали его туда, откуда он пришел».

Глава о походе Араб-Рейхана на Чандыбиль и о его печальном конце зарегистрирована у ряда других сказителей. Их варианты отличаются сравнительной краткостью, отсутствием таких подробностей, как количество съедаемой великаном пищи, размер его шага, отсутствием детального описания боя, коня, снаряжения, приготовленного Юнус для отряда смельчаков, отправляющихся на поиски Гёр-оглы, а также сокращением количества песен. Не всегда совпадают и названия главы. Например, вариант Язкули Берды-оглы носит название «Ага-Рейхан» («Господин Рейхан») ¹³⁹. Он лаконичнее «канонического» в стихотворной и прозаической частях. Образы героев положительных (Гёр-оглы, Юнус, Овез) и отрицательных (Леке, Рейхан) не гиперболизируются, как это имеет место у Пельван-бахши, и т. д.

«Сорок тысяч», или «По сорок тысяч» («Кырк мүнлер»), название символическое. Число 40 — своеобразный показатель полноты, множества, укомплектованности, зрелости, совершенства чего-либо.

Что же касается данного сказания, то здесь подчеркивается огромное множество врагов, осаждающих крепость Гёр-оглы, и гиперболизируется сила непобедимого Гёр-оглы, который расправляется с многочисленным войском противника.

В варианте, записанном от Пельван-бахши, рассказывается, что, когда слон с телом Араб-Рейхана появляется в его стране, все противники Гёр-оглы приходят в ярость. Шах Леке обращается к всесильному султану Хункару за помощью. Хункар во все подвластные страны (Исфаган, Нишапур, Арабистан, Себзевар, Керман, Осман, Тебриз) рассылает приказ отправить к нему нукеров. В течение трех месяцев он собирает большое войско и трогается в поход на Чандыбиль. Прибыв к крепости, Хункар производит подготовку к осаде.

¹³⁹ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 780 (фольклор), запись 1945 г.

Гёр-оглы переодевается в лохмотья и проникает в шахскую орду, чтобы разведать численность отрядов, а заодно рассказами о мощи Гёр-оглы, о его богатырских играх посеять ужас в рядах шахского воинства.

У противника тоже были свои лазутчики, сочинители и музыканты. Одному из певцов султан приказывает поведать о своей орде слуге Гёр-оглы. Певец берет в руки дутар и поет:

Из Дамангана, Лосана, Ширвана и Халепи
Сорок тысяч вооруженных пришло со всех сторон.
Сорок тысяч еще в кольчугах пришло.
Сорок тысяч вельмож верхом на иноходцах,
Сорок тысяч торговцев прибыло сильных.
Сорок тысяч метких стрелков пришло.
Сорок тысяч чародеев, сорок тысяч лазутчиков...

И нет конца этим «сорока тысячам» воинов и прочих приверженцев султана.

В стане врага Гёр-оглы показывает исключительную ловкость и силу, мастерство ведения боя. Захватывают всех его богатырские игры, стоившие жизни многим султанским нукерам.

Сцены боевых игр Гёр-оглы представляют собой эпическое клише, часто встречающееся в разных сказаниях о Гёр-оглы, а также в некоторых других произведениях героического эпоса. Вспомним, к примеру, богатырскую игру Сосрыко (Сосрыква) в «Нартах». То же можно сказать о туркменских дастанах «Гюль и Бильбиль», «Саят и Хемра», «Зохране и Тахир», где герои в порядке демонстрации перед врагом своей физической и магической силы и мастерства боя убивают драконов, дэвов, раскалывают горы, заставляют стаю журавлей опуститься на землю и т. п.

Описание боя, чаще поединков, занимает значительное место во всех ветвях «Гёр-оглы». Приведем подобную сцену. «Стоят два войска друг против друга: с той стороны — Хункар, с этой — Гёр-оглы. Вскоре вышли на поле сто шестьдесят тысяч воинов султана. Гёр-оглы двинулся к ним с сорока джигитами. Сражение было жестокое. Шестьдесят тысяч нукеров шаха погибли убитыми, а остальные убежали».

Шах бросает против Гёр-оглы новые отборные силы

во главе с ханом Мустафой. Происходит кровопролитный бой. Из врагов уцелел один Мустафа. Гёр-оглы наносит и ему такой сильный удар саблей, что клинок входит в тело хана на два пальца. Он еле добирается до султана и валится у его ног.

Султан посылает на Гёр-оглы новое войско под началом хана Кашгара. Гёр-оглы, как обычно, перед боем обращается к противнику с песней, полной отваги и мужества:

Кашгар-хан! Когда разгорается бой,
День наступает для джигита.
Когда ослабнут лошади, буйствуют верблюды,
Открывается с четырех сторон кровавое поле...

Трус бежит, храбрец гонится и настигает.
Эй вы, враги! Будете вы схвачены за шиворот.

Военачальники Хункара разбиты, а сам повелитель спасается бегством.

Гёр-оглы получил сорок две раны. На помощь ему приходят отважные джигиты. Они несутся туда, где раздаются выстрелы, и видят, что израненный Гёр-оглы еле держится на коне, ухватившись за гриву. Джигиты везут его в Чандыбиль.

Раны Гёр-оглы заживают под влиянием звезд (эта вера в чудотворное действие небесных сил на человека имеет параллели в азербайджанской и курдской национальных версиях «Кёр-оглы»).

●

«Сервиджан» («Сервижан»). Так называется одна из шаха туркменского «Гёр-оглы»¹⁴⁰. В ней рассказывается о нападении войск султана во главе с Шасепидом на страну Гёр-оглы, о пленении Овеза, о его освобождении и женитьбе на царевне Сервиджан.

Турецкий султан Хункар повелевал семью иклимами¹⁴¹, но не был властен над Чандыбилем. Однажды

¹⁴⁰ Записано в 1943 г. от Нури-бахши Халык-оглы из Куня-Ургенского района Ташаузской области, инв. № 817.

¹⁴¹ Семь иклимов — т. е. семь климатических поясов, имеется в виду весь мир.

Хункар отправляет своего грозного военачальника Шасепада с несметным войском на «страну ослиного вора Гёр-оглы!».

Когда герой находится на охоте, враг нападает на Чандыбиль и уничтожает людей. На борьбу с неприятелем встает дружина под водительством Овеза, Косе и Юнус. Происходит жаркая битва. Шахские нукеры несут огромные потери, но им удается захватить в плен Овеза, любимца Гёр-оглы, и доставить его к Хункару.

Хункар требует, чтобы Овез изменил Гёр-оглы, выдал все его тайны и покорно служил ему, турецкому султану. Овез не соглашается, и султан бросает его в зиндан.

Как и в ряде других эпических произведений тюркоязычных народов (например, в «Деде-Коркуде», «Юсуф и Ахмеде»), дочь султана сочувствует узнику и оттягивает его казнь. В скором времени Гёр-оглы в одежде певца и музыканта с помощью царевны Сервиджан проникает во дворец и спасает Овеза от виселицы.

Сервиджан тайно уезжает с Овезом и Гёр-оглы в Чандыбиль, где герой организует смотрины женихов. Овез уже женат, и Сервиджан выбирает среди джигитов достойного ее молодца Мирема.

Как и в большинстве других вариантов «Гёр-оглы», глава «Сервиджан» кончается описанием пышной свадьбы, устроенной Гёр-оглы.

Песня «Сервиджан» примыкает к группе шаха, разрабатывающих в основном сюжеты пленения и освобождения Овеза и богатырского сватовства героев эпоса. Но для нее особенно характерно наличие романических и сказочных элементов и ситуаций (заклинания, волшебство, магические действия старухи-колдуньи, а также самой героини).

«Овез обижен» («Овез ёйкелэн»). Глава составляет органическое целое с другими шаха сказания. Она зарегистрирована, в частности, в репертуаре Пельван-бахши¹⁴², но почему-то опущена во втором издании эпоса¹⁴³.

¹⁴² Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 680, запись 1937 г.

¹⁴³ «Гёроглы», Ашхабад, 1958.

Эта глава туркменского эпоса не имеет прямых параллелей в иных национальных версиях, но тесно связана с сюжетами усыновления Овеза Гёр-оглы, боя Овеза с Гёр-оглы и последующими событиями, случившимися в жизни юноши.

Содержание шаха таково. Гёр-оглы, получивший в бою сорок ран, прикован к постели. Однажды к нему приходит Овез и просит Гёр-оглы отпустить его домой. Гёр-оглы соглашается. Раны героя заживают медленно — шесть долгих месяцев. Овез все не возвращается. Гёр-оглы выражает тревогу, и тогда джигиты признаются ему, что они обидели Овеза, когда делили трофеи, и он, вероятно, уже не вернется из Веенгама в Чандыбиль.

Овез у себя на родине. Шах Юсуф подстрекает его напасть на Чандыбиль во главе шахских войск. Овез поддается уговору.

Не доезжая до Чандыбиля, у горы Меджнун, он разбивает палатки и готовится к битве с приемным отцом. Гёр-оглы узнает о прибытии неприятельских войск и тоже готовится к сражению. И вот завязывается бой.

В войсках Овеза — отважный Гиджир-оглы Мустафа. Отец завещал ему найти Гёр-оглы, сына Ады-бека и подружиться с ним. Вспомнив этот наказ, Гиджир-оглы оставляет Овеза и направляется к Гёр-оглы. Между ними происходит традиционный поединок — испытание силы, после чего богатыри заключают побратимство. Гёр-оглы в песне восхваляет доблесть побратима.

Без Гиджир-оглы Овез не решается напасть на Гёр-оглы и вынужден отправиться к нему с повинной. Шахские же войска, не выдержав натиска чандыбильцев, разбегаются. Гёр-оглы прощает Овезу его проступок и празднует возвращение юноши в Чандыбиль.

«Гюль-Аим и Эр-Хасан». Это героико-романическое повествование, в основе которого лежит сказание об усыновлении героем сына кузнеца Хасана. Молодой Хасан учится у приемного отца охотничьему ремеслу и искусству боя. Однажды юноша видит во сне красавицу Гюль-Аим, дочь арзилумского шаха, и влюбляется в нее. Девушка также пылает горячим чувством к юному

батыру из Чандыбиля, хотя ни разу не видела его. Однако найти друг друга влюбленным не так легко.

Как-то Гёр-оглы по обыкновению подстерегал на большой дороге караваны и увидел, что неизвестный торговец направляется к нему. Он называет себя жителем Арзилума и рассказывает о любви Гюль-Аим к сыну Гёр-оглы, о ее страстном желании увидеть Хасана у себя во дворце.

Гёр-оглы идет домой, созывает джигитов и говорит: «О джигиты! Одно из сокровенных желаний мужчины — соединиться с любимой женщиной, а стремление девушки — найти себе достойного. Сбылся сон Хасана. И Гюль-Аим влюблена в моего сына, она ждет его. Аим просила через купца, чтобы мы увезли ее отсюда. Кто готов ехать в Арзилум и привезти Гюль-Аим?».

Джигиты совещаются, ведь путь так далек, что и за двенадцать месяцев не добраться до этой страны. Долго никто не откликается на обращение Гёр-оглы. Тогда встает Хасан и поет песнь о своей готовности ехать за возлюбленной.

Видя твердость и решимость сына и гордясь им, Гёр-оглы передает Хасану саблю, лук и пику, сажает его на Гыр-ата и провожает в путь. Хасан едет дено и ночью, без остановок на отдых и всего через двадцать дней вступает в пределы Арзилума. Здесь он выдает себя за конюха из Исфагана. Хасан находит во дворце девушку, она узнает Хасана. Влюбленные дают друг другу клятву верности. Но Гюль-Аим предупреждает Хасана, что у отца множество нукеров и пятеро сыновей-силачей, которые могут навсегда их разлучить. Гюль-Аим и Хасан решают немедленно отправиться в Чандыбиль.

Садовник, заметив их, сообщает шаху о бегстве дочери с чужестранцем. Снаряжается погоня. Военачальник Караман во главе тысячи восьмисот конников скачет за беглецами. Происходит стычка. Хасан и Гюль-Аим громят преследователей и едут дальше.

В погоню отправляется сам шах во главе четырех тысяч всадников. Снова бой. Хасан борется с шахскими сыновьями-силачами и наносит им тяжелые ранения. Вражеское войско в страхе. Теперь шах с верными ему нукерами выступает против Хасана и родной дочери. Хасан обращает в бегство нукеров, но и сам получает

двенадцать ран. Тогда Гюль-Аим снимает с Хасана доспехи, облегчает его страдания, а затем, облачившись в его одежду, садится на коня и врывается в ряды войск. Она теснит и сокрушает всех, кто попадает к ней на пути. Противника охватывает паника.

Три дня воюет Аим. Все люди и твари повержены в изумление. Но кто этот воин? Шахские гадалщики составляют гороскоп и сообщают своему господину, что это его дочь!

Шах на слоне подъезжает к девушке, поет песню, в которой просит дочь бросить чужеземца и вернуться домой. Дочь в ответ наносит слону удар такой силы, что животное раскалывается надвое. Отец уходит прочь.

Вскоре на помощь Хасану и Гюль-Аим подоспевают Гёр-оглы и его храбрецы. Они сокрушают врага. Шах бежит в Арзилум.

Гюль-Аим исцеляет раны Хасана, и все вместе возвращаются в Чандыбиль. Глава завершается веселой свадьбой влюбленных.

В сказании об Эр-Хасане, приемном сыне Гёр-оглы, много захватывающих сцен жарких сражений. Изображены они в сказочной манере, явно гиперболизированы и свидетельствуют о длительном соприкосновении героического эпоса с романтико-авантюжными дастанами.

По национальным версиям разбираемого эпоса известно, что герой усыновляет не только Овеза (Аваза, Айваза), но и Дяли-Хасана (Эр-Хасана¹⁴⁴, Гасана). Овезу посвящено несколько глав («Усыновление Овеза», «Женитьба Овеза», «Обида Овеза», «Освобождение Овеза»), тогда как Хасану — лишь одно сказание. Эр-Хасан едет за невестой сам. Он женится на девушке-воительнице Гюль-Аим, которая в момент суровой схватки с противником проявляет чудеса храбрости и боевой смекалки. Возлюбленная Овеза — Гюль-Рух при всех ее достоинствах существо более пассивное и «мирное», чем подруга Хасана.

По идейному содержанию и художественным достоинствам сказание о Гюль-Аим и Эр-Хасане стоит в одном ряду с лучшими главами туркменской версии эпоса «Кёр-оглы».

¹⁴⁴ Дяли и эр выступают в данном случае как синонимы, означая «мужественный», «отчаянный», «храбрец», «настоящий мужчина».

«Кемпир» («Старуха»). Глава повествует о похищении Гыр-ата. Эта шаха есть во всех национальных версиях эпоса. Но детали похищения и похититель изображаются по-разному, и не только в разных версиях, но и внутри одной версии. Приведем краткое содержание главы по варианту Пельван-бахши.

После тщетных попыток турецкого султана Хункара, арзилумского деспота Хасан-шаха, военгамского властелина Юсуп-шаха, арабского хана Рейхана, нишапурского хана Балы-бека сломить сопротивление Гёр-оглы враги замышляют похитить у героя Гыр-ата. Балы-бек подсылает в Чандыбиль коварную старуху Зулман-кемпир, которая обманом и хитростью устраивается в доме Гёр-оглы.

(В азербайджанской и других кавказских и турецкой версиях в роли похитителя выступает плешивый Хамза — Гамза, Гамза-бек. В отдельных вариантах туркменского «Гёр-оглы» фигурирует Хамза-бек).

Гыр-ат похищен и уведен в Иран, куда пешком пробирается и его хозяин. В Нишапуре Гёр-оглы нанимается скороходом, потом конюхом. После года страданий и мучительного выжидания герой освобождает своего боевого товарища и возвращается в Чандыбиль¹⁴⁵.

Своеобразен чарджоуский вариант главы, которая по имени похитителя называется «Хемзе-бег»¹⁴⁶. В одежде нищего Хамза-бек пробирается в Чандыбиль, где выдаёт себя за беглеца из страны Хункара. Люди угадывают в нем существо недоброе, но гордый, доверчивый и помогающий попавшим в беду Гёр-оглы оставляет Хамзу при себе (мотив, перекликающийся с дастаном «Юсуп и Ахмед»).

Хамза крадет коня Боз-Думана. Его нагоняет на мельнице Гёр-оглы. Хамза переодевается в одежду мельника и пересаживается на Гыр-ата в тот момент, когда Гёр-оглы, оставив коня, связывает мельника, принятого им за похитителя.

¹⁴⁵ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 680 (фольклор), стр. 835—1010, запись 1937 г.

¹⁴⁶ Там же, инв. 774, запись 1945 г.

Хамза передает коня Хункару. Далее идет общий мотив: Гёр-оглы приходит во дворец падишаха в одежде нищего-каландара и возвращает себе Гыр-ата.

Один из вариантов главы под названием «Кемпир-шаха» зарегистрирован в Северной Туркмении в репертуаре крупного сказителя Курбандурды-бахши из племени човдоров¹⁴⁷. Вариант имеет своеобразный зачин: «Кадым эйямында, вагт заманда Чардаглы Чандыбилде текели түркмен илинде Керегулы... сахыпхуруш дөреди» — «В былые времена в Четырехгорном Чандыбиле в стране текинцев-туркмен... родился воинственный Керегулы». Слава о нем разнеслась по всему свету.

В двух крепостях (странах): Нешавур (Нишапур) и Себзевар управляли два шаха. Они долго воевали с Керегулы, но не могли его одолеть, ибо богатыря не брали ни стрела, ни сабля. Шах пообещал сделать управителем крепости того, кто похитит у Керегулы его коня.

Старик Ленгер передает своей старухе Зулмат (Маман-Зулмат) эту весть. Она на осле отправляется в страну Чандыбиль. Караван, с которым едет старуха, движется только ночью, боясь нападения разбойника Керегулы. И вот она на горе Куммет, где и находит ее Керегулы по следу (герой — искусный изчи — следопыт). Гыр-ат, почуввав недоброе, шарахается от старухи, прыгает через ее голову и начинает плакать¹⁴⁸. Но Керегулы жалеет женщину и берет ее в Чандыбиль.

Жена упрекает мужа. «Она погубит тебя, или коня, или сорок джигитов. Она выберется, хоть бросить ее в глухой пустыне, хоть бросить ее в море, она не сгорит даже в огне!» — говорит жена. Но Керегулы помещает старуху у сорока удальцов.

Забoleвает Керегулы. Под видом снадобья старуха дает ему и джигитам опьяняющий напиток, а потом заговорами усыпляет их. Выкрыв коня, золотые украшения и одежду, старуха скрывается. Керегулы встает и видит, что исчез Гыр-ат, и теряет сознание.

Отправляясь на поиски коня, он просит беречь Гюль-Ширин, жить в согласии и дружбе, оберегать

¹⁴⁷ Там же, инв. № 577 (фольклор), запись 1939 г.

¹⁴⁸ Там же, стр. 5.

страну, а если он умрет, то им поможет его дух. («Өзүм өлсөм, рухум голдар сизлери»). Это первые слова о духе Гёр-оглы¹⁴⁹).

До берегов Араза его сопровождают Гюль-Ширин и джигиты. Здесь они собирают камыш и мастерят большой плот, на котором Керегулы пересекает полноводную реку. Прощаясь с женой и друзьями, Керегулы поет известную песнь «Ватаны терк эдип гидижги болма» («Не отвергай родину, не покидай ее»), которая в вариантах эпоса прикрепляется к разным эпизодам.

Герой в стане сорока чабанов. Пастухи стараются утешить Керегулы. Герой поднимается на вершину горы Уч-Куммет и зовет коня песней, в которой, в частности, говорится, что мать коня — Аму-Дарья, а отец — птица.

Керегулы мужественно переносит лишения и невзгоды в пути и с помощью Хидра доходит до Нишапура, где слышится только кизылбашская речь. Здешний шах под страхом смерти запрещает подданным пускать в дом иноземцев. Но бедные и веселые каландары дают Керегулы приют. Они играют на сорока барабанах, сорока сурнах, карнах, дутарах, сорока ситарах, домбрах, гиджаках и г. д.

С наступлением весны каландары уходят на заработки, а Керегулы пасет коз и овец. Здесь бахши подробно изображает детали скотоводческого быта.

Керегулы выдает себя за пленного турка и старается хорошо узнать кизылбашей. Старик-чабан усыновляет героя.

В Нишапуре происходят торжества. Гыр-ат узнает среди присутствующих своего хозяина. Он бросается на Кемпир, которая занимает при царе очень высокое положение. Старуха догадывается, что сюда прибыл из Чардаглы Чандыбия или Керегулы или его ближайшие друзья — Мехтер, или Таймаз, или Сапар-Косе. Герой в одежде скорохода пробирается во дворец Кемпир и убивает ее, а ценности передает усыновившему его старику.

Старик приводит приемного сына к шаху и рекомендует его как хорошего конюха. Керегулы ухаживает за Гыр-атом.

¹⁴⁹ Там же, стр. 12.

Здесь портрет богатыря изображен гиперболически: рот — словно горная пещера, борода — огромная корзина, усы — хвост пятилетнего жеребца, глаза — как колодцы, брови — по каршу¹⁵⁰, голова как тамдыр — печь для выпечки чуреков, уши — как ступы, спина — в пятьсот гезов, волосы на груди — словно ячменные колосья.

Джигитуя на Гыр-ате. Керегулы поет «Об Араз-реке», через которую он не раз переправлялся. Хитрый везир подозревает в седоке самого Керегулы и доносит шаху, но тот не верит везиру и убивает его кинжалом. Однако вскоре мнимый конюх во время объезда коня перелетает через ворота крепости и скачет прочь. За ним мчится погоня. Его настигают. Трое суток длится бой. Керегулы разбивает противника, но сам получает восемнадцать ран. Ранен и Гыр-ат. Обессиленный, герой падает с лошади. В горах ему помогают мифические старцы.

Придя в себя и испытывая голод, он заходит к чабанам и просит уступить ему хоть одну овцу. Но те не дают. Лишь после игры на дутаре Керегулы все же угощают мясом.

Мы полагаем, что этот эпизод восходит к более старому тюркскому эпическому источнику. Он имеет параллели в других дастанах. Того же порядка и другая деталь: Керегулы видит над головой пять журавлей, обращаясь к которым, он спрашивает о родине, о родственниках («Ховадан учан бәш дурна! Бизнц илтер ериндеми?» — «Парящие в воздухе пять журавлей! Цела ли моя страна?»)¹⁵¹.

Керегулы переваливает через горы Уч-Куммет, Арзилум, Думан, Меджнун, Каркар, Чешмер и др. Герой называет горы своими «братьями» и говорит, что они напрасно закрылись туманами, думая, что погиб Керегулы!

Туманы на горах рассеиваются после пения отважного скитальца. Заструились и воды в ручьях и речках, зазеленели травы, запели соловьи — пришла весна при виде Керегулы.

¹⁵⁰ Карш — расстояние между растянутыми большим пальцем и мизинцем.

¹⁵¹ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 680 (фольклор), стр. 76.

В этой песне есть важные строки: «Гырат минип, Ыстамбулы чапардым... Чөл ерлерде хасар гала япардым» — «На Гыр-ате я напал на Стамбул... В пустыне я строил крепости»¹⁵², — ценные именно упоминанием о том, что герой в пустыне строил крепости.

Герой снова у чабанов, и снова они не дают ему овец, так как берегут скот Керегулы, надеясь на его скорое возвращение. Происходит узнавание. А ведь многие, думая, что богатырь погиб, начали даже приставать к его сестре и жене.

Жена, поднявшись на высокую башню, все глядела на дорогу и ждала Керегулы. Вдруг она замечает всадника на богатырском коне высотой в восемнадцать голов.

Весь Чандыбиль ликует при виде Керегулы на Гыр-ате. По просьбе жены герой прощает вину Сапар-Косе, оклеветавшему Овеза. На пиру, продолжавшемся семь дней, Керегулы поет о горемычной судьбе бездетных родителей и о счастье иметь семью, детей, братьев, верных друзей.

Сказание о Кёр-оглы, как уже отмечалось, было принесено туркменскими переселенцами в Ставропольский край в XVII в. В последующие века оно подверглось тому или иному изменению, переработке местными сказителями.

Глава «Кемпир», записанная в ауле Чур Туркменского района Ставропольского края от Бекмухамеда Толекназарова, отличается рядом специфических черт. Они наблюдаются в первых же строках: «В городе Исфахане (вместо Нишапура) жил один сильный кизылбашский шах. Велики были у него владения и войска, широко разошлась молва о грозном падишахе...»¹⁵³. Вежиры передают шаху, что в Чандыбиле появился наездник на сказочном коне, разбойник по имени Кёр-оглы. Нужно лишить его коня, который летает быстрее птицы, разговаривает глазами, а на поле брани заменяет тысячи воинов. Достать коня за большое вознаграждение берется страшная Кемпир. Старуха в стане Кёр-оглы. Она говорит, что суннитка по рождению, а шииткой стала

¹⁵² Там же, стр. 78.

¹⁵³ Там же, инв. № 650 (фольклор), запись 1947 г.

поневоле и что она душой всегда была на стороне Кёр-оглы. Жена героя советует мужу отвезти старуху туда, где он ее подобрал. Но Кёр-оглы не соглашается, считая это низостью. А вскоре старуха, надев на себя доспехи Кёр-оглы, уводит Гыр-ата в Исфахан.

Ага-Юнус, Овез и другие джигиты поют песни, в которых просят Кёр-оглы не оставлять их в Чандыбиле. Герою дороги и Гыр-ат и край Чандыбиль. Он ласково называет их то братьями, то дорогими друзьями. Кёр-оглы в нищенском одеянии отправляется в Исфахан.

В отличие от многих других вариантов здесь много песен, исполняемых главным образом Кёр-оглы, Ага-Юнус. В песнях герой часто сравнивается с голодным волком. Например, «Локти, как у волка, стан и лапы — лвыиные».

На берегу реки Араз путника охватывает сожаление, что в свое время он не послушался советов «дочери Аравии», т. е. Ага-Юнус (первое упоминание о родине жены и ее национальности). Чудесно перейдя реку, Кёр-оглы встречает пастуха, одевается в его одежды и идет в Исфахан. Там он говорит, что он пленный кызылбаш, которого Кёр-оглы использовал как конюха, и что после кражи коня ему удалось бежать из Чандыбиля. В Исфахане он поселяется у бедного старика и становится его приемным сыном. Он каждый день собирает для старика милостыню и узнает наконец, где держат коня, выясняет, где похититель Гыр-ата. Ночью он забирается во дворец старухи, убивает ее, а сокровища передает старику.

Затем следует сцена во дворце самого шаха. Кёр-оглы садится на Гыр-ата, получив по уговору все военные доспехи, «привычные коню». Бахши подробно описывает, как герой в полном вооружении садится на коня и лихо гарцует на нем, исполняя красочные песни, в которых перечисляется вооружение героя: «египетская сабля», «тростниковая пика», «железный халат» — кольчуга («демир дон»). Герой, джигитуя в крепости, обнесенной семью каменными стенами и глубоким рвом, высмеивает хана кызылбашей. Начинается горячая схватка. Кёр-оглы перепрыгивает на коне через семь рядов людей и бьется против пятиста шахских всадников. От

его зычного голоса дрожат горы¹⁵⁴. Когда враги бегут он зовет их на бой: «Хеллевлешен гызылбашлар! Дөнүп, дөнүп, девүшели» — «Трусливые кызылбаши! Вернитесь, вернитесь, сразимся». В этом варианте отчетливо обозначены противники чандыбийца — феодалы Южного Азербайджана.

Кёр-оглы одерживает верх над кызылбашами, но он и его конь возвращаются в Чандыбель израненные (у каждого по десять ран). В горах Кёр-оглы видит, что над ним парит стая журавлей. В песне, обращенной к журавлям, содержатся упоминания о том, что он «грабил купцов» («Безиргене салдым талан») и его женой была дочь шаха Аббаса («Мырадым бар шах Апбасың гызында»)¹⁵⁵. В свое время мы останавливались на южноазербайджанской версии «Кёр-оглы», в которой смерть героя происходит при этом шахе. Упоминаний имени шаха в различных версиях мы до сих пор не встречали. И только в Ставропольском варианте также зафиксировано это имя.

Герой в гостях у пастухов, которые печалятся по поводу исчезновения Кёр-оглы и передают «страннику» о переживаниях семьи героя. Кёр-оглы просит пастухов уступить ему одного ягненка, но те отвечают, что не осмелятся тронуть скот главы Чандыбеля.

Для испытания жены Кёр-оглы посылает особо уважаемого старшего чабана-грузина в Чандыбель, передав ему свое кольцо. Ага-Юнус вместе с Гюль-Ширин первыми видят чабана, вестника радости.

Интересные результаты дает сличение главы «Кемпир», ташаузского (човдорского) и ставропольского вариантов. Заметно весьма близкое совпадение сюжета, отдельных эпизодов и общей направленности повествования, несмотря на то что эти районы сильно удалены друг от друга. Это не случайность. Ведь носители обоих вариантов — представители древнего туркменского племени човдоров. И здесь мы имеем дело с изумительным сохранением эпической традиции в рамках отдельно взятого племени, представители которого живут длительное время в различных местностях.

¹⁵⁴ Там же, стр. 6.

¹⁵⁵ Там же, стр. 5.

Одно из интересных явлений в истории эпоса «Кёр-оглы» — это переход отдельных его ветвей из жанра дастана в сказку, отмечаемое у таджиков, малоазиатских турок и ныне — у туркмен. Примером могут служить сказки «Кёр-оглы», записанные, в частности, в Марыйском и Красноводском районах ТССР. Сказка, зафиксированная в Марыйском районе¹⁵⁶, имеет типичный сказочный зачин: «Бири бар экени, бири ёк экени, гадым эйямда бир Кероглы атлы адам бар экени» — «Жил-был давным-давно один человек по имени Кёр-оглы». Далее рассказывается о похищении Кёр-оглы Овеза, о его женитьбе, о состязаниях в борьбе, скачках и стрельбе из лука. Главный враг Кёр-оглы — Эсен-паша (то же, что Хасан-паша). Примечательно, что в сказке Кёр-оглы часто выдает себя за крестьянина, в схватке с Эсен-пашой действует не только саблей, но и лопатой, а из напитков пьет только чай.

У Овеза рождается сын-богатырь, прозванный Райбеком. Силач Райбек побеждает в борьбе всех юношей, а потом, влюбившись во сне в дочь одного шаха, едет за ней. Там он выполняет условия получения царевны (борьба с великанами), забирает невесту, возвращается с ней домой, где родители справляют им свадьбу.

Того же свойства и сказка, записанная в Красноводске, имеющая обычный зачин: «Бир бир экен, бир ёк экен»¹⁵⁷. В ней, в частности, рассказывается, что шах посылает своего лазутчика с поручением украсть у Кёр-оглы его боевого коня. Вознаграждение обещано забавное — похититель будет положен между сорока девушками. И удивительно, что за это дело берется старая женщина «шамама» — «царица (старшая) среди старух».

В Чандыбиле старуху находит в яме Кёр-оглы и приводит к себе домой. Старуха похищает коня. Кёр-оглы ищет Гыр-ата и наконец находит его в каком-то царстве. Там он именуется себя «Самсыком» («Дурачком»). Однажды ночью Кёр-оглы застаёт старушку меж-

¹⁵⁶ Там же, инв. № 567 (фольклор), запись 1939 г.

¹⁵⁷ Там же, инв. № 444 (фольклор), запись 1938 г.

ду сорока девушками, убивает ее, а сам предается утехам.

С помощью бедняка — названного отца — он поступает на службу конюхом к шаху и, улучив момент, угоняет своего коня. В пути его настигают триста конников. Богатырь побеждает их. Кёр-оглы возвращается домой ровно через семь лет, как и обещал, отправляясь на поиски коня. Но в своем ауле он застаёт большое скопление народа. Оказывается, здесь идут состязания между «женихами» и его женой, которая обещала выйти за того, кто победит ее в борьбе. Однако при виде Кёр-оглы претенденты все разбегаются, и герой счастливо живет с женой.

Эта заключительная сцена сказки перекликается с эпизодами из «Бамси-Бейрека», более древнего памятника тюркского эпоса «Деде-Коркуд», и со сценами дастана «Шасенем и Гариб». Она соответствует сюжету «Муж на свадьбе своей жены».

●

«Харман-Дяли». Это одно из очень популярных сказаний у туркмен и отчасти узбеков названо по имени богатырской девушки Харман-Дяли, или Гюль-Харман. Характерно, что эпитет «дяли» — «безумец», «храбрец» в эпосе приложен не только к имени героев-мужчин, но и девушки-героини.

Сказание о Харман-Дяли неизвестно азербайджанской и другим кавказским версиям «Кёр-оглы» и как таковое является оригинальным творением среднеазиатских сказителей.

Глава выделяется среди остальных ветвей эпоса тем, что здесь в состязаниях по песнопению, игре на дутаре и борьбе Гёр-оглы оказывается побежденным девушкой-богатырей. Показ высоких достоинств женщины, не уступающей мужчине в богатырской силе, в уме, в песенном и музыкальном искусстве, — одно из неоспоримых свидетельств народности эпоса, его органической связи с творчеством демократических, трудовых слоев населения.

В главе впервые фигурирует легендарный ашуг Айдын (ашик Айдын) — глава сказителей, учитель молодых певцов и музыкантов, мудрый наставник туркмен-

ских и узбекских бахши и шайров. Здесь, как и в ряде других дастанов («Асли и Керем», «Саят и Хемра», «Юсуп и Ахмед», «Шасенем и Гариб», «Неджеб-Оглан»), искусству бахши приписывается чудодейственная сила. Песня и музыка помогают герою в достижении цели.

В стране Рум у Арслан-бая на склоне лет родилась дочь, прозванная Харман-Дяли. Она росла богатыршей, жила в специально для нее построенном дворце, окруженном тремя стенами и шестьюдесятью садами. Она держала стражу и триста шестьдесят девушек-прислужниц. Достигнув зрелого возраста, Харман-Дяли решила сама выбрать себе мужа, для чего устраивала смотр женихов. Условия Харман были нелегкими: состязание с нею в пении, в игре на сазе и борьбе. В случае поражения претендента ожидала гибель от руки самой девы. Многие борцы и музыканты, певцы и храбрецы нашли смерть, побежденные дочерью Арслан-бая. В конце концов ей надоело одиночество. Послав в Чандыбиль старуху-колдунью, она пригласила на состязание никем не побежденного богатыря и искусного бахши Гёр-оглы. Гёр-оглы не замедлил с приездом. Он вступил с Харман в богатырское состязание и оказался побежденным во всех видах. Однако дева оставила его в живых.

Гёр-оглы возвращается домой ни с чем, но не оставляет намерения еще раз встретиться на состязаниях с Харман. Он едет к знаменитому ашугу Айдыну, поступает к нему в ученики и совершенствует свое искусство.

В дальнейшем мы снова видим героя в Руме. Сюда же приезжает его учитель — ашуг Айдын со своим учеником, певцом Керемом. Теперь сам Айдын состязается с Харман-Дяли и побеждает ее. Но старый ашуг уступает свое право жениться на деве молодому бахши Керему. Однако отец девушки отказывается выдать дочь за Керема. И только вмешательство Гёр-оглы, пригрозившего Арслан-баю применением силы, решает спор. С согласия Харман-Дяли они устраивают ее свадьбу с Керемом.

Напрашивается вопрос: почему дева не досталась Гёр-оглу и каков смысл состязания с ней? Ответ несложен: туркменский герой в отличие от его двойников в некоторых других версиях (например, в узбекской)

имеет одну жену — Юнус. Но, быть может, и это не главное. Главное то, что как заботливый глава Чандыбия герой обычно добывает невест для своих джигитов и родственников, пускаясь ради этого в дальние и опасные походы. Он привозит для Овеза дочь шаха Леке по имени Гюль-Рух из Гурджистана; для своего дяди Генджима — дочь арабского феодала Рейхана Бибиджан; он женит храбреца Таймаза на сестре купца Безиргена из Ирана и т. д. Не удивительно поэтому, что Гёр-оглы оказывает содействие юному певцу Керему в его женитьбе на воинственной Харман-Дяли.

• Другой вариант сказания записан от известного бахши Махтумкули Карли-оглы в Ташаузе ¹⁵⁸.

Бахши сохраняет общий сюжет сказания о Харман-Дяли. В то же время в стиле Махтумкули Карли-оглы имеются свои особенности. Например, он обычно начинает сказание формулой: «Итак, в былые, стародавние времена...», что напоминает зачин книжных дастанов. В ткань сказа он включает в порядке сравнения имена героев восточного фольклора и литературы (Рустама и др.). Вместе с тем Махтумкули Карли-оглы не стесняется употреблять в ходе изложения грубые слова и выражения, особенно там, где описывается схватка Гёр-оглы с девой, эпизод женитьбы Керема на Харман-Дяли.

Сказанное о стиле главы в равной степени относится ко всему репертуару Махтумкули Карли-оглы, в котором представлены не только разные ветви «Кёр-оглы», но и романтические дастаны «Шасенем» и «Саят и Хемра».

«Харман-Дяли» зарегистрирована и в репертуаре других бахши. Например, весьма краткий вариант главы под названием «Харман-пери» записан от Клычбахши ¹⁵⁹.

В этом варианте сделан акцент на спор Гёр-оглы с женой Юнус. Гёр-оглы хвастает, что он силен, искусен в джигитовке и песнопении. Жена укоряет героя

¹⁵⁸ Там же, инв. № 704 (фольклор), запись 1937 г.

¹⁵⁹ Там же, инв. № 446 (фольклор), запись 30-х годов

в бахвальстве и говорит, что пери Харман во всех огношениях превосходит его:

Ты в Чандыбиле мнишь себя непревзойденным.

Но могущественна и сурова девушка Харман!

Далее кратко излагается известный рассказ о пробе сил Гёр-оглы с девой-воительницей и о победе Харман-пери.

Следует добавить, что в этом варианте главы, как и в среднеазиатских сказаниях «Кёр-оглы» в целом, осуждаются излишняя гордость, самоуверенность, хвастовство, беспечность, праздность и т. п. Такая оценка бахши — хранителей и распространителей «Гёр-оглы» — человеческих недостатков присуща и другим эпическим сказаниям («Юсуп и Ахмед», «Юсуп и Зулейха»).

●

«Безирген»: («Купец»). Так называется одна из наиболее распространенных шаха «Гёр-оглы», письменно зафиксированная в середине XIX в.¹⁶⁰ В Туркмении нет ни одного известного бахши, в репертуаре которого не значилась бы эта глава. Естественно, что она прочно вошла в репертуар Пельван-бахши¹⁶¹. Вот ее краткий сюжет.

Шах Леке, султан Хункар и Юсуп-шах тщетно пытаются натравить силача Безиргена на чандыбильского богатыря. Тот часто проезжает возле крепости Гёр-оглы, а после единоборства с Гёр-оглы становится его побратимом. Тогда шахи поручают это дело коварной старухе Зейнель-Кемпир. Кемпир удается уговорить Вели-Донука (Вели-изменника), чтобы тот столкнул Гёр-оглы с Безиргеном. И вот по подстрекательству старухи и Вели-изменника легковерный и вспыльчивый Гёр-оглы напрасно проливает кровь побратима. Он тут же осознает, что совершил роковую ошибку.

Мужественный и благородный Безирген прощает Гёр-оглы содеянное и поручает ему защиту своей сестры Айсолтан от посягательства феодала Кара-хан-Торе.

¹⁶⁰ Отдел рукописей Ленингр. отд. Ин-та народов Азии АН СССР, рукопись № В-321, лл. 64а—86б.

¹⁶¹ Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 680 (фольклор), запись 1937 г.

Гёр-оглы хоронит Безиргена с большими почестями и воздвигает над его могилой золотой кумбез — часовню с золотым куполом, а ценности покойного отправляет его сестре в Гурджистан.

Айсолтан спешит в Чандыбиль, чтобы броситься на могилу брата и отомстить за него. Девушка-богатырша в мужской одежде прибывает в Чандыбиль. Здесь она находит не только великолепный мавзолей брата, но и скорбящего Гёр-оглы, готового принять смерть от меча Айсолтан. Девушка прощает Гёр-оглы и просит его защитить Гурджистан и ее самое от притязаний Кара-хана, который давно ждал гибели Безиргена. На защиту Айсолтан и ее страны вместо доблестного Безиргена встает Гёр-оглы, который громит врага в решительной схватке. Достойная Айсолтан выбирает себе в мужья отважного Таймаз-бека, лучшего из джигитов Гёр-оглы.

Сюжет не имеет параллелей ни в южноазербайджанском варианте «Кёр-оглы», ни в кавказских и турецкой версиях эпоса и встречается только в одноименных туркменском и узбекском сказаниях. Это свидетельствует о возникновении «Безиргена» в кругу узбекских и туркменских бахши и шаиrow, которые принимали совместное участие и в создании некоторых других дастанов (например, «Юсуп и Ахмед»). Об этом говорит и упомянутый письменный вариант главы, носящей общее название «Кёр-оглы». Рукопись находится в Ленинградском отделении Института народов Азии АН СССР, в коллекции К. П. Кауфмана. Список сделан в 1269/1853 г. в Средней Азии, выполнен насталиком туркмено-узбекского стиля. Приобретен в 1874 г.

Глава по форме представляет собой прозу со стихами. Текст разделен на небольшие части, начинающиеся обычно формулой «Эл-кысса андан соң» — «Сказывают после этого». Конечно, это не самая древняя рукопись «Безиргена», а список с какого-то оригинала.

Глава открывается известной песней «Я ездил на коне восемнадцати аршин [длиной]» («Он секиз арчын ат миндим»), которая в других вариантах поется героем совершенно по иному поводу и в другой главе, а именно: в шаха «Смерть Кёр-оглы» перед гибелью героя. Это говорит о текучести отдельных песен сказания, о взаимопереходах некоторых его фрагментов, мотивов и эпизодов в рамках эпоса.

За исключением свадьбы Айсолтан и Таймаз-бека, общее сюжетное ядро «Харман-Дяли» сохраняется и в данном варианте, который, конечно, имеет свои особенности. В этом варианте, в частности, кроме Чандыбиля, Кёр-оглы действует в пределах Ирана. Здесь нередко упоминается иранская провинция Систан, откуда Безирген был родом (л. 71). Когда герой отправляется защищать Айсолтан и ее землю, он поет:

«Я еду в Систан. Кто желает, пусть собирается на этом поле» (л. 79). Вместе с ним возвращается в свою страну и Айсолтан, которая произносит прощальное слово на могиле брата: «Я еду в Систан. Душа моя — брат, прощай теперь!» (л. 72).

В песне Кёр-оглы заверяет Айсолтан в своей готовности разгромить врага — кизылбашей: «Кизылбашин обратятся вспять — разбегутся» (л. 82).

Перед схваткой с Кара-хан-Торе, напавшим на страну Айсолтан, герой осуждает его за то, что тот разрушил Систан и взял в полон малолетних детей.

Отметим, что Кёр-оглы требует с проезжающего мимо его крепости купца зеката — дани (л. 2), что буквально созвучно словам героя узбекского «Алпамыша»: «Бег оглы зекат берсин тийди» («Сын бека велел заплатить зекат!»).

Далее, если в ряде других вариантов главы героя толкают на убийство Безиргена старуха Зейнель и изменник Вели, то здесь в роли подстрекателя выступает хитрец Сапар-Косе («Сапар-Косе сказал... убить его, а богатство отобрать», л. 70).

Но, повторяем, сюжетная основа «Безиргена», а также имена главных героев (Кёр-оглы, Ага-Юнус, Айсолтан, Сапар-Косе, Кара-хан, Безирген, Ак-бек-оглы) сохраняются, что говорит об устойчивости этой ветви сказания.

Из других письменных источников заслуживает внимания список «Безиргена», хранящийся в Ашхабаде¹⁶². Здесь Безирген назван сыном не Ак-бека, а Салсала. Кёр-оглы требует от него зеката за семь лет.

Коварную старуху зовут Зейнаб-Кемпир. Она подговаривает Кёр-оглы убить Безиргена, запугивая его: «Ге-

¹⁶² Рукописный фонд ИЯЛ АН ТССР, инв. № 107 (литература).

лип юртуң вейран этер Безирген» — «Придет и разрушит страну твою Безирген».

Записан также чарджоуский (эрсаринский) вариант «Безиргена»¹⁶³. Легендарный герой носит имя Кёр-овлы (фонетический диалектный вариант). Безирген изображен здесь не только богатырем и богачом, но и поэтом — шахиром. Он — «сильнейший волк Гурджистана» (волк — положительный эпитет в тюркской эпической традиции). Безирген съедал за один присест целого быка.

Река Араз (Гараз, Газаз), где происходит встреча Кёр-овлы и Безиргена, когда Безирген едет из Гурджистана в Турцию, здесь названа Арал.

Некоторые бахши главы «Безирген» разбивают на две части, выделяя первое посещение Чандыбиля Айсолтан и борьбу Кёр-оглы с Кара-ханом в самостоятельную ветвь. Это характерно и для чарджоуского варианта.

Другая его особенность — повторение заключительных строк каждой песни в следующих за ней прозаических кусках. Типичная боковая линия устойчивого сюжета «Безиргена» — нападение Темир-хана, сына побежденного Кара-хана, на Кёр-овлы во главе огромных войск, в которых было собрано мужское население от семи до семидесяти лет. После окончательного разгрома врага народ хочет выбрать ханом Айсолтан, но, поскольку она отказывается, выбирают другого достойного из своей среды.

Красноводский вариант «Безиргена» интересен тем, что его начало совпадает с ленинградской рукописью, но называется он «Безирген курт ве Кёроглы» — «Безирген-курд и Кёр-оглы»¹⁶⁴. Безирген по национальности курд. Этот великан съедает в один прием целого быка и лошадь. Если одной ногой он стоит на этом берегу реки, то другой — на противоположном; он взвалил на свои плечи и перенес через реку Араз груз, который везли триста верблюдов и два слона. У Кёр-оглы был знаменитый желтый лук — сары яй. Натя-

¹⁶³ Там же, инв. № 701 (фольклор), запись 1935 г.

¹⁶⁴ Там же, инв. № 390 (фольклор), запись 1935 г.

нуть его мог один хозяин. Но и лук не выдержал богатырской силы Безиргена.

При встрече с Кёр-оглы Айсолтан побеждает его в стрельбе из лука, а также в борьбе.

Бахши выделяют из «Безиргена» продолжение повествования о борьбе героя с Кара-ханом. Эта вторая часть называется «Кёр-оглы и Кара-хан-Торе»¹⁶⁵. Ее зачин — «Хабары кимден ал? Хабары Кероглыдан ал» — «О ком весть? — Весть о Кёр-оглы».

Кара-хан здесь изображен как дэв. Когда герой ударяет его саблей, он даже не чувствует удара. Кёр-оглы предлагает дэву походить, и вот только тогда, расколотый пополам, он разваливается.

Геоктепинский вариант «Безиргена», записанный от бахши Берды Эсен-оглы из аула Ян-Кала¹⁶⁶, очень своеобразен, особенно в мотивировке действий Керегулы. В нем, например, рассказывается, что Керегулы нападает на крепости Ирана и Ширван-Шемахи. Шах замышляет поймать и убить Керегулы. Он объявляет, что тот, кто принесет ему голову Керегулы, будет назначен беглербеком — старшим сановником и получит большое вознаграждение. Соглашается это сделать купец из Систана Безирген, сын военачальника Салсала.

Безирген в Чандыбиле. Керегулы он не застает дома, а потому оставляет ему записку: «Я пришел, но не нашел тебя. Если ты мужчина, разыщи меня!» и наклеивает ее на его дверь.

Наконец они встречаются и вступают в борьбу. Но силы их не равны. Здесь вводится легенда, объясняющая могущество Безиргена и его отца Салсала, который, оказывается, боролся с самим четвертым халифом Али.

Далее — обычное развитие действия.

Укажем, что феодал, нападающий на Систан, страну Айсолтан, был властелином Индии. В схватке с ним Керегулы получает множество ран. Но раны, нанесенные ему утром, заживают к вечеру, а раны, полученные вечером, исчезают к утру.

Как и в остальных версиях, Айсолтан выбирает из джигитов своим женихом храброго Таймаза, с которым

¹⁶⁵ Там же, стр. 115—119.

¹⁶⁶ Рукописный фонд ИЯЛ АН СССР, инв. № 599 (фольклор), запись 1950 г.

она справляет свадьбу, продолжавшуюся семь дней. Между прочим, песня «Арманым галмады» («Я не жалею о прошлом»), которой открывается ленинградская рукопись «Безиргена», в геоктепинском варианте завершает повествование.

Кое в чем от остальных отличается и ставропольский вариант данной ветви, записанный от сказителя Абдуллы Пирекеева (р. в 1884 г.) из рода игдыр¹⁶⁷. В нем подстрекают на убийство Безиргена сами сорок джигитов, а на Систан нападает Черный дэв (Кара дэв) из Индии. Данная ветвь «Кёр-оглы» у ставропольских туркмен называется «Кёроглың күрт Безирген сафарманы» — «Поход Кёр-оглы на Безиргена курда».

В ставропольском варианте, записанном от Динмухамада Беке-оглы¹⁶⁸, сохраняется тот же сюжет, что и в предыдущем. Как и там, жена Кёр-оглы — Ага-Юнус названа родственницей (сестрой) Безиргена, а балагур Сафар-Косе, один из ближайших соратников героя, носит еще имя Сафар-Бехрам (в иных вариантах Сафар-Мехрам, Сафар-Мерген и т. д.).

Наконец, укажем, что глава «Безирген» представлена и в эпическом творчестве туркмен, проживающих на территории Советского Таджикистана (Джиликульский район)¹⁶⁹.

Сюжетная ткань ветви, зафиксированной от бахши Кабыла Рахманова, примерно та же самая, что и в остальных туркменских вариантах. Но она имеет свои особенности. В частности, красть коня у Кёр-оглы замышляет не правитель Веенгама или Нишапура, а повелитель Турции Хункар, господствовавший над «семью климатами». Ему захотелось покорить землю туркмен. За доставку коня Кёр-оглы повелитель обещает половину своей казны и царство над одним «климатом». По совету купца Хункар предлагает Безиргену, сыну Салсала, доставить коня, но тот не соглашается. Тогда шах подсылает к Безиргену «шпиона», чтобы натравить великана на Кёр-оглы.

В Чандыбель едет злая старуха. Она нашелтывает

¹⁶⁷ Там же, инв. № 843 (фольклор), запись 1947 г.

¹⁶⁸ Там же, инв. № 570 (фольклор).

¹⁶⁹ Там же, инв. № 888, запись 1955 г.

герою, будто Безирген уже восемнадцать лет не платит дани Кёр-оглы и намеревается завладеть его страной. Кёр-оглы едет к берегам Аральского моря, чтобы подстеречь Безиргена, и видит: едет Безирген в паланкине, который несут четыре слона. Безирген вырывает с корнем четыре больших дерева, чтобы развести огонь и приготовить ужин из целого быка. Великан переносит через Аральское море на плечах, словно цыплят, триста шестьдесят верблюдов. Вода доходит ему лишь до колен. Безирген, чтобы не платить дани, натягивает богатырский лук Кёр-оглы. Но он побежден и перед смертью завещает герою защитить его сестру и страну от покушений великана Кара-хана Берзенги, у которого один глаз во лбу.

Айсолтан, сестра Безиргена, по пути в Чандыбиль останавливается на горе Миневвер-даг. Когда Кёр-оглы с джигитами едут оборонять Гурджистан, они встречают множество беженцев, спасающихся от нашествия Кара-хана-Берзенги. Те рассказывают, что вот уже с неделю, как прибывают войска Кара-хана, и все не видно им конца.

Далее подробно описывается богатырское испытание сил Кара-хана и Кёр-оглы (борьба, схватка с оружием и т. д.). Злой насильник побежден. Айсолтан выходит замуж за соратника героя Бед-Рустема (во всех вариантах — за Таймаз-бека). Замена одного персонажа другим, возможно, объясняется большой популярностью образа Рустема (Рустама), героя персидско-таджикского эпоса и литературы, хорошо известного другим народам, в том числе и туркменам. Поэтому акцент на образе Рустема вполне закономерен, особенно для туркмен, живущих в Советском Таджикистане.

«Смерть Кёр-оглы» — «Кёроглынын өлүми». Туркменские бахши не любят исполнять эту главу, повествующую о смерти любимого героя. У некоторых сказителей он вообще не умирает, а в конце жизни, обычно в возрасте ста двадцати лет, удаляется в горы и скрывается в горной пещере. Характерно, что знаменитый кёроглыхон Пельван-бахши, из уст которого был записан основной текст обоих ашхабадских изданий эпоса (1941,

1958), эту шаха вообще не пел, и она была записана от других сказителей.

Сюжет ветви по репертуару известного бахши Овлиа-Кули Гоч-оглы¹⁷⁰ из Чарджоу таков.

Когда Кёр-оглы исполняется сто двадцать лет, он просит свою жену Ага-Юнус отвести его в пещеру горы Сулдуз. Юнус отводит Кёр-оглы в пещеру, оставляет ему сары яй и три стрелы. К Кёр-оглы приходят люди от шаха Сепида и просят обучить их искусству боя. Но Кёр-оглы уклоняется от передачи врагу своих знаний. Шах снова посылает к герою людей. И на этот раз Кёр-оглы не выполняет требования шаха, и под видом обучения стрельбе из лука он ставит людей шаха в ряд и некоторых убивает. Оставшиеся в живых воины спешат к правителю и заявляют, что надо снести голову чандыбильцу.

Но шах считает, что важнее перенять хоть что-нибудь из военного искусства Кёр-оглы. Шах еще раз посылает в пещеру воинов. Они требуют, чтобы Кёр-оглы обучил их ведению боя, угрожая в случае отказа убить его. Кёр-оглы пускает последнюю стрелу в гору, чтобы от него осталась память людям, и мужественно принимает смерть, сказав, что он доволен прожитым и ни о чем не жалеет. Воины отрубает ему голову и возвращаются. Повелитель в страшном гневе от того, что его люди не сумели уговорить героя передать им свои военные знания. За это шах их наказывает.

Вероятнее всего, эта ветвь эпоса восходит к южно-азербайджанской версии «Кёр-оглы». Герой в конце жизни удаляется в горы, смерть он принимает от руки шахских воинов (или ханов). Шах не одобряет убийства героя и наказывает убийц (в первом варианте — сурово, во втором — момент не конкретизирован). В туркменском варианте найдено удачное объяснение причин гнева шаха: гнев был вызван не гибелью героя, а тем, что убийцы так и не получили у Гёр-оглы его военные знания.

Приведем ашхабадский вариант сюжета¹⁷¹. Гёр-оглы состарился, умерли сорок его джигитов и Гыр-ат, оста-

¹⁷⁰ Там же, инв. № 622 (фольклор), запись 1941 г.

¹⁷¹ Там же, инв. № 964а (литература), запись 1937 г.

лись у него только жена Ага-Юнус и сестра Гюль-Ширин.

Жена приводит героя к бассейну, где тот поет песню — «Сапалы гүнлерим, ене гел инди!» — «Вернитесь вновь, блаженные мои дни». Затем они направляются к пещере в горе Сулдуз. По пути жена показывает Гёр-оглы места, где он пировал, принимал людей, устраивал скачки и т. д. Вот и конюшня, в которой обитал Гырат. Гёр-оглы, прощаясь с миром, поет песню «Дүнйәде галмады арманым» («Нет сожалений о прошлом»). Мотив перекликается с финалом предыдущего варианта.

Юнус и Гёр-оглы в горной пещере. Здесь чудесным образом появляются сто белых птиц. Они приносят пищу, а затем — родник, из которого пьют муж и жена. «Ты присоединился к эренам», — говорит Юнус Гёр-оглы (мотив, имеющий параллель в болгарском варианте турецкой версии). Герой предлагает жене уехать к своим пяти служанкам. Но Ага-Юнус отвечает: «Умру, но не разлучусь с тобой».

Очень трогательны песни, спетые Гёр-оглы и Юнус во время их прощания, а также при последующем возвращении Юнус в пещеру. Эти и другие эпизоды давали вдохновенным бахши широкий простор для вариаций.

Перед расставанием навсегда Гёр-оглы дает жене чудесное зеркало, глядя в которое можно видеть все, что происходит на свете. Ага-Юнус улетает к себе на Кап-гору, а Гюль-Ширин уходит в Чандыбиль.

Беспощадный Хункар узнает о том, что его непримиримый враг удалился в горную пещеру. Он посылает туда семь воинов, чтобы они научились у героя искусству битв. Всеины требуют, чтобы Гёр-оглы следовал за ними. Но стоит герою взять в руки лук и стрелу, как враги разбегаются. Гёр-оглы пускает стрелу в камень. «С тех пор, говорят, люди посещают это место и поклоняются камню»¹⁷², — поет бахши.

Враги окружают Гёр-оглы, убивают его стрелами из лука и, отрезав голову, везут ее Хункару. Хункар гневается на воинов за то, что они убили Гёр-оглы, и отправляет их на виселицу. Шах велит отнести голову ге-

¹⁷² Там же, стр. 91.

роя в пещеру. Там Ага-Юнус и Гюль-Ширин устраивают похороны Гёр-оглы и воздвигают на его могиле золотой гумбез.

Иначе трактуется смерть Кёр-оглы в ташаузском (човдорском) варианте главы, называемой «Кёроглының ахыркы дөври» — «Последние дни Кёр-оглы», записанный от крупного сказителя Курбандурды-бахши Готур-оглы¹⁷³ из Калининского района (аулсовет Сокры-Качык). Содержание главы следующее.

Однажды Кёр-оглы вместе с сорока джигитами едет на охоту. Они видят семь чинар, под которыми обычно собирались на совет сорок незримых чильтенов. Весельчак Сапар-Косе спрашивает у всадников, кто сумеет одной стрелой пробить насквозь все семь чинар, и подтрунивает над старым Кёр-оглы. Герой берет свой сарыяй и всаживает стрелу в семь чинар, из которых струей начинает бить кровь. За это чильтены проклинают героя. Кёр-оглы с конем опускается под землю и попадает в подземное царство. Его ведут к падишаху. Подземный владыка пугается героя-великана (дается гиперболический портрет Кёр-оглы). Он обращается к Кёр-оглы сперва на своем, а потом на языке всех народов, но герой его не понимает. Пораженный величием Кёр-оглы, подземный царь принимает его за небесное чудовище. Царь хочет уничтожить его, но мудрый везир советует не убивать, а женить его, чтобы родились у Кёр-оглы дети, которые поймут их язык. Так и решили.

Родился у Кёр-оглы сын. Он вырос, стал понимать язык людей подземного царства и рассказал им, что его отец — человек поверхности земли. Царь дал мальчику имя Бек-оглы.

Сестра Ага-Юнус живет под землей. Она — жена дэва. С ее помощью Кёр-оглы поднимается на поверхность земли. Прилетают дэвы и возвращают героя в Чандыбиль, к друзьям. Но их осталось совсем немного: Ага-Юнус, Овез и Косе. Все прочие разбрелись или умерли.

Герой едет на охоту. В пустыне, на обратном пути, Кёр-оглы с джигитами входит в одинокую чатму-мазан-

¹⁷³ Там же инв. № 577 (фольклор), запись 1939 г.

ку, где живет старуха. Она объясняет, что раньше здесь было стойбище скотоводов и что ее зовут Пикир-гыз («Девушка-Дума»). Прозвище это она носит с юности, так как влюбилась в наездника Кёр-оглы и никому другому свое сердце не отдавала. Вот уже сто двадцать лет сидит она в думках о Кёр-оглы и ждет встречи с ним. Теперь единственное ее желание — выпить хоть каплю крови любимого. Кёр-оглы уходит в раздумье. Он решает удовлетворить жажду несчастной, памятуя, что ему предопределено жить всего сто двадцать лет, а срок этот уже наступил. Он прощается с близкими, просит джигитов связать его и отдает себя в распоряжение старухи. Та убивает героя и пьет его кровь. От этого она зачинает сына, которого люди прозвали Эр-оглы — «Сын Удальца» (в некоторых вариантах — Ган-оглы — «Сын крови»).

Човдорский вариант «Смерти Кёр-оглы» позволяет прийти к некоторым выводам. Во-первых, в сюжете путешествия Кёр-оглы в подземный мир, его чудесного возвращения на землю и «переселения» его богатырской мощи в потомка, вероятно, нашло отражение нежелание сказителей рассказывать о смерти любимого героя.

Жизнь героя в подземном царстве, непорочное зачатие старухи, активная роль женских персонажей в туркменском «Гёр-оглы», в особенности «злодеяниях старух», — все это, надо думать, более древние пласты эпоса, чем его историческая, т. е. южноазербайджанская основа. Конечно, отдельные сюжеты и эпизоды могли быть привнесены в эпос извне и в более позднюю эпоху. Но здесь речь не о частностях, а о самой природе туркменского «Гёр-оглы», о его генетических истоках и национальном своеобразии.

Итак, рассмотренные нами варианты основных шаха «Гёр-оглы» показывают, что в туркменской версии облик главного героя с самого рождения приобретает черты необычайные и богатырские. Бахши начинают сказание с легенды о чудесном появлении героя на свет и о его богатырском детстве.

Гёр-оглы рождается в могиле. Он могучего сложения, тело его покрывают густые волосы, что должно символизировать необычайную силу и выносливость ге-

роя. Уже в раннем возрасте Гёр-оглы проявляет качества вожака и храбреца: он собирает ребят, ходит с ними на базар, берет у купцов все, что ему хочется, и ничего не платит за взятое. Отправившись в поле, он делит с друзьями добычу.

Чудесное рождение богатыря, выход его из матери — сырой земли и жизнь в могиле, вскармливание героя козой и даже волосатость и страшный, всесокрушающий крик (наиболее архаические элементы эпоса) как бы подготавливают слушателя к восприятию дальнейших героических деяний Гёр-оглы, его упорства в борьбе с врагами обездоленного люда, в том числе с купцами и торговцами.

Гёр-оглы сирота. Его воспитывает дед Джигали-бек. Узнав о заговоре купцов, Джигали-бек вместе с семьей тайком покидает Чандыбиль. Он переселяется в Рум и устраивается главным конюхом у султана Хункара. Гёр-оглы живет в семье деда и старшего брата. Он проводит свое время среди пастухов и конюхов, учится у них и у деда коневодству и джигитовке. Эти штрихи биографии Гёр-оглы должны подчеркнуть естественность, закономерность складывания в характере героя качеств народного защитника, человека, ненавидящего любое насилие, храброго витязя, карающего несправедливость.

Гёр-оглы — воплощение лучших человеческих качеств. В частности, он гостеприимен настолько, что, приютив сорок каландаров, зарезал для гостей единственную корову, тогда как состоятельные люди отказались предоставить им кров и пищу.

Гёр-оглы вместе с дедом выращивает чудесного коня Гыр-ата, таинственные покровители — эрены дарят ему волшебную саблю. Гёр-оглы добывает лук, изготовлявшийся исфаганскими мастерами из редчайших металлов в течение трех лет. Это грозное оружие. Стрела, пущенная из лука, валила сразу семь слонов, поставленных в ряд. Чтобы заполучить лук, нужна была богатырская сила, которой обладал только Гёр-оглы. Сцена богатырского испытания Гёр-оглы с луком, когда он одной стрелой укладывает семь слонов, очевидно, является одним из архаических элементов сказания.

В целом идеализированный герой сохраняет черты обычного человека. Он, как и все простые смертные,

ошибается, совершает промахи, иногда проявляет вспыльчивость, порою легковверен, самоуверен (отношение к Кемпир и похищение ею Гыр-ата; Гёр-оглы попадает в плен к Рейхану из-за сильного опьянения; по подстрекательству Кемпир и Вели-Донука убивает своего побратима Безиргена).

Создатели эпоса осуждают эти черты характера и проступки Гёр-оглы. И, возможно, поэтому в эпосе появляются эпизоды раскаяния Гёр-оглы и показано его стремление исправить свои ошибки (убийство и оплакивание героем Безиргена и стремление искупить свою вину защитой сестры Безиргена от врагов).

Светлый образ Гёр-оглы воплощает народные представления о герое — защитнике права простых людей быть вольными, независимыми, счастливыми и, естественно, отражает определенные черты характера, мироощущения, психологии дайхан и кочевников Туркменистана на определенном этапе их истории.

Образ Гёр-оглы полнее раскрывается во взаимоотношениях с семьей, друзьями и врагами.

Сказители с большой теплотой рисуют образы деда, жены и приемного сына Овеза.

Джигали-бек выпестовал внука, вырастил его подлинным джигитом, готовым на подвиг во имя чести семьи и Чандыбиля. Джигали-бек побуждает Гёр-оглы поехать в Чандыбиль, к своему народу и защитить страну от посягательств врага:

Ялцыз балам, алгын пендим:
Юрдун терк эдижи болма

Единственное дитя мое, внемли моему совету,
Страну свою не оставляй никогда...¹⁷⁴

Это первые строки известного благословения деда, которое явилось как бы путеводной звездой в действиях народного мстителя.

В назидании мы найдем строки об отношении к кою — боевому товарищу джигита, наказ быть сердечным, честным, правдивым и простым в обращении, но держаться подальше от никчемных, малодушных людей:

¹⁷⁴ Рукописный фонд АН ТССР, инв. № 680.

Гыраты бесле жүл биле.
Отуршгын әхли-дил биле.
Өлин өд, бедасыл биле
Мәхрибан болужы болма!

Гыр-ата украшай попоной.
Общайся с людьми сердечными.
До смерти с подлецами
Близок не будь! ¹⁷⁵.

Джигали-бек учит внука жить интересами народа:

Ил-халкың бир иш тутса,
Сен ондан галыжы болма.

Когда за дело берутся народ, страна,
Ты не отставай от них ¹⁷⁶.

Советы и наизидания мудрого старика — это выражение дум народа, его морали, идеалов. Именно эти идеалы и олицетворяет герой эпоса.

Найти верную жену, иметь побольше родственников на радость себе и своим соплеменникам — таковы мечты героев, воспеваемые в эпосе:

...Ар-намысы алышмага.
Доган герекир йигиде.

Чтобы отстоять честь и отомстить,
Братья нужны джигиту.

Дулы зеревшан сачаклы,
Ишиги элван ожаклы...
Гөзел герекир йигиде.

С богатой скатертью (обилием яств, — Б. К.) в доме
И щедрыми котлами у дверей...
Красавица нужна джигиту.

Атдыр йигидиң ёлдашы
Огулдыр дөвлетиң башы.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

Гыз-да болса гөвүн хошы —
Зүрят герекдир йигиде.

Конь — это спутник джигита.
Сын — это начало счастливой семьи.
Дочь — она тоже радость сердцу —
Потомство нужно джигиту.

Традиционный для туркменского эпического творчества мотив страстной любви героя к девушке, увиденной во сне, и добывание избранницы, сопряженное с различными опасностями, сохранен и в «Гёр-оглы». Действуя в сказочной обстановке, наделенный богатырской силой, владеющий искусством певца и музыканта, эпический герой преодолевает все препятствия, находит любимую пери Ага-Юнус и соединяется с ней.

Юнус соглашается поехать с Гёр-оглы, лишь убедившись в искренности чувств отважного героя. Брак по выбору, свобода сознательного и самостоятельного соединения с избранником или избранницей — вот идеал, который противопоставлял эпос господству безграничной власти отца над детьми, обычаем продавать девушку за калым, женить сына по воле родителей.

Туркменские сказители создали обаятельный образ Юнус. Хотя она носит эпитет пери, это обычная, земная женщина. Юнус преданная жена и верная помощница Гёр-оглы. Эта целомудренная женщина окружает своего мужа-богатыря нежностью и искренней любовью.

Образ жены — друга и советчицы отражает уважение, с которым народ вопреки религии относился к женщине. Поэтому вполне естественно, что герой считается с мнением Юнус, не предпринимает ничего — будь это поход на врага или поездка за сыном, за невестами для своих удальцов и т. п. — без одобрения жены. Проницательная, благородная, сдержанная, она завоевывает любовь и уважение не только мужа, но и его соратников. Больше того, в отсутствие героя она фактически руководит джигитами Гёр-оглы и жизнью в Чандыбиле. Она же воспитывает ближайшего помощника героя — храброго Овеза, их названного сына.

Приемный сын Гёр-оглы, возможно, как и Гёр-оглы, имел исторический прототип. Но эпический герой — образ собирательный, соединяющий в себе черты многих

легендарных личностей разных эпох. Линия этого нежного сына-воспитанника, бесстрашного джигита весьма значительна в сказаниях туркменских бахши. Часть связанных с этим героем глав опубликована в известном труде по туркменскому музыкальному фольклору.

Обычно Гёр-оглы действует во главе сорока джигитов — «безумцев», «дяли». Число это, как известно, в эпосе тюркоязычных народов символизирует полную качества, множество чего-либо. В действительности вокруг Гёр-оглы собирается, конечно, не сорок наездников, а значительно больше. Сведя отряд Гёр-оглы к такому «минимуму», сказители, вероятно, стремились подчеркнуть богатырскую мощь полюбившегося им героя, сокрушающего несметные полчища вражеских сил. В эпосе же не перечислены даже имена всех этих сорока наездников. Конкретно названы около десяти сподвижников Гёр-оглы: Сапар-Косе, Сейтек-Гырма, Хандан-Батыр, Дяли-Мятел и некоторые другие. Всех их объединяет любовь к родной земле, готовность делить радость и горе вместе с Гёр-оглы, взаимная помощь в боях и пр. Как и сам Гёр-оглы, его удалыцы привыкли к суровым схваткам. Вместе с тем это люди, которые любят повеселиться, попить, развлечься песней и музыкой, отдаться любовным приключениям.

По сравнению с Гёр-оглы их образы менее идеализированы, что может быть объяснено стремлением выделить основного героя сказания не только на фоне борьбы и побед над сильными противниками, но и в кругу его храбрых друзей и помощников. И, если образы врагов раскрываются по принципу контраста с основным героем, то в изображении сподвижников Гёр-оглы используется прием градации.

Ближайший помощник и спутник Гёр-оглы — знаменитый Гыр-ат. Образ крылатого коня и его могучего всадника Гёр-оглы слиты воедино. Гёр-оглы способен победить врага, спастись от гибели и выручить в опасную минуту своих нукеров, добыть для них и для себя невест и т. д. только с помощью своего верного друга — коня. Этот образ прочно вошел в фольклор и литературу туркмен.

Язык «Гёр-оглы» необычайно богат. Немало здесь пословиц и поговорок, позволяющих тонко раскрыть глубину переживаний героев, смысл происходящих со-

бытий, сделать их ближе и понятнее слушателям, помочь им оценить поступки героев. Приведем лишь несколько примеров: «Баш болмаса, гевре лэш» («Без головы тело — труп»); «Эр — лебизден, кой — богазден» («Мужчина [гибнет] от обета, овца — от глотки»); «Ягшыны гермек — гөз арслан» («Видеть прекрасное — благостно»); «Барлының базары япында» («У богатого рынок всегда рядом [при себе]»); «Дәлинин мұң гепи телек, бир гепи герек» («У сумасброда много слов пустых и только одно полезное») и т. д.

Эпос «Гёр-оглы» обильно уснащен удачными сравнениями, эпитетами и прочими тропами, усиливающими эстетическое воздействие образа и идей.

Сказание повествует не только о героических делах богатырей, боровшихся за честь и свободу отчизны, но и представляет собой моральный кодекс своего времени. Слушателю устами бахши преподаны нравственные уроки. Наставления, песни-призывы, песни-монологи и диалоги из эпоса воспитывали многие поколения туркмен в духе горячей любви к народу, к родине, учили поведению в быту, верности товарищу, ненависти к врагу. Отсюда обилие риторических вопросов и обращений в сказании.

Мы не будем специально останавливаться на интересных гиперболах, на тонкой иронии, богатейших метафорах, красочных сравнениях и прочих средствах художественной выразительности эпоса, которые должны стать предметом самостоятельного исследования.

Касаясь вопроса о жанре «Гёр-оглы», отметим, что эпос известен в Туркмении под названием «дестан», «хекая», «кысса». Среди туркмен бытуют разные дастаны, в частности дастаны любовно-романические: «Саят и Хемра», «Шасенем и Гариб», «Хурлукга и Хемра», «Лейли и Меджнун», «Гюль и Бильбиль» и др. По форме они мало отличаются от «Гёр-оглы»: то же сочетание многочисленных песен с прозаическим повествованием. Но по своему содержанию и объему они не идут ни в какое сравнение с данным эпосом.

Есть существенные отличия и в языке произведений. Романические дастаны часто связаны с книжными источниками и отмечены известной усложненностью стиля, тогда как язык «Гёр-оглы» — прост и выразителен.

В плане композиции «Гёр-оглы» несет элементы широкого эпического повествования, как-то: зачин, завязка (ослепление Джигали-бека и другие насилия, творимые врагами Чандыбиля), кульминация (единоборство с сильными врагами) и концовка — смерть Гёр-оглы от руки феодалов.

Как мы уже отмечали, бахши неохотно поют о смерти Гёр-оглы и поэтому не во всех вариантах эпос завершается смертью героя.

В репертуаре отдельных сказителей (например, в вариантах човдорских бахши) мы находим начало генеалогической циклизации сказания «Гёр-оглы», возникновение линий, связанных с действиями сыновей героя — Эр-оглы и Ган-оглы и его внука Нурали (путешествие Гёр-оглы в подземное царство, героическое сватовство Нурали).

Песни «Гёр-оглы» сложены силлабическими стихами, в основном восьми- и одиннадцатисложными, т. е. размерами народной поэзии (которой присущ также семисложник — одна из древних форм тюркского народного стиха). Каждая песня делится на строфы из четырех стихов. Обычная рифмовка: первая строфа — *абаб*, вторая и последующие — *вввб*... В последней строфе помещается имя того или иного героя эпоса.

Мы познакомились с туркменским «Гёр-оглы», опираясь на рукописи, фольклорные записи, литографированные издания и новейшие публикации. Следует заметить, что до настоящего времени в изданиях «Гёр-оглы», осуществленных даже в СССР в последние годы, мы не найдем точного указания на источники, по которым опубликовано сказание или отдельные его части.

Сравнение многочисленных ветвей и вариантов «Гёр-оглы» с южноазербайджанской версией-основой позволяет сделать следующие выводы.

Сюжетная канва обеих версий сходна (служба отца героя у деспота, ослепление отца героя, бегство слепца с сыном, выращивание сказочного коня, обоснование беглецов в крепости Чандыбель — Шамли-бель — Чамбул — Чанли-бель, месть героя, усыновление Овеза — Айваза — Аваза, побратимство и боевая дружба героя с лихими наездниками Косе-Сапаром, Мустафа-беком, Дяли-Гасаном и другими, отражение Гёр-оглы и его

соратниками нападений на Чандыбиль, походы на врага, взимание с купцов дани, похищение невест, увод коня Хамзой или Кемпир и его возвращение, смерть героя).

Одинакова и героизация образа Гёр оглы (богатырская сила, умение экспромтом сочинять песни, петь, играть на сазе, искусство перевоплощаться и проникать неузнанным в стан противника, защита слабых и ненависть к насильникам Хункару-Хуткару, Рейхану, Болибеку и др.).

Однако при сходстве сюжетной линии туркменское сказание имеет специфические особенности, о которых мы уже говорили и коротко напомним здесь.

Во-первых, наличие тех эпизодов и песен, которые, надо думать, имели хождение еще до оформления в XVI—XVII вв. южноазербайджанской версии эпоса (сказочное рождение героя, выход из вод Аму-Дарьи сказочного коня и появление Гыр-ата, гипертрофия образа злой старухи Кемпир и девы-богатырши и др.).

Во-вторых, появление в процессе развития эпоса в национальной туркменской среде акцента на борьбе героя против кизылбашских шахов и ханов, антишинитская окраска этой борьбы; превалирование среднеазиатских и иранских топонимов вместо «канонических» географических названий (вместо Араза-Аракса, Токата, Дербента, Багдада и др.—Арал, Каспийское море, Хива, Веенгам—Серахс и др.); изменение состава героев и их имен, перестановка места действия героя (азербайджанский Кёр-оглы едет за Айвазом в Туркменистан, а его туркменский двойник—в Веенгам и отнимает Овеза у Юсуф-шаха персидского; азербайджанский Кёр-оглы приводит жену из Турции, туркменский—из страны пери).

В репертуаре некоторых бахши (из Чарджоу, например) действия переносятся с юга Туркмении на ее север (Чарджоу, Хорезм, Арал) и конфликт локализуется в рамках туркменских родов и племен.

В-третьих, в туркменской версии присутствуют такие ветви, которые отсутствуют в южноазербайджанской и кавказских версиях. Это «Женитьба Овеза», «Обида Овеза», «Харман-Дяли», «Сорок тысяч», «Безирген», в которых, с одной стороны, развита линия повествова-

ния о приемном сыне и, с другой — сильнее развит романтико-сказочный элемент.

Все эти явления можно объяснить не только тем, что сказания развиваются в новой эпической среде, но и воздействием на «Гёр-оглы» романтико-приключенческих дастанов («Саят и Хемра», «Хурлукга и Хемра», «Рай Чини», «Гюль и Бильбиль», «Гюль и Сенубер», «Зохре и Тахир» и др.), обильно представленных в репертуаре тех же кёроглыхонов и бахши.

УЗБЕКСКАЯ ВЕРСИЯ

В традиционном узбекском устно-поэтическом творчестве ведущее место занимают дастаны (достоны), исчисляемые десятками названий.

Среди собранных в годы Советской власти узбекских дастанов большое место занимают эпические сказания «Гор-оглы», которые популярны в народе и по сей день. Не считая песен, легенд и преданий, в разных районах Узбекистана только дастанов «Гор-оглы» записано свыше сорока (с вариантами около ста поэм)¹.

Героический эпос, романические и эпические поэмы как фольклорного, так и литературного происхождения исполняли и исполняют шаиры, бахши, дастанчи, жиразу в сопровождении народных музыкальных инструментов — домбры, дутара, кобуза, гиджака. Наряду с ними существовали киссачи, или киссахоны, которые читали дастаны и другие произведения речитативом, без музыкального сопровождения. Эти профессиональные чтецы выступали на вечерах в частных домах, на свадьбах, на тоях, на базарах, где их обычно слушало неграмотное население, жаждущее живого слова о героях былых времен. В. В. Бартольд, говоря о традиционных выступлениях чтецов и своеобразных риторов перед публикой, писал, что чтения, как и «проповеди известных своим красноречием ученых», иногда проводились «под открытым небом»².

¹ Записи производились от известных сказителей: Фазила Юлдаш-оглы (1872—1955), Эргаша Джуманбульбуль-оглы (1868—1937), Пулкан-шаира Джамрад-оглы (1874—1941), Ислам-шаира Назар-оглы (1874—1953) и др.

² В. В. Бартольд, *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927, стр. 174.

Почти все узбекские сказители с ранних лет обучались у известных мастеров, так называемых устодов, которые по завершении «курса» давали своим ученикам традиционное благословение на самостоятельные выступления. О получении акынами, бахши, шаирами сказительского дара во сне сообщает В. М. Жирмунский. Останавливаясь на поэтическом наптии узбекских шаиров и бахши, он пишет: «...узбекские народные сказители (так называемые „бахши“) рассказывают о своем чудесном „призвании“ ...Будущий сказитель, большей частью ...простой пастух, уснул где-нибудь на открытом воздухе, под деревом, во сне ему явился незнакомец... который подал ему домбру и велел петь, сказав: „Ты будешь бахши!“. Певец во сне заиграл и запел»³.

В Узбекистане существовало несколько сказительских школ, из которых в свое время вышли выдающиеся народные певцы Фазил Юлдаш-оглы, Пулкан-шаир, Ислам-шаир, Эргаш-шаир. К сожалению, эпический репертуар даже этих прославленных, недавно умерших шаиров записан не полностью. Например, из имевшихся в репертуаре знаменитого Фазила Юлдаш-оглы сорока с лишним эпических сказаний записана всего лишь половина, из репертуара Ислам-шаира, исполнявшего около тридцати дастанов, записано лишь пять, а от других певцов — еще меньше.

Крупным очагом распространения дастанов и центром творческих связей сказителей был и остается Хорезм — средоточие культур ряда братских народов — узбеков, туркмен, каракалпаков, таджиков и отчасти казахов. Здесь сказитель в зависимости от аудитории поет на узбекском, туркменском и других языках, что, безусловно, содействует интенсивному взаимообогащению искусства братских народов. В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов пишут: «Своеобразные черты обнаруживает искусство бахши в Хорезмской области. Эпическая традиция связывает Хорезм не только с Узбекистаном, но и с Туркменией. Певцы из Туркмении заходят в Хорезм, певцы из Хорезма — в Туркмению. Хорезмские бахши нередко имеют учителей туркмен,

³ В. М. Жирмунский, *Легенда о призвании певца*, — «Исследования по истории культуры народов Востока, сборник в честь акад. И. А. Орбели», М.—Л., 1960, стр. 186—187.

и наоборот. Поэтому в Хорезме встречаются эпические сюжеты, неизвестные остальному Узбекистану и, очевидно, занесенные из Туркмении. Сюда относятся, например, дастаны „Хирамон-Дали“ и „Кирк минг“ („Сорок тысяч“), входящие в цикл туркменских поэм о Гор-оглы... Весьма вероятно,—закljučают исследователи,—что большинство дастанов, проникших в Узбекистан из Туркмении или Азербайджана (например, „Ашик-Гариб“), получили распространение у узбекских сказителей именно через посредство Хорезма»⁴.

М. Айбек, отмечая величие узбекского эпоса, писал: «Словно горный хребет возвышается цикл „Гор-оглы“, состоящий из сорока поэм. „Гор-оглы“ — один из наиболее любимых и распространенных на Востоке дастанов»⁵.

В нем народ отразил свои мечты и чаяния, устремления к мирной и счастливой жизни, передовые идеи своего времени. Эпос запечатлел этические и эстетические запросы его создателей.

Положительные идеалы и прогрессивные традиции, выраженные в народном эпосе, помогают воспитанию наших современников, строителей коммунистического общества.

Вопрос о времени возникновения узбекского цикла «Гор-оглы» до сих пор остается нерешенным. Исследователи периодом его сложения называют XVII—XVIII вв. Например, в одной из последних работ по «Гор-оглы» сказано: «Существует мнение, что цикл „Гор-оглы“ появился в XVII—XVIII вв.»⁶. Однако такое определение требует существенной поправки. Именно узбекские дастаны «Гор-оглы», в частности дастан о рождении Гор-оглы, продолжали формироваться еще во второй половине XIX в., о чем мы писали в соответствующих местах настоящей работы. Вместе с тем отдельные сюжеты, мотивы и образы, по всей вероятности, восходят к более древнему эпическому субстрату (образы коня, старухи-колдуньи, мифических существ

⁴ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, М., 1947, стр. 54—55.

⁵ М. Айбек, *Очерк развития узбекской поэзии*, — «Антология узбекской литературы», М., 1950, стр. 4.

⁶ М. Мурадов, *Образ Гор-оглы в узбекском народном эпосе*, автореф. канд. дисс., Ташкент, 1962, стр. 8.

вроде дэвов, перн, драконов, мотивы борьбы с арабскими феодалами и т. д.).

Национальная версия «Гор-оглы» развивается в русле самобытных эпических традиций, которые помогают бахши и шаирам шлифовать, развивать, изменять и дополнять эпос, вносить в него новые идеи и мотивы с контаминацией уже существовавших, старых эпизодов.

В. М. Жирмунский отмечает: узбекский эпос — «одно из замечательных открытий советской эпохи. В дореволюционной литературе, в науке, как русской, так и зарубежной, господствовало ошибочное мнение, будто у узбекского народа не сохранилось своего эпоса»⁷. В самом деле, дореволюционная наука не оставила ни исследования узбекских дастанов, ни научных изданий эпоса. Можно найти лишь отрывочные высказывания путешественников-ориенталистов о некоторых памятниках среднеазиатского фольклора либо далеко не полные литографированные издания отрывков из него. Из серии дастанов «Гор-оглы» издан мизерным тиражом литографским способом лишь один вариант дастана о рождении героя и усыновления им Аваза. Он называется «Кысса Гор-оглы султан»⁸ — «Рассказ о Гор-оглы султанине». На титульном листе книги дано краткое пояснение по-русски: «Эта книга „Гор-оглы“ исправлена в тексте и снабжена рисунками жителем Сибирской части города Ташкента Сиражутдином Махсум Сидки в октябре 1915».

Книга начинается обычной для эпических произведений тюркоязычных народов Средней Азии формулой: *راويات اخبار ناقلان آناز انداغ روايت* — «Сказители рассказывают и передают». Далее говорится, что первым ханом Чамбиля был Агалик-хан, затем Джигалик-хан. После него во главе Чамбиля стал пятнадцатилетний Гор-оглы, окруженный сорока джигитами. Гор-оглы возвел вокруг Чамбиля огромную крепость длиной в сорок верст, высотой в сорок, шириною в шесть аршинов. Воз-

⁷ В. М. Жирмунский, *Предисловие*, — см. в кн.: «„Алпамыш“. Узбекский народный эпос», по варианту Фазила Юлдашева, М., 1958, стр. 14.

⁸ *قصه كوراوغلى سلطان* Ташкент, 1915.

ле крепости красовался большой сад. Перед ним даже сад Эдема был ничто.

Когда Гор-оглы достиг тридцати лет, к нему явились Хидр, сорок чильтенов и двенадцать имамов. Все они молились за Гор-оглы. Эти святые постоянно сопутствуют герою во всех делах.

Далее повествуется о битвах Гор-оглы на Гыр-ате, о его женитбе на сказочных пери, об усыновлении Аваза и Хасана. Все это составляет первую половину ташкентского издания. Вторая его часть посвящена Авазхану, его охотам, битвам и любовным похождениям.

Характерно, что Гор-оглы и другие персонажи эпоса часто вызывают к богу, пророкам и прочим мифическим существам, как к своим покровителям. Издание, представляющее собой лишь осколок богатого цикла узбекского «Гор-оглы», буквально пропитано религиозными идеями. Возможно, что оно дало повод некоторым исследователям узбекского фольклора и литературы конца 20-х годов неверно судить об эпосе в целом. Мы имеем в виду автора книги «Общий взгляд на историю среднеазиатской и узбекской литературы» М. Бюзрука, который ошибочно полагал, что на эпос «Гор-оглы», равно и на другие дастаны, оказала заметное влияние суфийская поэзия Ходжи Ахмеда Ясеви⁹.

Великая Октябрьская революция положила начало планомерному и всестороннему изучению эпоса узбекского народа. Базой для исследования эпоса явились полевые записи сказаний из уст общепризнанных бахши и шаиров. Эта большая, кропотливая работа проводилась узбекскими фольклористами во главе с Х. Т. Зарифовым в различных районах Узбекистана после размежевания республик Средней Азии и продолжается до настоящего времени. Сбор материала как первый этап разработки узбекских дастанов цикла «Гор-оглы» особенно интенсивно осуществляется со второй половины 20-х годов и в 30-е годы и дает весьма ценные результаты. Было зарегистрировано в репертуаре сказителей и записано несколько десятков дастанов, среди которых выделяются следующие сюжеты из дастанов о Гор-оглы и его потомках: 1. «Рождение Гор-оглы» («Гор-оглы»).

⁹ М. Byzruk, *Orta Asiya va o'zbek adabiyati ta'rihiha umumiy qaraş, birinçi qism*, Taşkent, 1930, стр. 13.

2. «Детство (юность) Гор-оглы». 3. «Осада Чамбиля».
4. «Женитьба Гор-оглы» («Ага-Юнус», «Юнус-пери»).
5. «Аваз-хан» («Усыновление Аваза», «Привоз Аваза з Чамбиля», «Похищение Гор-оглы Аваза»).
6. «Женитьба Аваза». 7. «Аваз и Ай-Зайнаб». 8. «Поездка Аваза к Зарнигар». 9. «Аваз и Зульфизар». 10. «Бутакоз».
11. «Гюльнар-пери». 12. «Мискал-пери». 13. «Зульхумар» («Зайдин-ай»). 14. «Освобождение Гор-оглы Аваза».
15. «Рейхан-араб» («Гор-оглы и Рейхан-араб», «Поход Гор-оглы на Рейхан-араба»). 16. «Похищение Гыр-ата».
17. «Далли» («Далли-хан»). 18. «Машрикка». 19. «Малика-Айяр». 20. «Бала-Гардан». 21. «Безирген». 22. «Сорок тысяч». 23. «Харман-Дали» («Гюль-Хираман», «Хирман-Далли»). 24. «Кундуз и Юлдуз». 25. «Интизар».
26. «Равшан». 27. «Заман-бек». 28. «Темир-хан-падишах». 29. «Холдар-хан». 30. «Хасан-хан». 31. «Нурали» («Нурали-хан»). 32. «Джахангир».

По заявлению специалистов узбекского фольклора и литературы, всего самостоятельных дастанов цикла «Гор-оглы» около сорока — сорока трех названий.

Следующим этапом работы по узбекскому эпосу явилось издание дастанов «Гор-оглы» массовым тиражом. Уже в 30-х годах, особенно в последующие десятилетия, в сборники, хрестоматии, а также в учебники для средних школ и вузов республики включаются отрывки из дастанов «Гор-оглы». Затем публикуются и полные тексты сказаний¹⁰.

Вместе с тем приходится констатировать, что, несмотря на проведенную большую работу по изданию дастанов, многие сказания цикла до сих пор еще не об-

¹⁰ Н. Zariif, *Ўзбек folklori. Xrestomatija*, Taşkent, 1939; Ergaş Çumanbulbul ogli, *Ravşan*, Taşkent, 1941; Ergaş Çumanbulbul ogli, *Qunduz blan Juldaz*, Taşkent, 1941; Fazil Joldaş ogli, *Bələgə-dan*, Taşkent, 1941; Polkan Çamrat ogli, *Goroglining tugulişi*, Taşkent, 1941; Фозил Йўлдош ўғли, *Зулфизор билан Авазхон*, Ташкент, 1942; Эргаш Жуман-булбул ўғли, *Хўшкелди*, Ташкент, 1942; сб. «Армугон», Ташкент, 1944; «Ўзбек поэзиясининг антологияси», Ташкент, 1948; Фозил Йўлдош ўғли, *Танланган асарлар*, Ташкент, 1949; «Народная поэзия Узбекистана», Ташкент, 1951; «Ўзбекские народные поэмы», Ташкент, 1954; Ислам шаир Назар ўғли, *Нигор ва Замон*, Ташкент, 1954; «Ўзбек халқ дostonлари», I том, Ташкент, 1957; то же, II том, Ташкент, 1957; «„Равшан“. Узбекская народная эпическая поэма», М., 1959; «Ўзбек шеърятини антологияси», I том, Ташкент, 1961; «Далли», Ташкент, 1962; «Зулфизор билан Авазхан», Ташкент, 1962; «Хўшкелди», Ташкент, 1962, и др.

народованы, и это в известной мере затрудняет их всестороннее, особенно сравнительное, изучение.

Исследование идейно-художественных достоинств узбекских дастанов — особый этап изучения эпоса. В некоторой степени он шел параллельно с публикацией текстов, которые снабжались предисловиями обзорного характера. Появлялись газетно-журнальные статьи узбекских фольклористов, посвященные дастанам «Гор-оглы». В частности, Х. Т. Зарифов на основе лично им записанных вариантов эпоса говорит об огромной популярности сказаний «Гор-оглы»: «Больше половины дореволюционных поэм связано с известным в литературе как музыкантом-импровизатором, отчаянным разбойником, под именем „Кёр-оглу“ — легендарным героем Туркмении, имя которого было широко распространено от Малой Азии до восточного Туркестана, от Ирана до нынешнего Татаристана»¹¹.

Но все это были лишь начальные шаги в исследовании узбекских дастанов. Авторы первого крупного труда «Узбекский народный героический эпос», появившегося в 1947 г., В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов вынуждены были сказать в своем предисловии: «Изучение узбекского народного эпоса только начинается»¹². Они констатировали также, что «большинство произведений узбекского героического эпоса до сих пор не издано и потому недоступно не только русскому, но и узбекскому читателю. Отсутствуют и предварительные исследования и сводки материала»¹³. Конечно, за прошедшие годы были предприняты определенные меры по изданию и анализу эпических памятников. Но все же многие дастаны до сих пор остаются неизданными и даже незаписанными. Равным образом отсутствуют и академические издания сказания о Гор-оглы.

Выход в свет фундаментального труда В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова явился значительной вехой в деле изучения фольклора узбекского народа. В книге дается подробная характеристика узбекского эпоса,

¹¹ Х. Зарифов, *Архив Узбекского научно-исследовательского института языка и литературы*, — журн. «Советский фольклор», № 2—3, М., 1935, стр. 443.

¹² В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, стр. 4.

¹³ Там же, стр. 60

раскрывается его идейное содержание, жанровые особенности и художественные достоинства, национальное своеобразие, отмечается трудность жанровой классификации произведений народного эпического творчества, ибо многие из них «занимают промежуточное или переходное положение. Так, героические и романические мотивы объединяются в обширном цикле дастанов о Гор-оглы»¹⁴.

В книге В. М. Жирмунского и Х. Т. Зарифова специальный раздел посвящен циклу «Гор-оглы», в котором рассматриваются вопросы распространения сказаний у народов Передней и Средней Азии, их взаимосвязей, основные сюжеты и образы, особенности исполнения узбекского эпоса.

Обширный цикл узбекских дастанов о Гор-оглы объединяет героическую и романическую тематику¹⁵ — так определяют «Гор-оглы» авторы книги и подходят к этим сказаниям как к многожанровым явлениям.

В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов сопоставляют сюжетно-тематические и образные параллели к узбекским дастанам «Гор-оглы», что является одним из больших достоинств книги.

Авторы подчеркивают, что узбекские «дастаны о Гор-оглы» несут на себе печать разрастания... Устные народные предания полуисторического, полупоэтического характера, сходные с азербайджанскими, вероятно, уже очень рано получили широкое распространение на родине Кёроглы, в Туркмении... Традиционное содержание легенды складывалось из рассказов о воинских подвигах героя в борьбе с соседними феодальными властями... из его любовных приключений героини-романического характера (похищения красавиц). По этим двум направлениям происходило дальнейшее разрастание эпического цикла... К этому присоединилась циклизация генеалогическая...»¹⁶.

Такова специфическая особенность узбекской национальной версии «Гор-оглы». В самом деле, в репертуаре узбекских шаиристов Фазила, Пулкана, Ислама, Эргаша зарегистрировано свыше сорока самостоятельных дастанов, значительная часть которых вообще отсутствует

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 165.

¹⁶ Там же, стр. 185.

в остальных версиях (не только кавказских, но даже среднеазиатских). Например, героико-фантастические сказания «Осада Чамбила», «Малика-Айяр», «Далли», «Машрикка», «Интизар», «Кундуз и Юлдуз», «Халдархан» и другие известны лишь узбекским сказителям.

Если в азербайджано-кавказских и туркменской версиях Кёр-оглы — Гёр-оглы — это удалой джигит и музыкант, то в узбекских сказаниях он — общий правитель туркмен (теке и иомудов) и узбеков, мудрый воспитатель и патриарх этих народов. Здесь значительно расширена не только роль Гор-оглы как государя, попечителя народа, но разрослось и его генеалогическое древо, возросло число его противников. В частности, одним из злейших врагов Гор-оглы выступает повелитель страны Зангара Шахдар-хан, ослепивший отца героя. Эта линия повествования отсутствует в других национальных версиях, где ослепляет отца Гор-оглы турецкий султан — Хункар, который, однако, фигурирует и в узбекском эпосе. Другой враг героя — Темир-хан, что, возможно, является отзвуком антифеодальных выступлений против кровавого Тимура.

Если в большинстве национальных версий у Гор-оглы одна жена, то у героя узбекской версии — три: Юнус-пери, Мискал-пери и Гюльнар-пери. От приемных сыновей — Аваза и Хасана — у Гор-оглы два внука и один правнук, с чьими именами тоже связаны новые дастаны... Поэмы цикла обычно открываются эпическим зачином, рисуящим идеализированную картину сказочного «века Гор-оглы».

Песенных партий в узбекских дастанах в несколько раз больше, чем в любой другой национальной версии. В них воспеваются Гор-оглы — идеальный правитель, непобедимый воин, защитник народа. Гор-оглы наделен чудесной способностью оборачиваться зверем, птицей, юнцом и старцем. Он может высекать воду из камня в раскаленной пустыне, одним взглядом или зычным криком приводит в трепет грозных великанов.

Узбекские дастаны плотно «заселены» такими мифическими персонажами, как драконы, дэвы, пери.

Вместе с тем в узбекских дастанах «Гор-оглы» усилен и религиозно-мистический момент, что мы видели по его дореволюционному изданию. Добавим, что конюх Саки, или Саки-Булбул (персонаж только узбекских ска-

заний), изображен как один из чильтенов, мифических покровителей героя.

Мы сделали некоторые замечания о специфике узбекской версии «Гор-оглы». Для большей наглядности стоит хотя бы вкратце ознакомиться с некоторыми дастанами, в которых наиболее рельефно выражено национальное своеобразие данного эпоса.

Узбекский цикл «Гор-оглы» открывается дастаном *«Рождение Гор-оглы»*.

В нем рассказывается, что Гор-оглы происходит из туркмен (теке-иомуд), живших в Мерве, прадед его — мервский хан Кавушти (читай: исторический Каушут), дед — конюх Тулибай, который долго находился в плену у туркменского хана Адила. Пленник пас табуны хана. От брака Тулибая с дочерью хана Биби-Ай рождается сын, прозванный Равшаном, отец будущего Гор-оглы. В детстве Равшан и сын туркменского хана Джигали — Гаждум и дочь хана Биби-Хилал попадают в плен к иранскому Шахдар-хану. Здесь Равшан работает на вельможу Хамзу. Равшан становится искусным конюхом и женится на Биби-Хилал. Однажды Шахдар-хан повелевает Равшану найти и выбрать для него среди множества лошадей крылатого коня — тулпара. Тот останавливает свой выбор на неказистой лошади. За это оскорбленный хан ослепляет Равшана. Слепец просит отдать ему коня и вырачивает его в конюшне, куда не попадают лучи солнца. Затем Равшан с Гаждумом исчезают.

У беременной жены Равшана в могиле рождается сын. Его кормит вначале кобыла пастуха Рустама, который находит мальчика и воспитывает его. Гор-оглы растет богатырем и с помощью пастуха Рустама бежит к туркменам на вскормившей его лошади. Гор-оглы находит отца, который вскоре умирает.

Как мы видим, сюжет рождения Гор-оглы в узбекском дастане сильно отличается от других версий эпоса. Если не считать рождения героя в могиле (что присуще среднеазиатским версиям), нахождения его пастухом, ослепления отца героя, то здесь почти ничего не сохраняется от традиционного сюжета. Многие персонажи (Кавушти, Адил-хан, Шахдар-хан, Тулибай, Биби-Ай, Биби-Хилал) наличествуют только в узбекском эпосе. Кстати сказать, Кавушти (точнее, Каушут) дей-

ствительно правил в Мерве во второй половине XIX в. Остальные персонажи далеко не тождественны с одноименными героями других версий. Например, у туркмен Джигали-бек — дед и воспитатель героя; Равшан по большинству версий не отец Гёр-оглы, а сам Гёр-оглы; Гаждум (Генджим) у туркмен — брат Гёр-оглы; Хамза в азербайджанской версии выступает похитителем коня Гёр-оглы в зрелые годы героя.

«Молодость Гор-оглы». Осиротевший Гор-оглы живет в доме Ахмед-бека — дяди по материнской линии, брат которого — Урай-хан был главой туркмен-иомудов в районе озера Харасан. Вождь арабов Рейхан похищает жену Ахмед-бека, Хал-Аим, предварительно согласившись, чтобы его конь покрыл кобылу Гор-оглы. От арабского коня рождается знаменитый Гыр-ат (Гир-ат), иначе называемый Гир-кок. Умирает Урай-хан. Туркмены выбирают ханом Гор-оглы.

Однажды у Гор-оглы исчезает Гыр-ат. Герой в поисках коня посещает множество дальних стран, встречается с таинственными существами — сорока чильтенами, с Хидром, с двенадцатью имамами, которые повсюду оказывают ему могучее покровительство. Гор-оглы находит пропавшего Гыр-ата и благополучно возвращается в Чамбиль.

«Юнис-пери» — дастан, в котором повествуется о женитьбе Гор-оглы на красавице — фее из сказочной страны Кухи-Каф. Он имеет прямую параллель, в частности, в туркменском «Гёр-оглы», где также рассказывается о женитьбе героя на Юнис-пери (Юнус-пери, Ага-Юнус). Но в эпизодах и деталях версии разнятся. Например, в узбекском дастане действует Ахмед-бек, дядя Гор-оглы, ставший впоследствии противником героя и его потомков, чего нет в туркменской и кавказских версиях. В узбекский дастан включены еще такие дополнительные персонажи, как родители девушки Рахмат-пери и Карна-пери, великаны Бала-дав (Самандар-дэв), Хасан-Кулбар, Хасан-Чапсан, Хасан-Якдаста, царь дэвов Тохтамыш и др. К новотворчеству узбекских шаиrow относится эпизод нападения араба Рейхана на Чамбиль в отсутствие Гор-оглы и защиты крепости сподвижниками Гор-оглы во главе с Темир-ханом.

Гор-оглы кроме Юнис-пери берет себе в жены еще двух красавиц: Мискал-пери и Гюльнар-пери. Свадеб-

ные путешествия героя и его романтико-фантастические приключения во время поисков невест, встреча и возвращение домой послужили темой самостоятельных дастанов того же цикла («Мискал-пери» и «Гюльнар-пери»). Естественно, в них в избытке представлены всевозможные авантюрно-сказочные, фантастические элементы, что, вообще говоря, свойственно романтическим сказаниям, бытующим у узбеков и многих других народов Востока. Но если взять конкретно дастаны, связанные с женитьбой Гор-оглы на Мискал-пери и Гюльнар-пери, то они не встречаются в других национальных версиях эпоса, ибо, как правило, герой женится один раз (лишь в азербайджанской версии Кёр-оглы кроме Нигяр любит дагестанскую красавицу Момина-ханум).

Умыкание знатных девушек Гор-оглы (в дальнейшем — и его сыновьями Авазом и Хасаном, особенно первым) есть неотъемлемая часть узбекского цикла. Этот элемент присущ и иным версиям данного эпоса, но в менее развитой степени.

К узбекским дастанам на эту тему следует причислить, в частности, сказания «Зайдин-ай» («Зайдин-ой») и «Зулхумар», в которых повествуется о том, как молодой витязь Гор-оглы в отместку насильнику Рейхану отнимает у него дочь Зайдин-ай (или Зулхумар), привозит ее в Чамбиль и женит на ней своего дядю Ахмедбека (в туркменской версии девушку зовут Биби-джан, и Гёр-оглы отдает ее своему брату Генджиму, у которого Рейхан отнял жену Гюль-Эндам; последняя в узбекской версии именуется Хал-Аим — Хол-Оим).

Из сказанного нельзя делать вывода о том, что узбекские дастаны цикла «Гор-оглы» состоят из сказочных и любовно-приключенческих мотивов. Эпос пронизан пафосом патриотизма, батальные сцены защиты Чамбиля, оборонительные войны его мудрого правителя Гор-оглы против многочисленных шахов и султанов, ханов и беков занимают большое место в сказаниях. Помимо известных по иным версиям врагов Гор-оглы (турецкого султана, персидского шаха) узбекский герой воюет и против других деспотов, например против крымского Халдар-хана, о чем рассказывается в самобытном дастане того же названия.

Дастан «Заман-бек» посвящен легендарному текинцу Заман-беку, у которого Гор-оглы обучается военно-

му искусству и который в дальнейшем сражается рядом со своим знаменитым учеником против несметных полчищ врагов. В туркменском эпосе Заман-бек упоминается лишь вскользь.

Сказание «Аваз-хан» построено на традиционном сюжете похищения Аваза Гор-оглы. Многие отличает узбекскую версию от остальных версий сказания. Если сравнить узбекский сюжет с туркменским, как с наиболее близким, то и здесь обнаруживается значительная разница. В частности, сын мясника Булдурук (у туркмен — Булдур) служит у царя Грузии Хункара (у туркмен — у Юсуфа — шаха Веенгама в Персии). Хунхар (Хункар) в туркменской версии — царь не Грузии, а Турции. Из Грузии же Гёр-оглы привозит для Аваза невесту — Гюль-Рух, дочь шаха Леке, о чем повествуется в самостоятельном сказании («Женитьба Аваза»). В узбекском цикле Гор-оглы под видом скотовода заманивает Аваза, а в туркменской версии увозу Аваза помогает также сказительское искусство Гёр-оглы и т. д.

Интересны с точки зрения национального своеобразия цикла «Гор-оглы» и такие узбекские дастаны, как «Ахмед-сердар и Хасан-хан», «Ахмед-сердар и Аваз», «Хидирали Элбеги», в которых мотивы родины, чести и воинской доблести занимают главенствующее место. Характерно, что все они — образцы самобытного эпического творчества узбекских шанров и бахши. Здесь новым является не только сюжет, но и многочисленные образы, среди которых как тип отрицательный ярко выделяется Ахмед-сердар, или Ахмед-бек, купец и дядя Гор-оглы, завистник и соперник главного героя, а также непримиримый враг Аваза. В таком облике Ахмед-бек показан и в таджикском «Гургули», что объясняется, по всей вероятности, тем, что таджикская линия повествования об Ахмеди генетически восходит к узбекскому эпосу.

К серии новых сюжетов относится и дастан «Смертная казнь Аваза». Гор-оглы по наущению коварного Ахмеда дает опрометчивый приказ повесить Аваза. Но умная Юнис спасает приемного сына от гибели.

Таков же дастан «Похищение Гыр-ата». По своему названию он тождествен азербайджанской и туркменской версиям. Но только по названию. Узбекские сказители создали совершенно новое произведение на ис-

конный мотив. Вторая жена Гор-оглы — Мискал-пери подстрекает Аваза похитить Гыр-ата, увести его в Рум, сговориться с тамошним султаном и вместе напасть на отчима. Аваз так и поступает. Но в конце концов осознает свою ошибку и переходит на сторону Гор-оглы.

Превосходным дастаном сказочно-романического и героического характера безусловно следует назвать *сказание о Малике-Айяр*, хитроумной царевне. Дастан «Малика-Айяр» выделяется сложностью сюжетных ходов, напряженностью композиции, красочностью образов и художественно-образительных средств¹⁷. Если не считать таких героев, как Гор-оглы и Аваз, Гыр-ат, а также главарь нищих-каландаров Шах-каландар, фигурирующих в некоторых других национальных версиях, например в туркменском «Гёр-оглы», то почти все герои и сюжет дастана от начала до конца — создание узбекских сказителей. Как обычно, Гор-оглы значительное время проводит на охоте. Однажды он в безлюдной пещере встречается девушку дивной красоты, которая назвав себя Маликой-Айяр, дочерью царя подземного Туркестана Касим-шаха, обратилась в голубя и исчезла.

Аваз на Гыр-ате отправляется на поиски девушки, живущей на расстоянии шестидесяти лет пути. Как всегда, молодой герой преодолевает одно препятствие за другим. Он побеждает подосланных Ахмед-сердаром стрелков, грозного великана Макатила, ехавшего с войсками для нападения на Чамбиль, побеждает на своем пути еще множество дэвов-людоедов, часть которых, как в волшебных сказках, становится его помощниками. Помогают ему и сказочные пери. К герою присоединяются и бродячие нищие, — Шах-Заргар и Шах-каландар, которые наделены даром волшебства и оборотничества.

Авазу все-таки удается найти и похитить Малику-Айяр и после долгих опасных скитаний вернуться в Чамбиль и жениться на хитроумной царевне.

¹⁷ Данное сказание послужило темой кандидатской диссертации М. С. Саидова «О дастане Малика-Айяр», Ташкент, 1960. Дастан записан от Фазила Юлдаш оглы в 1927 г., от Мелаша Эрмат оглы в 1940 г., от Захира Кучкар оглы в 1957 г., см. также «Малика-Айяр», Ташкент, 1941; «Хитроумная царевна», — сб. «Узбекские народные поэмы», М., 1958, «Малика айёр», — сб. «Ўзбек халқ дostonлари», т. I, Ташкент, 1958, стр. 203—318.

Вокруг Аваза на узбекской почве сложился свой цикл дастанов, главное в которых составляют его любовные похождения и брачные поездки в дальние края. На этом фоне разворачиваются героические подвиги Аваза. К числу таких сказаний относится, кроме уже отмеченных, «Женитьба Аваза» (название одинаково в узбекской и в туркменской версиях). Сюжетная канва, передаваемая в прозе, в обеих версиях почти полностью совпадает, чего нельзя сказать о песнях, представляющих собой совершенно оригинальные произведения. К дастанам, связанным со свадебными путешествиями Аваза, в узбекском цикле «Гор-оглы» относятся также «Машрикка» (о брачной поездке Аваза в страну Шахризар за девушкой Машрикка, богатырские его схватки с дэвами и иными существами, стихиями, удачное возвращение и свадьба Аваза с Машрикка в Чамбиле); «Бала-Гардан» (о женитьбе Аваза на девушке Арзи-Гюль из страны Тил-Билмас); дастан «Зульфизар» (о поездке Аваза в Стамбул, где он, победив всех соперников, женится на Зульфизар — дочери Мизраб-шаха); «Бутакуз» (о женитьбе Аваза на деве-вонительнице Бутакуз, дочери Окташ-бая, после победы над ней в богатырских состязаниях); дастан «Интизар» (о битве Аваза и других удалцов Гор-оглы с напавшим на Чамбиль Шахдарханом и победе Аваза и над другими противниками, о любви Аваза к царевне Интизар и об их браке); дастан «Кундуз и Юлдуз» (о любви Аваза к пери Юлдуз и Кундуз и об их женитьбе; здесь же повествуется о походе десятилетнего Нурали, внука Гор-оглы, решившего выручить отца, Аваза, попавшего в окружение врагов в горах).

Второго приемного сына Гор-оглы зовут Хасаном. Как отмечают исследователи узбекского эпоса, «по сравнению с Авазом Хасан гораздо менее популярен в узбекской эпической традиции»¹⁸. Кстати, примерно это же можно сказать и в отношении туркменского «Гёр-оглы», где герой выступает также под именем Эр-Хасан.

О Хасане узбекские сказители создали оригинальный дастан «Темир-хан-падишах», в котором Гор-оглы пред-

¹⁸ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, *Узбекский народный героический эпос*, стр. 227.

принимает очередной поход в Баянган с целью отнять у Темир-хана его сына Хасана. Но отец юноши отдает его Гор-оглы с миром, договаривается с Гор-оглы о воспитании и обучении Хасана воинскому мастерству.

Свадебных путешествий у Хасана куда меньше, чем у Аваза. По существу, популярно одно сказание — «Далли». В нем рассказывается, как Хасан из Чамбиля едет в Арзерум, где влюбляется в Далли, дочь паши. Юноша гарцует перед ней на Гыр-ате, показывает игры легендарного коня. Далли увлекается им и садится на Гыр-ата. Хасан умыкает ее и держит путь на Чамбиль. Паша снаряжает погоню. Хасан дает бой. Ему в этом помогает Далли. Победив противника, Хасан с Далли прибывают в Чамбиль, где Гор-оглы устраивает в их честь большой пир.

Несколько дастанов узбекского цикла «Гор-оглы» посвящено внукам героя — Равшану и Нурали, а также его правнуку — Джахангиру. Пожалуй, наиболее законченное сказание этой группы — дастан о Равшане. В кавказских версиях и в туркменской Равшан — настоящее имя героя. В узбекском цикле так звали и отца Гор-оглы и его внука.

Как указывают В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов, сюжет дастана «Равшан» разработан «с исключительным богатством и разнообразием художественных подробностей, захватывающим все регистры мотивов и переживаний»¹⁹. В данном дастане органически переплетаются сказочно-романические и героико-богатырские начала народного эпоса. У Хасана рождается сын, прозванный Равшаном, у Аваза — дочь, которой дают имя Гюль-Анар. Они учатся в одной школе. В дальнейшем они влюбляются друг в друга. Старый Гор-оглы хочет соединить их браком, но Аваз отказывается выдать Гюль-Анар за Равшана. Так прерывается дружба двух потомков Гор-оглы.

В дальнейшем Равшан, увидя в волшебном зеркале портрет красавицы Зухлумар, дочери правителя страны Ширван Кара-хана, загорается пламенной любовью к ней и пускается в далекое странствие. В Ширване переодетый в платье бедняка Равшан устраивается у одной старухи, а потом встречается с любимой. Они тай-

¹⁹ Там же, стр. 274.

ком от Кара-хана справляют свадьбу. Но вскоре хан узнает о пришельце и бросает его в зиндан. Кара-хан намеревается послать Равшана на виселицу. Тем временем Зульхумар отправляет письмо в Чамбиль к отцу узника — Хасану. Хасан едет на помощь сыну, выручает его из беды, громит Кара-хана. Сказание кончается описанием победного возвращения Равшана, Зульхумар, Хасана и их джигитов в Чамбиль.

Многочисленность дастанов свидетельствует о неисчерпаемом богатстве эпических сказаний узбеков, о широкой творческой фантазии их создателей и исполнителей — бахши и шаилов. Она же говорит об исконной культурной связи народов нашей страны, в частности узбеков с таджиками, туркменами, каракалпаками, казахами, азербайджанцами, грузинами и многими другими.

Мы дали лишь самую общую характеристику большого цикла узбекского «Гор-оглы», вкратце остановились на специфических, а также сходных с иными версиями чертах дастанов. Самобытные и бесконечно разнообразные по сюжетам, вариантам, по идейно-художественным качествам узбекские сказания о Гор-оглы заслуживают специального изучения. Так же важно осуществить научно-критическое издание текстов узбекских дастанов. Решение этих задач поможет глубже раскрыть величие народного эпоса, в частности сказаний о Гор-оглы, их идейную глубину и высокие поэтические достоинства.

АРАБСКАЯ ВЕРСИЯ «КЁР-ОГЛЫ» В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Несомненный интерес представляет версия сказания «Кёр-оглы», бытующая среди арабов Средней Азии под названием «Гуроглы». Она записана Г. В. Церетели в Бухаре во время его экспедиций в 1935—1940 гг. и опубликована в 1956 г.¹ Как известно, население, говорящее на арабском языке в пределах Узбекистана, сосредоточено в Гиждуванском и Бабкентском районах Бухарской области и в Бешкентском районе Кашкадарьинской области. Текст «Гуроглы» записан академиком Церетели от бухарских арабов на бухарском диалекте арабского языка (по терминологии исследователя).

В основе арабского «Гуроглы», по всей вероятности, лежит узбекская версия «Гор-оглы», своеобразно трансформировавшаяся в другой языковой и национальной среде. К этим особенностям можно отнести, в частности, отсутствие в сказании стихотворных компонентов. В таком виде, по крайней мере, оно зафиксировано Г. В. Церетели, хотя не исключена возможность исполнения какой-то части эпоса в форме песен на арабском языке или параллельно на двух языках по аналогии с тем, что мы видим на примерах бытования сказаний среди армян, курдов и грузин.

Кроме того, арабский «Гуроглы» — это сказ или бытовая сказка.

Как и в других национальных сказаниях о Кёр-оглы, здесь устойчиво сохраняются мотивы борьбы героя и его друзей против социальной несправедливости, против насильников-феодалов; воспитания боевого коня; же-

¹ Г. В. Церетели, *Арабские диалекты Средней Азии*, т. I, Тбилиси, 1956, стр. 253—259 (русский текст).

нитьбы героя на сказочной девушке, усыновления им Авиза (Аваза); сюжет пленения и освобождения Авиза из темницы жестокого феодала. Содержание арабской версии «Гуруглы» сводится к следующему.

У некоего вельможи — миршаба, начальника ночного караула, работает конюхом юноша родом из туркмен. Он влюбляется в сестру известного Гаждума. Девушка советует ему перейти на службу в дом брата. Она предлагает юноше сдать лошадей хозяину и идти на невольничий рынок, где его купит Гаждум в качестве домашнего раба. Тот поступает так, как сказала красавица. В свою очередь девушка просит брата приобрести для нее слугу, и Гаждум покупает юношу. Таким образом, влюбленные оказываются под одной кровлей. Однажды Гаждум застаёт сестру в объятиях раба и решает убить юношу, но девушка принимает вину на себя. Гаждум вынужден дать согласие на брак сестры с рабом. На девятом месяце беременности сестра Гаждума умирает. Ее брат и муж находятся в это время в городе. Женщину хоронят односельчане. В могиле у покойницы рождается мальчик. Ребенок выходит из могилы, чтобы поиграть. Однажды его замечают люди и пытаются поймать. Им это не удается. Тогда они решают выяснить, мальчик это или девочка, и кладут возле могилы игральную бабку и куклу, полагая, что мальчик возьмет бабку, а девочка — куклу. Ребенок выбирает игральную кость. Люди начинают думать, чей же это сын, и вспоминают, кто похоронен в этой могиле. Догадавшись, что мальчик — племянник Гаждума, они рассказывают ему о ребенке (отец мальчика к этому времени умер). Гаждум открывает могилу и забирает племянника к себе домой. (В туркменской и узбекской версиях подробно рассказывается о способах поимки ребенка, которые здесь опущены).

Дядя нарекает мальчика именем Гуруглы — «Сын могилы». Гуруглы воспитывается у Гаждума и его жены. Вскоре Гаждум умирает.

Араб Рейхан влюбляется во вдову Гаждума и едет с намерением похитить ее. По просьбе Гуруглы он случил коня с кобылой Гаждума, поначалу добившись согласия Гуруглы на то, чтобы вдова сама бы дала ему напиться воды. Но когда женщина приблизилась к арабу, тот насильно увез ее и сделал своей женой.

Юноша Гуроғлы, охваченный горем, замышляет вернуть тетку, отомстить Рейхану. И когда кобыла ожеребилась, Гуроғлы мечтает поскорее вырастить коня и привезти тетку. Юноша ухаживает за жеребенком целый год, но тут животное похищает Ходжай-Хидир. Он держит жеребенка три года, а потом возвращает его хозяину. (Этой детали нет в других национальных версиях). Гуроғлы продолжает ухаживать за конем и горюет, что по предсказанию Ходжи у него не будет сына, так как он женится на пери. Потом герой едет к Рейхан-арабу, чтобы вернуть тетку. Он застаёт тетку за стиркой белья и предлагает ей вернуться домой. Женщина отвечает: «Меня взял Рейхан-араб, убежал и прибыл. Я вместо себя приведу его дочь»². Гуроғлы похищает дочь Рейхана так же, как араб в свое время увез тетку Гуроғлы — в тот момент, когда девушка подает ему напиток. Тетка героя ранит лошадь араба в ногу и только после этого будит мужа.

Араб спит голый под деревом, и, когда жена его разбудила, он впопыхах делает прорез в одеяле и натягивает его вместо одежды. (Эта комическая деталь присутствует только в арабской версии). Рейхан мчится за Гуроғлы. Гуроғлы легко переправляется через реку на своем богатырском коне, араб падает в волны. Гуроғлы собирается уже пустить стрелу в преследователя, но по просьбе девушки щадит араба и подстреливает только его лошадь. Гуроғлы возвращается в свой край, который назывался Джамбиль. Дочь Рейхана он отдает в жены своему дяде.

Сам герой женится на двух пери. Поэтому у него нет детей, и он посылает своих джигитов в далекий город (здесь, как и в других версиях, не конкретизируется местность) за красавцем Авизом, сыном мясника. Но Авиз находится в услужении у амира (титул «амир» — специфическая деталь в данной версии). И удалцы Гуроғлы вернулись ни с чем.

Тогда герой сам отправляется за Авизом. Он встречает пастуха, пасшего овец самого амира, связывает его и угоняет стадо (четыреста голов) на рынок. На рынке он передает всех овец мяснику для продажи, заявив, что он — его родственник: брат жены и дядя Ави-

² Там же, стр. 256.

за. Вырученные от продажи овец деньги Гуроғлы делит между мясником и его женой, а на вопрос, почему мнимый дядя обошел своего племянника, отвечает, что для него, Авиза, в степи оставлены четыреста овец. Авиза по просьбе родителей амир отпускает домой на сорок дней. Затем Гуроғлы, мясник и Авиз едут в степь за овцами. Как в туркменской и узбекской версиях, Гуроғлы сажает Авиза на круп коня и увозит к себе в Джамбиль, где усыновляет его.

Авиз помогает Гуроғлы и его джигитам, обучается искусству стрельбы. Однажды он отправляется на охоту и ловит девять журавлей. Желая покурить кальян (местный штрих), Авиз попадает в одно селение, где, как рассказывает арабский сказитель, было много домов казахов. Авиз оказывается в доме Ахмад-сардара, влиятельного человека, которого многие боялись. Авиз просит дочь сардара подать ему кальян. Та отказывается выполнить просьбу охотника, говоря, что он не сын, а всего лишь раб Гуроғлы. Авиз отвечает, что у Гуроғлы сорок джигитов, с помощью которых он заставит Ахмада выдать за него дочь. Вернувшись в Джамбиль, опечаленный Авиз просит Гуроғлы, чтобы тот привез для него девушку. Гуроғлы предлагает своим людям поехать к сардару, посватать дочь, но те отказываются, опасаясь гнева сардара. Тогда Гуроғлы едет сам и привозит девушку в Джамбиль.

Авиз с разрешения Гуроғлы вернулся к себе домой. Там он открывает родному отцу, что это был Гуроғлы, который его усыновил. Амир бросает Авиза в тюрьму и хочет его казнить. Палачи уже выводят Авиза на площадь. В это время мать Авиза видит едущего к ним Гуроғлы и сообщает об этом сыну. Авиз просит передать Гуроғлы, что его сына убивают. Гуроғлы вступает в бой с амиром и освобождает Авиза, после чего они оба возвращаются в Джамбиль. В финале Гуроғлы, обращаясь к своим джигитам, говорит, что он стал стариком и жизнь его приходит к концу, но он достиг осуществления желаний.

Итак, у среднеазиатских арабов название эпоса «Гуроғлы» этимологически объясняется легендой о рождении героя в могиле (так же, как и у узбеков, таджиков, туркмен). Если сравнить арабскую версию с туркменской, то в первой из них воспитателем героя выступает

Гаждум, дядя по материнской линии, а во второй — дед Джигали-бек, отсутствующий в записи Г. В. Церетели. Сам Гаждум (у туркмен Генджим-бек) в туркменской версии брат не матери, а отца Гёр-оглы и является отрицательным персонажем. Момент продажи отца героя на рынке рабов и проникновения его в дом возлюбленной совершенно отсутствует в туркменском «Гёр-оглы». Возможно, эпизод обязан своим происхождением известному тюркоязычным народам дастану «Шасенем» («Шасенем и Гариб»), который бытовал и среди узбеков Бухары³.

Если взять рассказ о женитьбе героев — Гуро-оглы и Авиза, то тут мы имеем, с одной стороны, много совпадений с узбекским и туркменским эпизодами и, с другой — своеобразные черты, присущие только арабской версии. В арабском «Гуро-оглы» герой женится на двух пери, в узбекской — на трех пери и десяти девушках, а в туркменской — на одной. В узбекском и туркменском эпосе герой усыновляет двух юношей (Авиза — Овеза — Аваза и Хасана), в арабском — только одного. В узбекской и туркменской версиях Гёр-оглы женит Овеза на Гюль-Рух, дочери грузинского шаха Леке, у арабов — Гуро-оглы приводит для сына дочь казахского сардара Ахмада.

Охота Авиза на журавлей, встреча во время охоты с дочерью Ахмада, описание могущества Ахмада, одолеть которого было под силу только самому Гуро-оглы, — эти и некоторые другие детали идут от узбекского «Гор-оглы». Название крепости «Джамбиль» также совпадает с ее наименованием в старых литографированных изданиях узбекской версии. Очевидно, арабский «Гуро-оглы» восходит к узбекским сказаниям, которые переработаны в соответствии с фольклорной традицией арабов Узбекистана и существуют в виде сказа, бытовой сказки. Об этом говорят вся манера изложения, трактовка сюжета, описание героев, их действий в неведомых землях.

³ Нам приходилось знакомиться с рукописями дастана «Шасенем» в Ташкенте, Бухаре и Самарканде. См. об этом наше предисловие в книге «„Шасенем и Гариб“. Народный дестан», Ашхабад, 1948.

ТАДЖИКСКАЯ ВЕРСИЯ

Нам уже приходилось говорить о широком распространении эпоса «Кёр-оглы» среди многих народов мира.

Таджикский цикл эпоса носит названия «Гургули» — «Гуругли» — «Гурулли» — «Гаравли», — «Курулли» и т. д. Все же наиболее популярным и закрепившимся в научной литературе последних лет именем таджикской версии считается «Гургули»¹. Этимологически три первых варианта названия эпоса восходят к двум корням: к таджикскому слову «гур» — «могила» (у узбеков и туркмен «гёр») и тюркскому «оглы», «оглу» — «сын» (здесь имеет место фонетическая трансформация). Последние два варианта названия эпоса могли произойти от тюркского «Кер-оглы» — «Кёр-оглы» («Сын глухого» и «Сын слепого»).

Несмотря на высокие идейно-художественные достоинства, разнообразие сюжетов «Гургули», запись этого эпоса в Таджикистане началась лишь с 30-х годов силами сотрудников местной базы АН СССР (А. Н. Болдырев, Муинов). Сбор песен «Гургули» далеко еще не завершен и продолжается в наши дни.

¹ См. работы А. Н. Болдырева: *Eposi dahaniki Tojikistan*, — «Baroji edebijati sotsialisti», Душанбе, 1934, № 11—12; *К фольклору Таджикистана*, — «Труды Таджикистанской базы АН СССР», т. III, М.—Л., 1936; *Устный эпос Таджикистана*, — «Дружба народов», М., 1939; № 1; «Гӯрӯғли» эпоси халқии тоҷик, ч. I, Сталинобад, 1941; см. также: Бобо Юнус Худойдодзода, *Шеър ва дostonҳо*, Сталинобад, 1941; «Антология таджикской поэзии», М., 1951; работы И. С. Брагинского: *Заметки о таджикском эпосе «Гургули»*, — «Краткие сообщения ИВ АН СССР», IX, 1953; *Очерки из истории таджикской литературы*, Сталинобад, 1956; *Из истории таджикской народной поэзии*, М., 1956; *О таджикском эпосе «Гургули» и его художественных особенностях*, — «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 126—148.

По форме «Гургули» представляет собой поэмы, состоящие из восьми-одиннадцатисложных двустиший (месневи). Исполняется «Гургули» почти на всех таджикских диалектах и, как и туркменский и узбекский эпос, в сопровождении дутара.

Творцы и исполнители «Гургули», его импровизаторы называются «гургулихонами» или «гургуличи» и пользуются большим уважением в Советском Таджикистане. Гургуличи в зависимости от аудитории и настроения, от таланта и вкуса постоянно меняет песню. Это очень затрудняет фиксацию текста. Импровизатор меняет многое, даже повторяя только что спетую песню.

Однако, несмотря на все многообразие песен, общие сюжетные линии «Гургули», его основные идейные стержни сохраняются во всех районах в репертуаре разных гургулихонов и близко напоминают одноименный узбекский и туркменский эпос.

Самая большая запись (свыше ста тысяч строк) сделана Институтом языка и литературы АН Таджикской ССР от гургулихона Хикмета Ризы. При учете же репертуара и других сказителей общий объем таджикского «Гургули» далеко превысит указанную цифру. К сожалению, из этого богатого фонда издано всего лишь пятнадцать-двадцать тысяч строк.

По мнению А. Н. Болдырева, таджикская версия «Гургули» первоначально локализовалась в Кулябе и получила дальнейшее распространение лишь в горных районах Таджикистана — в долинах Варзоба, Вахша, Яхсу, Сурхоба, Хингоу и левобережного Пянджа². Однако песни «Гургули» нам приходилось слышать во время нашего пребывания в Таджикистане не только в горах.

Представляет значительный интерес сообщение А. Н. Болдырева о том, что «грамотные сказители почти все указывали на наличие списка сказаний на таджикском языке»³. Не исключена возможность, что этот список мог быть копией какой-то старой рукописи, послужившей одним из источников определенных эпизодов «Гургули». Можно допустить, что эта рукопись име-

² См. А. Н. Болдырев, *К фольклору Таджикистана*, стр. 60.

³ Там же, стр. 61.

ла более близкое отношение к узбекскому или туркменскому письменному источнику.

Говоря о генезисе таджикского «Гургули», А. Н. Болдырев пишет: «Дальнейшая запись должна была бы несомненно происходить в долинах Вахша и Яхсу (где обследование фольклора кулябских узбеков могло бы помочь в разгадке темного вопроса о возникновении „Гургули“ в Таджикистане), с одной стороны, и в Туркмении, с другой»⁴.

Действительно, интенсивное экономическое и культурное общение на протяжении столетий ираноязычного и тюркоязычного населения Средней Азии обусловило фольклорно-литературное сотрудничество народов. Например, культурные связи таджиков и туркмен объясняют большую популярность в Туркмении героев таджикского эпоса Рустама, Зала, Эсфандияра, Бахрама Гура, Хысруу, а также многих персонажей таджикско-персидской мифологии (дэви, пери и т. д.), популярность таджикско-персидских поэтов Фирдоуси, Омара Хайяма, Хафиза, Саади и др. Что же касается «Гургули», то он бытует не только среди кулябских узбеков или в горных районах Таджикистана, но также среди туркмен, проживающих в Джиликульском, Гармском районах.

«Гургули» — самобытный таджикский эпос. При сходстве имен отдельных героев и некоторых эпизодов, а также отдельных сюжетных линий, мы видим большие различия между «Гургули» и другими национальными версиями. Для конкретности сопоставим некоторые моменты из «Гургули» и туркменского «Гёр-оглы».

В туркменском сказании главный герой — сам Гёр-оглы, тогда как у таджиков эта роль отведена Авазхону, любимцу и приемышу героя. Хотя в туркменском «Гёр-оглы» и есть две песни, названные по имени Овеза («Овез привезен» и «Овез обижен»), он все же не главный герой эпоса. В таджикском «Гургули» Авазхон стоит во главе сорока джигитов, зорко охраняет крепость Чамбул, сражается с коварным падишахом Ахмедом, который вообще не встречается в большинстве вариантов туркменского «Гёр-оглы»⁵. «Аваз — благоден-

⁴ Там же, стр. 66.

⁵ «„Гургули“. Рассказ о борьбе Аваза и Ахмада... в варианте Курбана Джалила», Сталинабад, 1945.

ствие Чамбула» («Ободоии Чамбул Аваз ай») ⁶, — поется в эпосе. По определению И. С. Брагинского, в Чамбули мастоне, счастливой стране Гургули, воплощена многовековая мечта трудящихся масс о «золотом кишлаке», о царстве благоденствия и социальной справедливости.

Песня о сыне Аваза, Нурали, отсутствующая в других версиях эпоса, кроме узбекской и туркменской, образует как бы трилогию.

Специфически «таджикские» черты ярко выступают в третьем звене цикла «Гургули», в эпизоде женитьбы Нурали, внука Гургули, на Гюльпари, дочери Гюзальхона. Этот эпизод был записан А. Н. Болдыревым в 1934 г. во время его экспедиции в кишлак Ушйори в долине Варзоба от сказителя Рауфа ⁷.

Нурали, внук Гургули (Гуругли) и сын Аваза, влюбляется в Гюльпари — дочь Гюзальхона, которая в свою очередь заочно влюблена в этого юношу. Нурали похищает девушку и везет ее в Чамбул. Гюзальхон снаряжает за беглецами погоню. Погоня настигает их и доставляет к свирепому хану. Хан приказывает убить Нурали. Пока идут приготовления к казни, мать Нурали видит вещий сон о предстоящей гибели сына и рассказывает сон мужу. Аваз тут же отправляется на поиски Нурали и вскоре наталкивается на войска Гюзальхона. Он вступает с ним в бой, и один, сражаясь с огромным войском в течение семи суток, уничтожает более половины преследователей. Нурали же не участвует в битве, предаваясь любовным наслаждениям в палатке, поставленной на поле брани. И в ответ на многократные просьбы отца помочь ему Нурали заявляет, что любовные бон важнее.

Гюзельхон, видя, что Аваз начинает одерживать верх, прибегает к последнему средству: он вызывает на помощь свою невестку, вдову-богатыршу Амма-мо. Аваз не может одолеть Амма-мо в единоборстве: Но его выручает женщина-спасительница Гюльпари. Она, потеряв надежду поднять Нурали на битву, сама едет к Авазу, просит у него коня и вступает в сражение с Амма-мо. На крылатом коне Гюльпари с высоты в сорок аршин

⁶ И. С. Брагинский, *Очерки из истории таджикской литературы*, стр. 93.

⁷ См. журн. «Дружба народов», М., 1939, № 1.

налетает на богатыршу и хватает ее за косы. Она наматывает косы богатырши на луку седла, наносит Ама-мо удар за ударом и с утра до ночи таскает ее по полю. После победы все трое — Аваз, Нурали и Гюльпарри, взяв с собой большую добычу, отправляются в Чамбул. Через пять дней и пять ночей они приезжают в свою крепость, где их встречает народ во главе с чудесным певцом и музыкантом Соки.

Этот дастан (у таджиков каждая глава — песня «Гургули» называется дастан) не связан с туркменским «Гёр-оглы» и является оригинальным творением таджикского народа.

Однако при всей оригинальности таджикской национальной версии нельзя не отметить в эпосе фактов взаимовлияния, сотворчества таджиков, туркмен, узбеков. В этом смысле представляет интерес вариант «Гор-оглы», бытующий в форме народного предания среди узбеков-локайцев, живущих в Южном Таджикистане, и записанный в 40-х годах Б. Х. Карамышевой⁸. Примечательно, что большинство локайцев свободно говорит на двух — узбекском и таджикском — языках. Добавим, что многие таджики также хорошо владеют узбекским языком кроме своего родного, а туркмены — и тем и другим. Это обеспечивало сравнительно легкое взаимодействие культуры, фольклора и литературы, многие образцы которых несут печать сотворчества близких друг другу народов.

В локайском предании сохраняется один из устойчивых сюжетов эпоса — ослепление царского конюха, не угодившего шаху выбором коня, и другие перипетии, связанные с выращиванием сказочного тулпара. Предание записано от локайцев-старожилов, в частности от старика Эшкулата из кишлака Давит Советского района, которому во время записи в 1948 г. было 104 года⁹. Краткое содержание предания таково.

В Балхе во времена царя Махмуда (по другой версии — Магруб-шаха) жил при дворе знаменитый сынчи — знаток коней — по имени Дугон. Однажды царь призвал к себе Дугона и велел найти самого лучшего

⁸ Б. Х. Карамышева, *Узбеки-локайцы Южного Таджикистана*, — «Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР», т. XXVIII, Сталинобад, 1954, вып. 1.

⁹ Там же, стр. 23.

коня — тулпара. Но сынчи не обнаружил такого в табуне царя. В это время один девона (юродивый) привел тощую клячу (по другой версии, сынчи купил ее у маслобойщика). Конюх, испытав резвость клячи, пошел к царю и сказал, что это и есть тулпар. Шах Махмуд был оскорблен таким выбором. Пылая гневом, он приказывает палачам выколоть глаза конюху. Сынчи ослеплен. Теперь за ним закрепляется имя «Суксир» («Сокур») — «Слепой». Несчастный вместе с братом выращивает клячу, которая через некоторое время становится настоящим тулпаром.

Шах не успокаивается, он замышляет повесить обоих братьев, но те узнают об этом и скрываются в Хисаре. Царь отправляет за беглецами большую погоню, но у Аму-Дарьи, через которую легко перескакивают кони беглецов, лошади преследователей останавливаются. Спасшиеся на другом берегу бурной Аму занимаются охотой.

Однажды брат слепца Дугона видит, что по реке плывет какой-то сундук. Он вытаскивает его, открывает и обнаруживает там двух девушек. На одной из красавиц женится старший брат, на другой — младший. Далее идет история этих девушек, объясняющая, как и за что их наказали, бросив в пучину реки.

Примечательно, что в этом предании, связанном с легендой об ослеплении отца Гургули, все действия переносятся из Турции и Ирана (как это дано в азербайджанской, туркменской и некоторых других версиях) в Балх (на территории Афганистана). Известно, что в средние века название «Балх» произносилось в сочетании с названием «Бадахшан», т. е. одной из горных областей Таджикистана. Спецификой локализации объясняется и замена имени турецкого паши Хункара — Хасана шахом Махмудом, именем одного из могущественных представителей династии Газневидов, правившего Афганистаном и Средней Азией в 998—1030 гг.

О географической локализации легенды говорит и переход тулпаром Аму-Дарьи вместо реки Аракс, фигурирующей в азербайджано-туркменских версиях. Что же касается эпизода поимки сундука в Аму-Дарье и рассказа о приключениях двух девушек, то он представляет собой пример контаминации, обычной в эпическом творчестве. Здесь, очевидно, имеет место переработка

известного эпизода из широко распространенного сказания о несчастной любви Зохре и Тахира.

Можно согласиться с мнением этнографа Б. Х. Карамышевой, что приведенная легенда об ослеплении сыни восточным деспотом за то, что ему не понравилась неказистая лошадь, «в прошлом представляла из себя дастан и исполнялась таджико-узбекскими сказителями» и что «эпические поэмы „Алпамыш“, „Гургугли“, „Аваз“ и другие исполняются до настоящего времени локайскими сказителями»¹⁰.

Образ противника Аваза — Гюзаль-хана отсутствует в иных национальных версиях «Кёр-оглы». Но он имеет близкую параллель в образе противника из дастана «Юсуп и Ахмед», бытующего среди узбеков и туркмен.

Если фольклорный материал Южного Таджикистана дает нам образец бытования эпизода из сказания о Кёр-оглы — Гургугли в жанре предания, то другой источник являет пример распространения сюжета в жанре народной сказки. Мы имеем в виду две таджикские сказки — «Гургугли» и «Аваз — сын Гургугли», опубликованные Р. Амоновым и К. Улугзаде¹¹. Богатые по содержанию, эти сказки заслуживают специального анализа, так как еще раз подтверждают, что таджикское сказание о народном заступнике, мудром Гургугли и витязе Авазе уходит своими корнями в глубь веков. В нем мы находим отражение борьбы таджиков с арабскими, монгольскими и другими завоевателями, а также местными феодалами в лице Райхон-Араба, Оксок-подша, Ахмед-подша и т. д., равно как и отражение крестьянской утопии о прекрасной земле Чамбули мастан. Очевидно, беря свое начало от какого-то общего, возможно, узбекского источника, таджикский «Гургугли» развивался и обогатился на почве местных фольклорных традиций.

Интересные сведения о таджикском эпосе «Гургугли» — «Гургугли» сообщает В. Беляев. «Основным видом эпических сказаний, бытующих и в настоящее время в горном Таджикистане, — пишет он, — является цикл „Достони Гургуглы-султон“, центральная фигура которого

¹⁰ Там же, стр. 26.

¹¹ «Таджикские народные сказки», сост. и обраб. Р. Амонова и К. Улугзаде, Сталинобад, 1957, стр. 282—292.

носит имя, одинаковое с именем героя туркменского и азербайджанского Гёр-оглы или Кёр-оглы. В народной редакции сказаний Гуруглы характеризуется как „дехканский правитель“, выдвинувшийся из дехканской (крестьянской) массы... Важную роль играет в этих сказаниях вдохновенный певец Соки, ближайший мудрый советник Гуруглы — олицетворение творческого гения народа»¹².

В. Беляев делится своими наблюдениями над музыкально-исполнительским мастерством таджикских сказителей «Гуруглы». Он пишет: «В настоящее время эпос о Гуруглы передается сказителями-гуруглыгу — в сопровождении думбрака, разновидности дутара. Перед каждым отдельным эпизодом сказа делается небольшой запев в медленном движении, затем идет четкая речитативная декламация стихотворных строк повествования, завершаемая медленной концовкой — заключением»¹³.

В заключение следует сказать, что благодаря работам советских ученых, и в первую очередь И. С. Брагинского, таджикский «Гургули» как поэтическое сказание таджикского народа получил теперь широкое признание как в Советском Союзе, так и за его пределами¹⁴.

¹² В. Беляев, *Очерки по истории музыки народов СССР*, вып. 1, М., 1962, стр. 195.

¹³ Там же.

¹⁴ «Dějiny perské a tadzické literatury», za redakce akademika Jana Rypky. Napsali Otakar Klima, Jan Rypka, Vera Klimova, Vera Kubičková, Lir Sejpek, Praha, 1956, стр. 346, 358—360, 390.

КАЗАХСКАЯ ВЕРСИЯ

Богат и разнообразен эпос казахского народа, ставший предметом исследования в годы Советской власти. В центре казахских народных эпических произведений стоит отважный герой, мужественный джигит, степной богатырь (батыр, эр, ер, алп) или храбрая, стойкая в жизненных испытаниях, преданная в любви и дружбе девушка-красавица (сулу/слу). Именами таких достойных героев обычно называется сам эпос: «Кобланды-батыр», «Шора-батыр», «Камбар-батыр», «Ер-Таргын», «Ер-Саин», «Алпамыс», «Айман-Шолпан», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», «Киз-Жибек» и др.

Хотя до недавнего времени исследователи казахского фольклора не называли «Кёр-оглы» в числе эпических произведений казахов¹ и не занимались его изу-

¹ М. Ауэзов и Л. Соболев, *Эпос и фольклор казахского народа*, — «Литературный критик», М., 1939, № 10—11, «Очерки казахской литературы» под ред. М. О. Ауэзова и др., Алма-Ата, 1941 (на казах. яз.); А. Маргулан, *Эпические сказания казахского народа*, докт. дисс., Алма-Ата, 1945; *О характере и исторической обусловленности происхождения казахского эпоса*, — «Известия Казахского филиала АН СССР», серия историческая, Алма-Ата, 1946, вып. 2; А. С. Орлов, *Казахский героический эпос*, М., 1946; М. Габдулин, *Казахское устное поэтическое творчество*, Алма-Ата, 1958 (на казах. яз.); *Казахское народное поэтическое творчество дооктябрьского периода*, автореф. докт. дисс., Алма-Ата, 1958; Б. Шалгаев, *Очерки истории казахской дореволюционной литературы*, Алма-Ата, 1958; «История литератур народов Средней Азии и Казахстана», М., 1960; М. Ауэзов, *Мысли разных лет*, Алма-Ата, 1961; «Народы Средней Азии и Казахстана», М., 1963. Не представлен «Кёр-оглы» в общих и специальных изданиях эпоса казахов: «Песни степей». Антология, М., 1940; «Казахский эпос», Алма-Ата, 1958; Серия «Батырлар жыры» — «Песни богатырей», Алма-Ата, т. I, 1959, т. II, 1962; В. Беляев, *Очерки по истории музыки народов СССР*, вып. I, М., 1962, и др.

чением, однако существование казахской версии сказаний о Кёр-оглы вряд ли может вызывать сомнение. Об этом свидетельствуют хранящиеся в фондах Научной библиотеки АН КазССР фольклорно-литературные материалы, а также живая традиция казахских певцов — жирау и поэтов и сказителей — акынов, исполняющих и в наши дни песни «Кёр-оглы».

Упоминания о бытовании у казахов эпоса «Кёр-оглы» — «Гёр-оглы» мы встречаем в трудах Ч. Ч. Валиханова, Е. Исмаилова, В. М. Жирмунского².

В «Очерках Джунгарии» Чокан Валиханов высказывает интересные мысли о взаимном проникновении эпических сказаний у родственных народов и об отношении к ним кочевников: «Эти саги показывают, в какой степени наши кочевники дорожат стариной и как умеют ее сохранять. Надо сказать, что поэтические предания, вследствие смежности кочевьев и при сходстве языков, легко переходят и заимствуются одним народом у другого, и поэтому нужно уметь их отличать. Г. Ходзько слышал отрывки из Идиге от туркменцев, но туркменцы его заимствовали от кайсаков или от ногайцев, точно так же, как классический их разбойник Кор-оглу известен кайсацким рапсодам. В Азии очень много странствующих преданий, легенд и саг»³.

По установившейся традиции казахи называют богатырские песни, сказания — «жир», «дастан», «хикаят». Акад. А. С. Орлов назвал их былинами, на наш взгляд, неудачно перенеся термин, обозначающий специфический жанр русского эпоса, на явления казахского фольклора⁴.

1. Исследуемые нами песни «Кёр-оглы» издавна входили в репертуар казахских жирау и акынов, в частности известного сказителя Мурын-жирау Сенгирбаева (1875—1952)⁵, Айсы Байбатынова (р. в 1875 г.)⁶ и др. Отдельные ветви казахской версии сказания записаны со слов жирау и акынов и хранятся в рукописном фон-

² Ч. Валиханов, *Избранные произведения*, Алма-Ата, 1952, стр. 11; Е. Исмаилов, *Акыны*, Алма-Ата, 1957, стр. 231; В. Жирмунский, *Народный героический эпос*, М., 1962, стр. 213 и сл.

³ Ч. Валиханов, *Избранные произведения*, стр. 11.

⁴ А. С. Орлов, *Казахский героический эпос*, М., 1945.

⁵ «Казак эдебиетинин тарыхы», биринжи кітап, Алма-Ата, 1960, стр. 457.

⁶ Там же, стр. 477.

де Научной библиотеки АН Казахской ССР. Они следующие:

1) «Рассказ о Кор-угылы султane» — «Хикаят Кор-угылы султан». Записал среди казахов Молда Хасен Мирбабаев из Петропавловска в 1880 г.⁷ Этот рассказ о Кёр-оглы в 1902—1916 гг. неоднократно издавался в Казани;

2) «Об Ауэз-хане» — «Гауазхан туралы». Это эпическое повествование об Ауэзхане, приемном сыне Кор-угылы. Записал Молда Хасен Мирбабаев⁸. Объем сказания — 2300 стихотворных строк. Оно также издано в Казани до революции.

Для вариантов Молды Хасена Мирбабаева и для старых литографированных изданий характерно наличие множества арабо-персидских слов и религиозных сентенций. Эти варианты были в 1941 г. переведены на современный казахский язык. При переводе некоторая часть записей была опущена как посторонние привнесения.

Краткое содержание указанных выше вариантов «Кор-угылы» таково.

Султан Кор-угылы правит страной Джамбиль-бель. У него сорок везиров. Кор-угылы уже стар, а детей у него нет. Это причиняет ему много горя. Кор-угылы усыновляет храброго юношу Хасена. Однажды Хасен и сорок везиров советуют Кор-угылы отправиться в страну кизылбашей Коржастан⁹ и отнять у хана Булдурыка его сына — красавца Ауэза, родившегося от туркменки. Они убеждают Кор-угылы, что именно Ауэз достоин усыновления. Кор-угылы едет в Коржастан, где выдает себя за Конгурбая, брата умершей жены Булдурыка. С мнимым племянником он часто бывает на прогулках, приучает его к себе. Однажды Кор-угылы выводит Ауэза за город и там объясняет ему, что он хочет усыновить его и увезти в Джамбиль-бель.

Хан Булдурык узнает о похищении Ауэза и снаряжает погоню, получив в помощь подкрепление от шаха. Происходит бой, оканчивающийся победой Кор-угылы.

⁷ Рукописный фонд Научной библиотеки АН, КазССР, инв. № 240.

⁸ Там же.

⁹ Коржастан — Гурджистан, Грузия.

Герой привозит Ауэза в Джамбиль-бель и торжественно усыновляет.

В дальнейшем повествуется, как Ауэз, возмужав и обучившись военному искусству, усвоив законы справедливости и правосудия, становится султаном, поскольку Кор-угылы исполняется сто двадцать лет.

Старый витязь однажды спрашивает у своих жен Ага-Юнус-пери, Мискаль-пери и Гюльнар-пери, как и о чем будет их плач в случае его, Кор-угылы, смерти. Те отвечают, что они упомянут о храбрости, отваге, справедливости и о бездетности мужа.

Объяснения жен подслушаны его приемными Хасеном и Ауэзом. Обидевшись, они готовы покинуть страну. Ауэз уезжает на охоту. Во время охоты он встречает две богатые кибитки — золотую и серебряную. Одна из них принадлежит Ботакоз-Аим — дочери туркмена Ахмед-сердара. Путник завязывает с ней беседу и называет себя сыном Кор-угылы. Но девушка этому не верит, заявляя, что у Кор-угылы нет сына. Это еще больше огорчает Ауэза.

Вернувшись домой, он просит отчима женить его на Ботакоз-Аим. Кор-угылы посылает к Ахмед-сердару сватов — своих везиров. Но сердар отказывает сватам. После этого Ауэз прощается со страной теке-ио-мудов и уезжает в Коржастан. По прибытии Ауэза в Коржастан хан устраивает ему пышный прием. На пиру гость хвалит Джамбиль-бель и его правителя. Это приводит Булдурыка в ярость. Он бросает Ауэза в темницу и угрожает смертной казнью, если тот не отвернется от Кор-угылы и не перейдет на его, хана, сторону.

Тем временем Кор-угылы узнает о заточении Ауэза и едет вместе с сорока джигитами и Хасеном выручать узника. В Коржастане происходит бой между ханом Джогаром и Кор-угылы, который кончается победой Кор-угылы. Герой сохраняет жизнь побежденному и не разоряет его страну. Ауэз освобожден. Вместе с Кор-угылы и джигитами он возвращается в Джамбиль-бель и женится на своей возлюбленной Ботакоз-Аим. В конце рассказа дается описание пышной свадьбы и пира по случаю победы над врагом.

Из краткого изложения содержания казахской версии явствует, что здесь содержатся моменты, общие для ряда других версий эпоса. Это, в частности, образ са-

мого Кор-угылы — вождя и правителя, заступника и мстителя; это сорок джигитов; неприступная крепость Джамбиль-бель (сравни: Чамлибель. Чамбул, Чандыбель и т. д.); три жены; страдания героя из-за отсутствия у него детей; похищение Ауэза, сына Булдурыка (Булдур — у узбеков, туркмен и таджиков); второй приемный сын Кор-угылы — Хасен; обида и уход Ауэза, его женитьба на дочери Ахмед-сердара (как в узбекской и среднеазиатско-арабской версиях «Кёр-оглы») и т. д.

Но отметим специфически национальные элементы казахской версии: сорок везиров; Булдурык уже не мясник, а хан страны Коржастан; лаконичность сюжета и скупость художественно-изобразительных средств; наличие традиционного дидактического начала и т. д.

Говоря об источниках казахской версии «Кёр-оглы», следует считать таковыми эпос народов Средней Азии и прежде всего узбекский и туркменский одноименный эпос. Но казахские акыны и жирау создавали свою версию сказаний, опираясь на богатые национальные эпические традиции.

Примером многовекового обмена и сотворчества духовных ценностей народов Востока служат кроме эпоса «Кёр-оглы» и многие другие эпические памятники. Например, дастаны «Алпамыш» («Алпамыс»), «Алдар-Косе», «Коркуд-Ата», «Хурлукга и Хемра» и т. д.

2. Известен вариант «Кор-угылы», исполнявшийся знаменитым акыном Джамбулом, который называл эпос «Кор-угылы-султан». Как утверждают казахские народные певцы, Джамбул пел «Кор-угылы-султана» чуть ли не тридцать дней подряд. Хотя этот вариант в свое время не был взят непосредственно от Джамбула, он частично (1750 стихотворных строк) записан в 1948 г. Турсынбаевым со слов других сказителей, перенявших эти песни у Джамбула.

В начале сказания идет традиционное дидактическое вступление, что так характерно для казахского фольклора. Далее рассказывается о том, что у свирепого Бозай-шаха много рабов, с которыми он обращается бесчеловечно. Хан берет себе сорок первой женой дочь везира. Молодая добрая ханша помогает рабам, старается облегчить их участь. За это свирепый хан посылает ее на виселицу. В могиле у ханши рождается

сын, которого до шести лет кормит своим молоком белая коза, принадлежащая бедняку. Узнав о странном мальчике, хан посылает своих людей на кладбище схватить ребенка и привезти его во дворец. Мальчику подбрасывают куклу и игральные кости — астрагал. Тот берет кости. Его ловят, привозят к хану и нарекают именем Кор-угылы — «Сын могилы».

Кор-угылы уже в детские годы проявляет свою удаль. Бозай покупает для него племенную кобылу Кок-ала. Однажды приезжает к хану шах пери на племенном коне. Гость разрешает случить кобылу Кор-угылы со своим конем, но похищает мачеху — воспитательницу молодого Кор-угылы. Юноша скачет вслед за похитителем и отбивает женщину. Далее рассказывает, что от кобылы Кор-угылы рождается будущий Кир-ат.

Кор-угылы влюбляется в прекрасную пери Гюльнар-Ай. Преодолев всевозможные препятствия, он достигает своей возлюбленной. По варианту у героя три жены: Ага-Жунис, Мискаль-пери и Гюльнар-Ай. Все они достались ему после победы над врагами. Однако Кор-угылы не имел потомства, хотя и прожил он сто двадцать лет. Поэтому он едет за сыном царя Парсы (Персии) — красавцем Ауэзом, которого после сложных перипетий привозит в Джамбиль-бель и торжественно усыновляет.

И в этой части казахского сказания обнаруживаются мотивы, общие и национально своеобразные. Например, рождение героя в могиле от беременной матери, кормление его козой, поимка мальчика, наречение именем, воспитание у мачехи (тетки), похищение мачехи (тетки) гостем-всадником, случка лошади и рождение Кир-ата — устойчиво повторяются во всех среднеазиатских версиях «Кёр-оглы». Сюда же следует причислить такие общезвестные эпизоды и детали, как поездка Кор-угылы за Ауэзом, его похищение и усыновление, богатырское воспитание Ауэза, его обида, уход, возвращение в Джамбиль, женитьба, вопросы Кор-угылы к своим женам о том, как они будут оплакивать его в случае его смерти, и т. д. В этих общетюркских эпических мотивах и традиционных элементах возможны лишь частичные отклонения (кормление ребенка на кладбище, например, кобылой, а не козой; количество

жен; положение отца Ауэза — хан или мясник; причины обиды Кор-угылы, выбор им невесты и пр.).

Но рассказ о рабовладельце, отце будущего героя; убийство отцом матери героя за помощь рабам; гость-похититель тетки героя — не араб, а повелитель пери: Ауэз — сын шаха Персии, и, наконец, приписывание данного варианта Джамбулу как сказителю, составляя национальное своеобразие казахского «Кор-угылы».

3. Приведем группу записей сказания о Кор-угылы, объединенную общим названием — «Воскресение Кор-угылы в могиле» — «Коруғылының көрден тірілуі»¹⁰. В нее входят близкие друг другу варианты эпоса:

1) запись фольклорной экспедиции 1935 г., сделанная Бозтай Джакилбаевым в Баян-ауле, — 1748 стихотворных строк;

2) запись Молда-Мукана под названием «Рождение Кор-угылы» — «Коруғылының тууы» — 1700 стихотворных строк;

3) запись Абдрахманова от 1940 г. «Рассказ о султанине Кор-угылы» — «Коруғылы султан кыссасы» — 1500 стихотворных строк;

4) запись Балабекова из Карсак-бая от 1935 г. — «Коруғылы» — 640 стихотворных строк;

5) запись 1936 г., имеющая общее название «Коруғылы» — 1480 стихотворных строк.

Сюжет перечисленных рассказов вкратце такой.

Мункар-бек — богатырь из туркменской земли — идет на битву с язычниками, оставив дома беременную жену Алтын-Ай, и погибает на войне. Вскоре умирает и беременная жена богатыря. И вот у нее в могиле рождается сын, который до семи лет обитает на кладбище. Бозуглан — старший брат покойницы — находит мальчика на кладбище, приводит его домой и вместе со своей женой воспитывает его. Он же дает племяннику имя Кор-угылы. Когда Бозуглан находится на охоте, его жену Ак-Билек похищает шах Рейхан. Кор-угылы едет в страну Рейхана. Там он выдает себя за пастуха и в отместку шаху умыкает его дочь, красавицу Гюль-Аим. Рейхан гонится за Кор-угылы. Путь ему преграждает река, которую юноша легко преодолевает, а Рей-

¹⁰ Рукописный фонд научной библиотеки АН КазССР, инв. № 240.

хан не в силах переплыть. Он возвращается домой и заключает Ак-Билек в темницу.

Кор-угылы вновь приезжает в страну шаха на Кирате, освобождает тетку, привозит ее на родину и возвращает своему дяде.

Как видно, и в данном сюжете много общего с другими среднеазиатскими версиями. В частности, рождение будущего героя в могиле, его поимка на кладбище и воспитание родственником, похищение арабом-гостем тетки Кор-угылы, поездка за нею и умыкание дочери обидчика, погоня, преследование тетки героя и т. д.

Несомненно, образ дяди Кор-угылы — Бозуглана, правителя страны и мудрого советчика главного героя дастана, перешел в казахский «Кор-угылы» из дастана «Юсуп и Ахмед», известного народам Средней Азии и Казахстана.

Вместе с тем такие эпизоды, как битва отца Кор-угылы с язычниками и его гибель на войне, поимка мальчика Кор-угылы на кладбище его дядей со стороны матери, заточение Ак-Билек — тетки героя — в темницу и др., присущи только казахской версии эпоса.

4. Жизнь богатыря Кор-угылы в романтическом стиле изображена в другом варианте казахской версии эпоса — в рукописном списке Ертая Кулсарыева, приобретенном АН Казахстана в 1939 г.¹¹ Кор-угылы — правитель Джамбиль-бея. Во главе сорока джигитов он часто выезжает на охоту и не бросает занятия охотой до самой смерти. Показ героя в основном охотником в казахской версии «Кор-угылы» нужно считать одной из специфических национальных ее черт, объясняемых самой казахской действительностью.

Однажды Кор-угылы гонится за степной ланью и встречает волшебницу-пери по имени Гюльнар. Она не соглашается выйти замуж за героя, заявив, что тот слишком стар — ему скоро исполнится сто двадцать лет, — и улетает в свое царство. Герой ищет ее повсюду, даже на сказочной Кап-горе, обиталище дэвов и фей. — но безрезультатно. В конце концов Кор-угылы снаряжает Ауэза на поиски Гюльнар. Молодому батыру удается найти красавицу в Иранбаке (читай: Ирамбаг — сад Эдема). Он склоняет ее поехать в Джамбиль-

¹¹ Там же, инв. № 240.

бель, к Кор-угылы. В пути Ауэзу приходится отбивать нападение насильников — кизылбашей, после чего все возвращаются в крепость Кор-угылы, где старый герой устраивает большой пир и женится на Гюльнар.

Характерно, что во всех вариантах казахской версии как противники героя постоянно фигурируют кизылбаши — иранские феодалы. Это устойчивый элемент эпических сказаний казахов, узбеков, туркмен, каракалпаков. Кроме того, в казахской версии намечается бо́льшая, чем в некоторых других версиях, например в туркменской, идеализация и героизация образа Ауэза, что так характерно для национальных версий одноименного эпоса у узбеков и таджиков. Очевидно, героикороманическая линия казахского Ауэза имеет своим ближайшим истоком узбекские дастаны об Аваз-хане, что не исключает, однако, его генетической связи и с туркменским эпическим Овезом, и в конечном счете с возможным его историческим прототипом Айвазом (см. соответствующие главы данной работы).

5. Наиболее полным по объему (4800 стихотворных строк) вариантом казахского «Кор-угылы» по праву считаются «Три ветви султана Кор-угылы» — «Коруғылы султаның үш саласы». Дастан взят из репертуара акына Рахмета Мязходжаева (вариант записан на магнитофонную пленку)¹².

Как объясняет акын, песни «Кор-угылы» переходят из поколения в поколение. Сам он около тридцати лет потратил на их выучивание у старых сказителей, особенно у Барат-жирау Накып-угылы (XIX в.).

Акын начинает свою песню с рассказа о том, что Кор-угылы — потомственный батыр, его отец Раушанбек из теке-иомудов, дед Толыбек, тоже туркмен.

Далее повествуется, что кизылбашами правит хан — хвастун Шагдат, у которого служит умный богатырь по имени Махарам. Хан хвастается, что ему нет равного на свете. Тогда Махарам замечает: «В стране теке-иомудов живет богатырь посильнее тебя». Хан собирает войско и идет на землю туркмен. У туркмен в это время умер хан Болыбай и ханом стал его сын Раушан, полю-

¹² Рахмет Мязходжаев родился в 1881 г. в ауле Сыр-Дарья Кизыл-Ординской области. Запись хранится в рукописном фонде Научной библиотеки АН КазССР, инв. № 258.

бившийся соотечественникам за справедливость и сочувствие бедным и слабым.

Однажды Раушан-бек едет на охоту. На него нападает Шагдат и уводит Раушана в плен. Дома Шагдат видит страшный сон. Испугавшись, он созывает толкователей снов, и хитрая старуха советует хану убить пленника как опасного противника. Но один из вельмож замечает: «Один туркмен ничего не сделает, лучше выставить пленника на базаре и продать его в рабство». Раушан-бек — на невольничьем рынке, где его покупает туркмен Гаждан-бек. Вскоре хозяин женит юношу на своей дочери Ак-Анай.

Гаждан-бек и Раушан-бек — опытные конюхи. Сидя на базарной улице, они определяют породу коней. Хан приглашает к себе Раушан-бека для определения породы верблюдов и быков. Затем он требует установить, кто из людей хороший и плохой, а потом определить, каково его, хана, происхождение. Долго уклоняется герой от решения трудной задачи, но хан неумолим. Наконец Раушан отвечает, что отец Шагдата был пекарем. За дерзость хан велит вырвать конюху глаза, хотя родная мать феодала подтверждает отгадку Раушана.

Несчастливого слепца приводит к себе домой Гаждан-бек. Даже незрячим Раушан мог определять качества лошадей. Однажды среди множества коней он отбирает настоящего тулпара, на котором вместе с хозяином дома бежит в страну теке-иомудов. Свирепый властелин снаряжает погоню, но крылатый конь спасает беглецов.

И вот он на туркменской земле, где люди тщетно пытаются поймать тулпара. Когда на коня накидывают длинную и толстую веревку из шелка, он срывает аркан и погружается в воду Черного моря. Всадники Гаждан-бек и Раушан-бек выплывают на сушу. Так кончается первая ветвь повествования.

Вторая ветвь данного варианта называется «Рождение Кор-угулы» — «Коругулының тууы». Матери героя Ак-Анай чильтены подсказывают во сне, что, когда она умрет, в ее могиле родится сын, коего следует называть Кор-угулы.

Далее следуют эпизоды рождения мальчика и кормления его кобылой пастуха Бабаали.

Пастух же находит «Сына могилы» на кладбище и сообщает о нем родственникам Ак-Анай. Но Бабали не удается поймать ребенка даже на тулпаре. Лишь с помощью чильтена пастух ловит его. Мальчик просит развязать ему руки, он идет к могиле матери, прощается с ней и приходит в дом своей тетки Гюль-Аим. Та нарекает его именем Кор-угылы и занимается его воспитанием. Мальчик играет в бабки с кизылбашами и всегда выигрывает. Те начинают обзывать его выходцем из могилы. Спросив у тетки, кто его родители, Кор-угылы едет искать отца, а Бабали сопровождает его на тулпаре Торы. В стране теке-иомудов они узнают о смерти Раушан-бека, но находят дядю Гаждан-бека и его жену Барша-Гюль.

Последняя ветвь варианта — «Битва Кор-угылы с Рейханом». Здесь повторяются традиционные эпизоды похищения арабом Рейханом тетки Кор-угылы, случки лошади, напрасной погони Кор-угылы за похитителем и трехлетнего выращивания героем жеребенка.

В Джамбиль-беле умирает хан, и по сказочной традиции пускают птицу счастья (бакыт кусы) для выбора нового хана. Птица садится на голову Кор-угылы. Но герой не принимает ханского престола и едет на тулпаре мстить Рейхану. Там он переодевается в лохмотья и находит тетку Барша-Гюль, с которой тайком договаривается увезти дочь хана — Курбан-Гюль. Тетка отдает ее в руки племянника, а сама, притворно вопя, возвращается к Рейхану. Хан гонится за Кор-угылы, но, не догнав его, поворачивает домой и бросает Барша-Гюль в темницу глубиной в семьдесят сажень.

Кор-угылы женит Гаждан-бека на ханской дочери, а народ избирает героя своим правителем. Он мудро правит Джамбиль-белем, заботится о благополучии людей.

Однажды Кор-угылы видит сон: сорок чильтепов рассказывают ему об участии Барша-Гюль. Проснувшись, он вместе с сорока джигитами едет спасти тетку. Кор-угылы оставляет у реки соратников и один освобождает Барша-Гюль.

Рейхан во главе большого войска отправляется в страну туркмен. Туркмены дают ему бой и топят его лодки, а Рейхана берут в плен. Хан признает свою вину, заключает мир, и его отпускают домой.

Кор-угылы снова видит во сне чильтенгов, которые велют ему вызволить из плена кизылбашей другую родственницу героя, Гюль-Аим. Кор-угылы рассылает письма друзьям с просьбой прийти ему на помощь. К нему стекаются храбрецы, в том числе арабы. Вместе с ними Кор-угылы воюет против кизылбашей и освобождает пленницу. Батыры один на один борются с дружинниками хана Шагдата. В конце боя Кор-угылы вступает в поединок с богатырем Махарамом, ослепившим по приказу хана отца героя. Кор-угылы убивает Махарама и его повелителя и назначает правителем страны пастуха Бабаали. Богатства Шагдата он распределяет между бедняками. Вместе с Гюль-Аим Кор-угылы прибывает в Джамбиль-бель. В честь победоносного возвращения в родную страну теке-иомудов устраивается пир, на котором веселятся люди разных племен и народов.

В конце песни повествуется о том, что Кор-угылы исполняется сто двадцать лет. С ним прощаются его жены: Ага-Жунус, Гюльнар-пери и Мискаль-пери и приемные сыновья Хасан и Ауэз.

Покровители героя — пиры однажды спросили, чего он хочет: сына, богатырства или славы в битвах. Герой предпочел всему богатырство, и таким образом был обречен на бездетность.

Данный вариант, как мы могли заметить, включает различные сюжетные линии, захватывающие эпизоды, кои в иных национальных версиях эпоса оформились в самостоятельные дастаны. Кроме того, как результат контаминации и творческой обработки в сюжетную ткань казахской версии включено кое-что из народных сказок (избрание хана при помощи птицы счастья; вещие сны и др.). Из древних легенд в эпос вошли образы чильтенгов и пиров-покровителей.

Частые столкновения героя с кизылбашами и освобождение их пленниц и пленников перекликаются с дастанами народов Средней Азии и Казахстана, в первую очередь с «Юсупом и Ахмедом»; а продажа отца героя на невольничьем рынке близко напоминает соответствующие сцены из дастанов «Юсуп и Зулейха», «Шасенем и Гариб».

Интересен образ табунщика Бабаали, играющего заметную роль в судьбе Кор-угылы (нахождение и поимка будущего героя на кладбище, сопровождение его в

дальнейшем в походах). Примечательно, что простой пастух становится с помощью Кор-угылы правителем страны низвергнутого хана Шагдата. В этом образе, как и в ряде других, воплощена исконная мечта обездоленных масс об уничтожении власти угнетателей и замене тирании народовластием. Это и многое другое свидетельствует о народности сказаний о мудром и храбром Кор-угылы.

Кроме перечисленных выше вариантов в Казахстане известны также следующие песни «Кор-угылы».

6. «Битва богатыря Раушан-бека с калмыцким силачом Мактымом» в записи Аксая Хангильдина от 1941 г.

7. «Базай-батыр и его сын Кор-угылы», опубликованная в «Тугайской газете» в 1905 г. (№№ 32, 33, 34). Она сложена прозой, перемежающейся песнями. В этом дастане повествует о том, как бедняк Базай-батыр собирает войско для отпора врагу, караногайскому хану Казакаю, который вместе с разбойниками нападает на Базая. Батыр роет в лесу большую канаву, в которую проваливаются насильники. Враг сдается. Заключен мир. Базай и Казакай дают обет закрепить дружбу брачными узами их будущих детей.

В отсутствие Базая другой враг нападает на его страну. Умирает беременная жена Базая Ай-Сулу. Базай приходит на свежую могилу жены, обнаруживает там мальчика, привозит его домой и созывает совет старейшин, чтобы дать имя сыну. Но никто не может придумать подходящее имя. Тогда Базай выходит с сыном на дорогу. Встречный старик предлагает назвать мальчика Кор-угылы, поскольку тот вышел из могилы. Наречение имени сопровождается тоем.

Вскоре умирает Базай, а Казакай отказывается выдать дочь за сироту. Последнего воспитывает его дядя Абил. Во время игры со сверстниками Кор-угылы отнимает у них альчики. Ребята упрекают его: «Чем отбирать у нас альчики, пойдя да возьми свою нареченную Меден-Сулу, дочь Казакай-хана!».

Кор-угылы отправляется на ее поиски. В пути он попадает в аул Кенжебая, где идут состязания в поимке кобылицы Кенжебая. Поймать лошадь удастся только Кор-угылы. Хозяин отдает ему кобылицу, а самого усыновляет. Юный герой едет за Меден-Сулу. Но преж-

де чем найти суженую, он вступает в схватку с тигром и освобождает из его лап юношу, который становится его верным другом.

Брачное путешествие героя кончается встречей с Меден-Сулу и женитьбой на ней. Вернувшись в родной край, Кор-угылы сооружает крепость Кигаш-Каратау.

Как явствует из содержания, и в этом варианте казахской версии имеются эпизоды чудесного рождения героя, его богатырского детства, поимки коня, эпических битв и свадебного путешествия за суженой. Здесь же герой выступает защитником слабых, попавших в беду людей, а также строителем укрепления в неприступных горах.

Кроме общеизвестных линий и эпизодов сюжета в нем обнаруживаются и специфические национальные черты. Выделяются также бытовые реалии — обычай наречения имени будущему герою, восходящий в плане эпическом к огузскому эпосу «Коркуд-Ата» («Песня о Бамси-Бейреке и Баян-Чечек»), а в плане этнографическом — культу стариков и традиции преклонения перед гостем-всадником с дальней дороги.

Близок к только что изложенному сюжету другой вариант эпоса, носящий общее название «Кор-угылы»¹³. Он состоит из 672 стихотворных строк и был приобретен в 1941 г. у Джумагазина Эмиреша. Стихи местами перемежаются прозаическими вставками. Начало повествует о том, что в стране туркмен два батыра — Базай и Козей — договариваются породнить будущих детей. Умирает Базай, затем и его беременная жена. В ее могиле рождается сын, прозванный Кор-угылы. Мальчик взрослеет, но Козей, нарушая клятву, не хочет выдавать свою дочь за Кор-угылы и откочевывает в другую страну. Кор-угылы узнает через табунщика, где живет Козей, и находит его. Выиграв в поединке с сыновьями Козея — Али-ханом и Сары-ханом, герой находит суженую Ак-Меден. Однако брат влюбленного в нее шаха похищает Ак-Меден и увозит ее на Кара-тулпаре. Кор-угылы ищет и находит Ак-Меден. Одержав верх над шахом, он возвращается на родину. А свергнув Байыр-хана, притеснявшего его родню и остальных туркмен, сажает на ханство бедняка Кул-Кара.

¹³ Там же, инв. № 240.

Герой долго горюет из-за отсутствия собственных детей, хотя и усыновил двух юношей. Песня заканчивается народным изречением: «Неродной сын — не сын».

Характерна для данного варианта фигура старухи колдуньи, действующей на стороне врагов героя. Гиперболизация этого образа отмечается почти во всех вариантах казахского «Кор-угылы», как и во всех среднеазиатских версиях эпоса. Надо думать, что образ старухи представляет собой глухой отголосок пережитков матриархата, нашедших отражение и в некоторых других сказаниях («Коркуд-Ата», «Алпамыш»).

Рассмотренные нами варианты эпоса «Кёр-оглы», зафиксированные в репертуаре казахских акынов и жипрау, свидетельствуют о наличии у казахов самобытной версии сказания. Она выросла на богатой почве национальных эпических традиций и отразила присущие казахской действительности разных эпох специфические черты. Вместе с тем в казахской версии повторяется основная сюжетная канва эпоса «Кёр-оглы», свойственная всем среднеазиатским национальным версиям.

Накопленный материал по казахскому «Кор-угылы» позволяет сделать вывод о разнообразии вариантов этого эпоса, о больших идейно-поэтических достоинствах и народности всего сказания. Казахи обладают многочисленными и разнообразными произведениями устного поэтического творчества. По отношению к ним применимы высказывания П. Г. Чернышевского, отмечавшего, что «прекрасная и богатая народная поэзия» возможна лишь там, «где масса народа волновалась сильными и благородными чувствами»¹⁴.

Среди замечательных образцов эпического творчества казахов достойное место занимает сказание о Кор-угылы.

¹⁴ Н. Г. Чернышевский, *Песни разных народов*, — Собрание сочинений, т. II, М., 1949, стр. 298.

ТОБОЛЬСКО-ТАТАРСКАЯ ВЕРСИЯ

• Одной из совершенно неизученных версий цикла «Кёр-оглы» является тобольско-татарское сказание о «Сыне слепца» — «Курнын улы», или «Кур-улы». Известна единственная публикация XIX в. эпоса, принадлежащая акад. В. В. Радлову¹. Тобольские татары, или тобольско-тарские татары, численностью около 50 тыс. человек живут в Сибири и образовались в результате смешения тюркоязычных племен с хантами. Они поселились по реке Иртышу от г. Тобольска до г. Тары и по нижнему Тоболу до г. Ятуторовска (в современной Тюменской и Томской областях РСФСР)².

В тобольско-татарской версии мы находим три основные сюжетные линии: 1) ослепление стамбульским падишахом отца героя [который здесь назван Кур (Кор)-батыр, т. е. «Слепой-храбрец», или «Слепец-богатырь»], месть Кур-улы и защита им крепости Шамливиля; 2) похищение у Кур-улы его сказочного коня — тулпара по кличке Кар-ат (Кар-от); 3) умыкание героем красавицы Никар-ханым, дочери турецкого хана Булбека, и победа над ханом.

Ознакомимся с указанными эпизодами и их трактовкой в татарской версии «Кур-улы».

Везир стамбульского падишаха рассказывает царю, что однажды вышел из воды тулпар и покрыл кобылу шаха. Тот велит своему вельможе хорошо ухаживать за кобылой, ибо от нее родится сказочный тулпар. Че-

¹ В. В. Радлов, *Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи*, ч. IV, *Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар*, СПб., 1872, стр. 258—261 (раздел «Тобол Халк»).

² См. БСЭ, т. 42, М., 1956, стр. 53.

рез девять месяцев и девять дней кобыла приносит черного уродливого жеребенка, покрытого густой шерстью. Турецкого султана приводит в ярость неказистый вид животного, и он приказывает ослепить конюха. Вырвав глаза конюху, султан отдает ему лохматого жеребенка вместе с кобылой и еще одним конем по кличке Тур-ат (у туркмен — Дор-ат, у азербайджанцев — Дур-ат).

Лохматый жеребенок, будущий Кар-ат³, девяти лет от роду был уже настоящим тулпаром. Слепой старик — Кур-батыр говорит сыну: «Садись на кобылу, а Кар-ата и Тур-ата веди на поводу!». Они садятся на лошадей, но прежде чем уехать, являются к султану. Старик угрожает повелителю: «Видишь? Ты выколол мне глаза. Пусть и тебе вырвут глаза!».

Хотя эпизод ослепления отца Кёр-оглы содержится почти во всех национальных версиях эпоса (в туркменском «Гёр-оглы» ослеплен не отец, а дед героя — Джигали-бек), но в татарской версии Кур-улы не нападает на насильника.

Последующие события, связанные с бегством героя из Стамбула в горы, в крепость Шамливиль, сохраняют общую линию развития. Турецкий падишах снаряжает погоню за Кур-улы. «Хоть у него будет и тысяча душ, пусть ни одна не спасется!» — заявляет падишах. Но попытки поймать Кур-улы оказываются тщетными. Герой по совету отца направляет коней в места, недоступные для преследователей.

Второй эпизод начинается с того, что Кур-улы обосновывается в городе Шамливиле. Здесь он собирает вокруг себя таких же удальцов, как сам, и отсюда совершает нападения на баев, купцов и султанов. Герой привлекает джигитов с помощью домбры, на которой он отлично играет (этот штрих отсутствует в других, в частности в азербайджанской и туркменской, версиях). Кто враг героя, видно из следующих кратких строк:

В Шамливиле я стою, стою.

Баям, султанам дороги не даю, не даю⁴.

³ Кар-ат, возможно, здесь от слова «кара» — «черный»; в других версиях «Кыр-ат», «Гыр-ат».

⁴ В. В. Радлов, *Образцы...*, стр. 259.

Характерен случай задержания героем возле Шамливиля купцов во главе с Ага-Джаус. Остановив Ага-Джауса, Кур-улы требует с него дани: «Отдай богатство и спасай душу, иначе не вернешься домой», — говорит Кур-улы. Но купцу жалко имущество. Он вступает в поединок с героем и терпит поражение.

Отметим, что в остальных версиях эпоса купец по имени Ага-Джаус («Господин Жестокий») не зафиксирован, хотя образ купца и схватка с ним героя из-за «пошлины» и сохраняется (например, в песне «Безирген» в туркменском «Кёр-оглы»).

В другой раз Кур-улы задерживает у своей крепости богатого старика и берет с него дань. Услышав от него слова: «Нет у тебя ни сына, ни дочери. Умрешь один...», а также вспомнив рассказ о дивной красавице Никар-ханум, живущей в крепости Стамбул, герой созывает народ и объявляет о своем решении ехать за девушкой.

Начинается новый эпизод сказания «Кур-улы». В нем рассказывается о женитьбе героя. Кур-улы обещает вернуться из дальнего пути через месяц, но просит своих джигитов отпраздновать за ним в том случае, если он не привезет жену в течение указанного срока. В Турции во время сна Кур-улы попадает в плен к хану Бул-беку. Бул-бек передает связанного Кур-улы своему властелину — шаху Стамбула, который бросает героя в темницу.

Эпизод пленения героя во время сна — своеобразная деталь татарского сказания. Она отсутствует в других версиях эпоса, но в то же время имеет параллели в иных тюркоязычных дастанах (например, в узбекско-туркменском «Юсупе и Ахмеде» и др.).

Из темницы героя спасает Никар-ханум, дочь тюремщика (Нигар-ханум — по азербайджанской и турецкой версиям).

Героический образ Кур-улы был бы незаконченным, если бы эпос не раскрывал благородства, честности, правдивости героя (что присуще всем версиям «Кёр-оглы»). Эти черты проявились, например, в таких эпизодах. Никар-ханум, освободив Кур-улы из подземелья, выводит его за город и прячет у своих подруг. Но тот не остается в укрытии, а возвращается в город, чтобы вновь сразиться с Бул-беком. Во время боя со стражей

турецкого бея Кур-улы получает тяжелое ранение. И в этот момент к нему прибывает подкрепление из Шамливиля. Верные своему слову джигиты вместе с Кур-улы разбивают турок и самого Бул-бека берут в плен (потом его вешают на стамбульских воротах).

Гибель хана Бул-бека приводит падишаха Стамбула в ярость. Он созывает совет своих сановников и объявляет: «Кто доставит в Стамбул Кар-ата, тот получит дочь падишаха». Выполнить эту трудную задачу берет-ся некий Хазал. Он является к Кур-улы в Шамливилю и поступает к нему на службу конюхом. Войдя в доверие, Хазал похищает Кар-ата. В дальнейшем события разворачиваются, как в азербайджанском и туркменском сказаниях «Кёр-оглы» (погоня Кёр-оглы за похитителем, остановка у мельницы и пр.), но некоторые детали специфичны — Хазал уводит обоих коней, оставляет Тур-ата по уговору с героем. Характерно, что здесь Кур-улы добивается того, что многие его враги (Ага-Джаус, старик, Хазал), испытав силу богатыря и верность своему слову, переходят на его сторону.

Хазал приводит Кар-ата в Стамбул и передает его султану. На свадьбу Хазала и дочери султана является Кур-улы. Хазал просит его поджигитовать на Кар-ате. Своим искусством Кур-улы изумляет всех, но тут же скачет на коне в Шамливилю. В уводе Кар-ата султан обвиняет Хазала, который спасается от грозного султана бегством в Шамливилю.

Как видно из краткого изложения тобольско-татарской версии, она воспроизводит лишь основную канву некоторых песен «Кёр-оглы». Многие сюжетные линии: рождение героя, его воспитание, походы витязя, в том числе добыча сыновей (Хасана, Овеза), жен, невесток (Ага-Юнус, Гюль-Рух и др.), сражения с богатырями и богатыршами (Харман-Дяли, Мустафа, Сапар-Козе и т. д.), а также смерть героя не нашли отражения в татарском «Кур-улы». Однако нет основания считать, что запись В. Радлова от 1872 г. исчерпывает все бытующие и бытовавшие среди сибирских татар песни «Кур-улы», и, возможно, они выявятся в будущем.

В жанровом отношении тобольская версия принадлежит к прозаическому сказу. Лишь в трех-четырех случаях в прозаическую ткань вкраплены песенки из двух-четырех строк.

Можно предположить, что татарская версия имеет своим первоначальным источником казахские или среднеазиатские сказания о Кёр-оглы. В. В. Радлов сообщает:

«Сношения тобольских татар со Средней Азией начались, по-видимому, довольно рано, так что в XVI столетии во время Кучум-хана большинство их уже приняло ислам»⁵.

Допустимо предположить, что татарский «Кур-улы» восходит первоначально и к письменному среднеазиатскому источнику, завезенному в Сибирь. Рукописный источник «Кур-улы» был доступен некоторым грамотным людям из тюркоязычных племен Тобола. В этом отношении заслуживает внимания сообщение акад. Радлова о том, что «татары около городов Тары и Тобольска славились издавна ученостью... значительная часть тарских и тобольских татар сделали учителями киргизов» (т. е. казахов. — Б. К.)⁶. Но и в этом случае он развивался на богатой эпической почве и подвергся творческой переработке татаро-тобольскими сказителями.

⁵ Там же, стр. XI.

⁶ Там же, стр. XIII.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение героического эпоса имеет большой научно-теоретический и практический интерес. Отражая в высокохудожественной форме светлые идеалы, мечты и устремления трудового люда, народный героический эпос играл и продолжает играть значительную роль в формировании национальных культур. Лучшие представители литературы и искусства берут сюжеты, мотивы и художественно-изобразительные средства из вечно живого источника народной поэзии. По определению А. М. Горького, устное поэтическое творчество «не только исторически предшествует письменному, индивидуальному, являясь его почвой, но и непрерывно питает литературу на всем ее пути»¹.

Великая Октябрьская революция открыла широчайшие возможности народам нашей страны для расцвета национальной культуры и планомерного изучения ее сокровищ.

К числу ярчайших образцов фольклора относится эпос «Кёр-оглы», одно из наиболее значительных произведений устного поэтического творчества народов Востока. Несмотря на многовековое существование, сказания «Кёр-оглы» не заостенели, не застыли. Они развивались, отображая поступательное движение художественного творчества, мышления трудящихся масс.

Сказания о Кёр-оглы возникли в период бурных событий XVI—XVIII вв. Беспощадная эксплуатация, порабощение и ограбление народа, рост феодальных повинностей и разорительные войны высекали огонь мно-

¹ А. М. Горький, *О литературе*, М., 1953, стр. 698.

гочисленных восстаний крестьян и городской бедноты. Одним из вожаков антифеодальных восстаний был храбрец и певец Кёр-оглы, именем которого назван сам эпос.

Не исключена возможность создания самим поэтом-героем первых песен (и рассказов) перед битвами, во время схваток и дальних путешествий. Они могли быть сочинены и другими участниками боев и походов или сказителями в последующие времена, даже спустя столетия, на основе преданий, легенд и песен о героях или просто явились продуктом творческой фантазии.

Эпические сказания о Кёр-оглы получили широчайшее распространение. В образах положительных героев эпоса воплощены величие и богатство внутреннего мира народа, его общественный и эстетический идеал.

Эти сказания содействовали пробуждению воли, отваги трудовых масс разных народностей, их сплочению, солидарности в борьбе за лучшую, независимую и свободную жизнь, против угнетателей. Они сыграли большую роль в деле консолидации народов и в развитии самосознания народных масс.

Эпос «Кёр-оглы» продолжает служить делу воспитания поколения. В нем воспеваются человечность и трудолюбие, щедрость и честность, храбрость и простота, справедливость, богатырская сила, осуждается насилие и жадность, коварство, обман и злоба, гордыня и жестокость.

Феодалы и мусульманское духовенство ненавидели эпос за его светлые и жизнеутверждающие идеи, резко противоположные мрачным мистическим проповедям эксплуататоров.

Простой народ безмерно любил отважного Кёр-оглы (Этим в основном объясняется отсутствие последней главы эпоса в ряде национальных версий, нежелание сказителей рассказывать о его смерти). Ашуги и бахши, акыны и шаиры, выходцы из трудовых слоев, хранили и развивали любимые народом сказания, бережно передавали их новым поколениям, обучая своему искусству молодых певцов и музыкантов.

Многообразие сюжетных ходов, обилие емких и поэтических образов, сочная и красочная речь, богатая инструментовка стиха (обычно семи-, восьми- и одиннад-

цатисложного) — все это определяет непреходящую ценность эпоса.

Значительные изменения в мировоззрении сказителей и слушателей, рост их сознания и кругозора накладывают свой отпечаток на характер бытования национальных версий и вариантов «Кёр-оглы» в наши дни. Достаточно сказать, что в современном репертуаре сказителей почти исчезает религиозно-мистический элемент, и в то же время заметно усиливается звучание темы социальной справедливости, любви к отечеству, интернационализма. Так обретают новизну вечные мотивы борьбы добра и зла, света и тьмы. Апофеоз созидательного труда получает наиболее яркое выражение.

В настоящей работе мы попытались осветить вопросы зарождения и распространения эпических сказаний «Кёр-оглы» у ряда тюрко- и отчасти иноязычных народов Востока. Мы проследили основные сюжеты и особенности национальных версий данного эпоса, их генетические связи, охарактеризовали искусство бахши, шанров, акынов, ашугов и других как создателей, хранителей и распространителей эпоса.

Мы осознаем сложность и даже практическую невозможность дать в одной работе исчерпывающий анализ всех национальных версий и вариантов этого поистине интернационального эпоса. Давно настало время перейти от узкого исследования и популяризации «своего» «Кёр-оглы» к всестороннему коллективному изучению многонационального «Кёр-оглы» в аспекте взаимосвязи десятков его версий и вариантов. В этом деле тесные контакты фольклористов призваны обеспечить широкий обмен опытом по собиранию, изучению, подготовке и публикации критических текстов сказаний, взаимное ознакомление с творчеством носителей эпоса ашугов и акынов, а также с материалами, хранящимися в архивах и различных фондах страны.

Нет сомнения, что разработка проблем эпоса, в частности эпических сказаний «Кёр-оглы», должна содействовать глубокому анализу древних корней дружбы народов, укреплению интернациональных основ национальных культур, взаимообогащению нашей единой социалистической культуры.

Исследование героического эпоса «Кёр-оглы» имеет несомненно большое значение, особенно теперь, в пери-

од развернутого строительства коммунистического общества, когда «все интенсивнее становится обмен материальными и духовными богатствами между нациями»².

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», — «Материалы XXII съезда КПСС», М., 1961, стр. 405.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
О происхождении и развитии сказаний «Кёр-оглы»	8
Азербайджанская и другие кавказские версии «Кёр-оглы»	45
Азербайджанские сказания	45
Армянская версия	64
Курдская версия	67
Грузинская версия	71
Турецкая версия	77
Турецкая версия «Кёр-оглу» в Болгарии	91
Туркменская версия	100
Из истории и публикации «Гёр-оглы»	100
О возникновении и развитии туркменской версии «Гёр-оглы»	115
Бахши как носители эпической традиции	126
Сюжеты «Гёр-оглы» и их варианты	139
Узбекская версия	205
Арабская версия «Кёр-оглы» в Средней Азии	222
Таджикская версия	227
Казахская версия	235
Тобольско-татарская версия	250
Заключение	255

Баймухамед Аталиевич Карриев
Эпические сказания о Кёр-оглы
у тюркоязычных народов

*Утверждено к печати
Ученым советом Института мировой литературы им. А. М. Горького
Академии наук СССР*

•
Редактор А. А. Янгаева
Художник А. Г. Кобрин.
Технический редактор С. В. Цветкова
Корректор В. М. Кочеткова

•
Сдано в набор 15/1 1968 г.
Подписано к печати 26/VI 1968 г.
А-01799. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1.
Печ. л. 8,125. Усл. п. л. 13,65.
Уч.-изд. л. 13,56. Тираж 4000 экз.
Изд. № 1259. Зак. № 46. Цена 98 коп.

•
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4